СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

I. Очеркъ исторіи Галицкой Руси до присоединенія ея къ Австріи. 1

II. Взглядъ австрійскаго правительства и поляковъ на русскій вопросъ въ Галиціи въ продолженіе XIX вѣка.

А. Австрія и Галицкая Русь (1772—1848). 9

Б. Критическое положеніе Австріи (1848—1866) и Галицкая Русь 16

В. Галицкая Русь во время конституціонной жизни Австро-Венгріи. 29

Г. Послѣдствія «новой эры» для Галицкой Руси. 42

III. Борьба русскихъ галичанъ съ поляками за свое существованіе (1900—1906).

Борьба за университетъ 59

Борьба за Станиславовскую гимназію. 65

Борьба за улучшеніе доли русскаго крестьянина. 67

IV. Внутреннее состояніе Галицкой Руси 79

V. Послѣдній годъ 99

VI. Общій выводъ. Значеніе Галицкой Руси для русскаго міра. . 102

Приложеніе 1

Мадьяры и славяне в прошломъ. Историческія справки о славизмѣ в государственной жизни Угріи . . . . . 1—34

Приложеніе 2

Къ исторіи давнихъ угро-славянскихъ отношеній . . . . 1—22

Русское общество, къ сожалѣнію, не можетъ похвалиться сколько-нибудь отчетливымъ знаніемъ и пониманіемъ какъ исторіи, такъ и современныхъ условій и обстановки жизни той свыше трехмилліонной части русскаго народа, которая, политически давно оторванная отъ своего племенного ствола, обречена жить и бороться за свои національныя права подъ тяжкимъ гнетомъ чуждыхъ ей стихій и столь нуждается хотя-бы въ нравственной дружественной поддержкѣ великой и независимой братской Россіи.

Издавая настоящій очеркъ недавняго прошлаго и современнаго состоянія Галицкой Руси, составленный уроженцемъ Галиціи, историкомъ и знатокомъ галицко-русскихъ отношеній, Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III идетъ на встрѣчу духовнымъ интересамъ и запросамъ той русской читающей публики, которая не можетъ быть равнодушной къ судьбамъ нашихъ обездоленныхъ зарубежныхъ братьевъ.

I.

Очеркъ исторіи Галицкой Руси до присоединенія ея къ Австріи.

1. Начало борьбы Польши и Руси изъ-за Галицкой Руси. 2. Галицкое княжество въ правленіе рода Ростиславичей. 3. Потомство Романовичей и ихъ стремленіе собрать южнорусскія земли. 4. Польша захватываетъ Галицко-русское княжество въ 1340 году. 5. Борьба за православную вѣру: Ставропигія и Манявскій скитъ. 6. Связь Руси Галицкой и Московской. 5. Печальный исходъ религіозной борьбы для Галицкой Руси.

«Галицкій Осмомысле Ярославе!
Высоко сѣдиши на своимъ златокованномъ столѣ,
Подперъ горы угорскіе
Своими желѣзными полки,
Заступивъ Королеви путь.
Затворивъ Дунаю ворота
Меча бремены чрезъ облаки
Суды ряды до Дуная.

Такъ возвеличилъ русскій пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» галицкаго князя Ярослава Осмомысла. Галицко-русское княжество было тогда уже образовано. Но до, этой поры территорія нынѣшней Восточной Галиціи, споконвѣка населенная русскимъ племенемъ, въ самомъ началѣ исторической жизни Польши и Руси была предметомъ ихъ взаимной борьбы. Борьбою изъ-за земли Галицкой началась кровавая драма, разыгравшаяся между двумя славянскими народами, польскимъ и русскимъ, и затѣмъ продолжалась цѣлыя столѣтія.

Въ 981 году Владимиръ В отнялъ у Польши червенскіе города: Червень, Перемышль и др.

Въ 1018 г. Болеславъ Храбрый воспользовался междоусобіями въ родѣ Кіевскихъ великихъ князей и снова присоединилъ эти города къ Польшѣ.

Въ 1031 г. вновь овладѣлъ ими Ярославъ Мудрый.

Въ 1070 г. города эти перешли на короткое время подъ власть Польши при Болеславѣ Смѣломъ.

Послѣ столѣтней борьбы впервые образовались здѣсь около 1087 г. три княжества: Перемышльское, Теребовльское и Звенигородское подъ владѣніемъ Ростиславичей, внуковъ Ярослава I: Рюрика, Володаря и Василька, съ столицей въ Перемышлѣ. Съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ въ 1097 г. призналъ за ними право на эту землю. Володимирко Володаревичъ соединилъ три княжества въ одно и около 1134 г. избралъ Галичъ своей столицей. Ярославъ Осмомыслъ придалъ этому княжеству большое значеніе. Съ пресѣченіемъ въ 1198 г. рода Ростиславичей на галицкій престолъ вступилъ Романъ Мстиславичъ, князь владимиро-волынскій, родоначальникъ Романовичей. При князьяхъ этого рода Галицкое княжество достигло наибольшаго могущества и территоріальнаго развитія; кромѣ того, оно обнаружило стремленіе къ собранію южнорусскихъ земель въ одно цѣлое. Уже подъ властью Романа объединились княжества Галицкое, Владимиро-волынское и даже Кіевъ. Послѣ неурядицъ, какія наступили по смерти Романа Мстиславича (онъ погибъ въ борьбѣ съ Польшею подъ Завихвостомъ въ 1205 г.), дальнѣйшее собираніе южно-русскихъ земель принялъ на себя сынъ его Даніилъ съ 1236 г., снова соединивъ подъ своею властью княжества Галицкое, Владимиро-волынское и Кіевъ. И нападеніе татаръ не помѣшали ему въ исполненіи этой великой исторической задачи. Чтобы получить помощь противъ татаръ, Даніилъ заключаетъ церковную унію съ Римомъ. Въ 1253 г., онъ былъ коронованъ въ Дрогичинѣ Галицко-волынскимъ королемъ. Когда надежда его на полученіе помощи не оправдалась, Даніилъ уничтожилъ унію и собственными силами то воевалъ съ татарами, то былъ ихъ союзникомъ и участвовалъ въ ихъ набѣгахъ на Польшу.

Изъ наслѣдниковъ его Юрій I въ 1305 г. принялъ титулъ «короля всей Малой Руси». Къ 1324 г. родъ Романовичей вымеръ и престолъ Галицкій перешелъ подъ власть Болеслава Тройденовича (Юрія II) изъ князей Мазовецкихъ, а со смертью его въ 1340 г. Галицкое княжество не только не выполнило возложенной на него исторіей задачи и роли собирателя русской земли, но даже само потеряло свою самостоятельность.

Еще при Ростиславичахъ становилось яснымъ, что Польша, хотя и разбитая на отдѣльныя княжества, уже лелѣяла мысль относительно завоеванія Галицкой земли. Когда послѣдній изъ Ростиславичей Владимиръ II галицкими боярами былъ изгнанъ въ 1188 г., Казимиръ II оказалъ содѣйствіе Роману Мстиславичу при занятіи галицкаго престола и такимъ образомъ пріобрѣлъ политическое вліяніе на это княжество. Но Польша встрѣтила новаго соперника въ лицѣ Угорскаго короля, который хотя и сулилъ свою помощь Влади-

миру II, однако посадилъ на галицкій престолъ своего сына Коломана(1188 г.).

Когда Романъ Мстиславичъ погибъ въ войнѣ съ Польшею и оставилъ послѣ себя малолѣтнихъ сыновей Даніила и Василька, искателями галицкаго трона снова выступили король Угорскій Андрей II и кн. польскій Лешекъ; Андрей II даже принялъ въ 1206 г. титулъ «rex Galiciae et Lodomeriae» Это соперничество Польши и Венгріи привело къ спишскому трактату 1214 г., въ силу котораго Галицкій престолъ получилъ сынъ Угорскаго короля Андрей, вступившій въ бракъ съ польской княгиней, дочерью Лешка, Саломеей. Когда въ 1340 г. скончался Болеславъ Тройденовичъ (Юрій II), Польша не забыла о своихъ притязаніяхъ на Галицкорусское княжество, тѣмъ болѣе, что тогда она была уже соединена почти въ одно цѣлое Владиславомъ Локеткомъ.

Казиміръ III оружіемъ занялъ это русское княжество, но послѣ короткаго правленія Владислава Опольскаго (1372—1379) и Угорскихъ бургграфовъ, (въ 1387 г.) оно было окончательно присоединено къ Польшѣ Ядвигой, королевой польской, и при ней осталось цѣлыя четыре столѣтія до перваго раздѣла Польши въ 1772 году. Вся жизнь Галицкой Руси подъ польскимъ владычествомъ сосредоточивается въ ожесточенной борьбѣ за православную вѣру.

Еще въ эпоху самостоятельности Галицкаго княжества католицизмъ сталъ распространяться въ немъ главнымъ образомъ чрезъ миссіонеровъ, а въ XIII в. пропаганда латинской церкви значительно усилилась трудами двухъ миссіонерскихъ орденовъ: доминиканцевъ и францисканцевъ. Польскіе доминиканцы, изгнанные изъ Кіева въ 1233 г., въ 1238 году основали свой монастырь въ Галичѣ. Францисканцы прибыли около 1241 г. въ Перемышль и дѣятельность ихъ впродолженіе XIV в. въ Червонной Руси усиливается до того, что они составляютъ къ 1345 г. особое самостоятельное викаріатство (vicaria Russia), обнимавшее Львовъ, Городокъ, Галичъ, Коломыю и Снятинъ.

Католицизмъ со временемъ все болѣе и болѣе вкоренялся въ Галицкой Руси, а когда Казиміръ В. въ 1340 г., занялъ эту землю, то призналъ своей первѣйшей задачею распространеніе и упроченіе католицизма посредствомъ церковной организаціи. При немъ возникли латинскія епископскія каѳедры въ Перемышлѣ. Володимирѣ и Холмѣ, около же 1367 г. былъ поставленъ для Галича особый латинскій архіепископъ, каѳедра котораго позже (въ 1412 г. при Владиславѣ Ягайлѣ) была перенесена во Львовъ.

По пути, указанному Казиміромъ В., пошли его преемники, короли польскіе, политику которыхъ поглощала одна мысль: при-

влечь русскихъ галичанъ въ лоно католицизма посредствомъ ли латинизаціи, или, по крайней мѣрѣ, посредствомъ церковной уніи. О введеніи уніи въ русскихъ земляхъ, принадлежащихъ къ Польшѣ и Литвѣ, ходатайствовали Ягайло и Витовтъ на Констанцскомъ соборѣ, но безуспѣшно; флорентійская унія 1439 г. утратила свое значеніе: русскія земли, а съ ними и Галицкая Русь остались при православіи.

Чтобы прервать религіозную связь ея съ Московскою Русью, Казимиръ В. въ 1371 г. выхлопоталъ у Константинопольскаго патріарха учрежденіе въ Галичѣ православной митрополіи. Впослѣдствіи при Казимирѣ Ягелончикѣ въ 1458 г. была основана отдѣльная отъ Московской православная митрополія въ Кіевѣ, къ которой присоединена и Галицкая Русь.

Въ XVI в. и преимущественно во второй его половинѣ, когда въ Польшѣ настала послѣ реформаціоннаго движенія эпоха католической реакціи и католицизмъ окончательно водворился, перемѣна религіозныхъ отношеній въ Польшѣ сильно отразилась на Галицкой Руси. Крайній фанатизмъ охватилъ польскихъ католиковъ, а ненависть ихъ обрушилась, главнымъ образомъ, противъ русскихъ «схизматиковъ». И началась борьба за православную вѣру, борьба тяжелая прежде всего для Галицкой Руси, такъ какъ изъ русскихъ земель она была всего далѣе выдвинута на западъ и очень рано подвержена сильному напору латинской пропаганды.

Крайнею нетерпимостью къ православной вѣрѣ отличался въ XVI в. въ особенности львовскій римско-католическій архіепископъ Янъ Суликовскій, который своимъ ксендзамъ и польской шляхтѣ приказывалъ принуждать русскихъ въ Галичинѣ праздновать только рим.-католическіе, но никакъ не православные праздники. 24 декабря 1583 г., когда жители города Львова ночью собрались въ своихъ церквахъ, чтобы праздновать Рождество Христово, братъ архіепископа Войтехъ Суликовскій отправился во главѣ вооруженныхъ католиковъ львовскаго римск.-катол. капитула и уличной черни въ русскія церкви и силою выгонялъ изъ нихъ молящихся на улицу, затворялъ всѣ церкви и запечатывалъ ихъ двери.

Съ провозглашеніемъ въ 1596 г. Брестской уніи началась новая, еще большая борьба, ибо этой уніи Галицкая Русь не приняла.

Печальную долю русскихъ Галичанъ въ періодъ послѣ Брестской уніи отчасти раскрываетъ намъ протестъ, какой въ 1598 г. внесло львовское русское православное братство въ львовскіе городскіе акты и который повторили послы его, отправленные на польскій сеймъ въ Варшаву. Въ этомъ протестѣ, между прочимъ, было сказано, что русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запи-

рають церкви, изъ рукъ священниковъ вырывають Св. Тайны и бросають на землю, не допускають русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже были записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пенею и тѣлеснымъ наказаніямъ принуждають ходить въ латинскіе костелы и пр.

Все, что дѣлалось въ южной Руси въ смыслѣ преслѣдованія православія, какъ напр., превращеніе православныхъ церквей въ уніатскія церкви или латинскіе костелы, аренда церквей евреями, запрещеніе праздновать русскіе праздники и т. д., все это имѣло мѣсто и въ Галицкой Руси. Но къ чести ея надо замѣтить, что вѣру своихъ предковъ она хранила не съ меньшимъ, если не съ большимъ мужествомъ и постоянствомъ, нежели Западная Русь.

Въ Галицкой Руси въ XVI в. образовалось львовско-ставропигіальное церковное братство, которое принимало близкое участіе во всѣхъ крупныхъ церковно-историческихъ событіяхъ того времени и въ первой половинѣ XVII в. своею дѣятельностью достигаетъ кульминаціоннаго пункта, такъ что взоры всѣхъ южно-руссовъ были обращены на братство, какъ на твердую опору и защиту противъ иновѣрцевъ.

Дѣятельность львовской Ставропигіи, существующей до сихъ поръ, была весьма широка: дѣла милосердія и человѣколюбія (больница, страннопріимница и пр.), школа, учрежденная въ 1586 г. и снискавшая себѣ большую славу, типографія (1587), печатавшая церковно-богослужебныя книги, множество которыхъ расходилось далеко по Южной Руси,—вотъ область, въ которой неутомимо дѣйствовала Ставропигія.

Для поддержанія православія возникъ въ 1612 г. въ Галицкой Руси «Манявскій Скитъ», основатель котораго схимникъ Іовъ пріобрѣлъ такую славу въ Южной Руси, что даже былъ призванъ въ Кіево-Печерскую лавру для возстановленія въ ней упавшаго духа подвижничества и строгой монастырской жизни. Манявскій монастырь мало-по-малу разросся, вокругъ него стали возникать меньшіе монастыри—«скитики» (какъ въ Угорникахъ, Толмачикѣ и Коломыѣ) и долго оставался опорою православной вѣры.

Въ полемической религіозной литературѣ въ XVII в. русскіе галичане принимали живое участіе, какъ напр. Юрій изъ Рогатина, авторъ «Перестроги», Копыстенскій, авторъ «Палинодіи» и, въ особенности, Іоаннъ Вишенскій, уроженецъ Судовой Вишни (вблизи Львова), Аѳонскій монахъ, который своими жгучими посланіями укрѣплялъ Русь въ сознаніи правой вѣры и истиннаго христіанства. Галицко-русскіе епископы, какъ львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій съ большою частью подчиненнаго имъ духовенства, въ продолженіе многихъ

лѣтъ сопротивлялись принятію уніи, и только въ силу соглашенія, проведеннаго королемъ Владиславомъ IV въ 1633 г. между уніатами и православными, епархіи львовская, перемышльская, луцкая и новоучрежденная могилевская стали принадлежать православнымъ, прочія же уніатамъ.

Въ этой борьбѣ за православную вѣру Галицкая Русь нерѣдко получала значительную поддержку Московской Руси. Такъ, когда львовскае ставропигіальное братство начало строить новую церковь, царь московскій Ѳеодоръ Ивановичъ приказалъ отпустить для этой цѣли богатую милостыню. Въ 1676 г. татары, подъ начальствомъ Ибрагима-паши напали на Червонную Русь, разграбили монастырь «Манявскій Скитъ» и церкви, монастырскія же постройки сожгли. Оставшіеся монахи рѣшили возобновить обитель. Но такъ какъ въ то время не стало уже въ Галичинѣ православныхъ вельможъ, то иноки постановили просить московскаго царя о помощи. Получивъ отъ польскаго короля паспортъ въ Москву, монахи были одарены тамъ не только деньгами, церковными ризами и богослужебными книгами, но даже сукномъ на рясы. Царь же Ѳеодоръ Алексѣевичъ подарилъ имъ отъ себя оправленную въ серебро частицу св. Креста, а письмомъ отъ 19 Іюля 1684 г. онъ опредѣлилъ для нихъ на вѣчныя времена изъ казны по 300 рублей, выплачиваемыхъ каждыя пять лѣтъ.

Но вѣкового стѣсненія въ религіозной области Галицкая Русь не была въ состояніи выдержать побѣдоносно. Галицкая русская аристократія, проникнутая польскими идеями и видя открытый для нея доступъ къ высшимъ должностямъ, но закрытый для православныхъ и уніатовъ, начинаетъ, особенно въ началѣ XVII в., переходить массами въ латинство и, вслѣдъ за тѣмъ, отчуждаться отъ русскаго народа. Когда же часть южнорусскихъ земель, а именно заднѣпровская украйна съ Кіевомъ во второй половинѣ XVII в. отошла къ Москвѣ, сила сопротивленія галицко-русскаго населенія была сломлена и Галицкая Русь окончательно принимаетъ унію. Въ 1692 г. въ унію перешелъ епископъ перемышльскій Иннокентій Винницкій, въ 1700 г. епископъ львовской Іосифъ Шумлянскій и въ 1708 г. Ставропигія. Въ 1772 г., при переходѣ Галицкой Руси подъ власть Австріи, она уже была вся уніятской; лишь «Скитъ Манявскій» еще держался православной вѣры, но императоромъ Іосифомъ II 1 Іюля 1785 г. онъ былъ закрытъ, а имѣнія его переданы буковинскому религіозному фонду. 11 Іюля 1806 г. австрійское правительство учредило во Львовѣ митрополію (первымъ митрополитомъ былъ Антоній Ангеловичъ). Связь Галицкой Руси съ прочимъ русскимъ міромъ была разорвана и въ религіозномъ отношеніи.

Галицкая Русь, обезсиленная въ борьбѣ за православную

вѣру, переходитъ подъ скипетръ Габсбурговъ, чтобъ съ 1772 г. начать новую многострадальную жизнь. Русскіе галичане съ 1340 г. не знали что̀ значитъ жить самостоятельно и не могли итти по пути, какой требовали ихъ народное сознаніе и исторія. Послѣ четырехъ вѣковъ польскаго владычества разоренные матеріально, они были деморализованы вѣковой борьбой: многихъ изъ представителей своего народа они потеряли; когда-то довольно многочисленное галицкое боярство ополячилось; осталась лишь масса простонародья съ своимъ малообразованнымъ духовенствомъ во главѣ. Жалкое состояніе галицко-русскаго населенія наглядно изображаютъ намъ слова львовскаго оффиціала Левинскаго, который такъ писалъ въ 1773 г.: «Я уже совершенно сжился съ мыслью, что Русь скорѣе погибнетъ, чѣмъ что-нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы учились; такъ какъ если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ безъ вины. А не только наше униженіе, но и подводы и панщина, какую отбывали наши отцы, не были бы такъ тягостны, какъ теперешняя недоля. А еслибы надоѣли намъ панщина и подводы, то, будучи православными мужиками, мы легко бы нашли покровительство въ Москвѣ, и навѣрно бы нашли его тамъ скорѣе, чѣмъ теперь въ Римѣ. Жаль, что конфедератамъ не посчастливилось. Они бы насъ вырѣзали и успокоились бы, а то теперь насъ бьютъ, бьютъ и не могутъ убить» [1])!

Въ такомъ состояніи перешли русскіе Галичане подъ власть Австріи. Не маловажнымъ являлся вопросъ о томъ, какъ будетъ относиться австрійское правительство къ этой порабощенной, безжизненной, апатичной и малодушной массѣ галицко-русскаго простонародія. Къ несчастью, и въ Австріи галицкіе русскіе не нашли соотвѣтственныхъ условій для развитія своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Вмѣсто борьбы религіозной ихъ ожидала борьба за свою народность,—борьба тяжелая, въ которой, впродолженіе цѣлаго столѣтія, имъ приходилось отстаивать свое національное достояніе и охранять завѣты и святыни своихъ предковъ.

Особенность, которая кладетъ рѣзкую печать на судьбу Австро-Венгріи, въ отличіе отъ другихъ европейскихъ государствъ, заключается въ томъ, что составъ ея образуютъ самыя различныя народности. Вѣковой процессъ созиданія нынѣшней Австрійской имперіи состоялъ въ томъ, что уже готовыя народности и государства входили—преимущественно подъ давленіемъ внѣшнихъ событій—подъ власть Габсбурговъ съ своей отдѣльной исторіей, съ своимъ особымъ историческимъ житьемъ и традиціей,

[1]) Галичанинъ, 1862. (Опубликовалъ А. С. Петрушевичъ).

съ своими отдѣльными учрежденіями. То былъ союзъ отдѣльныхъ государствъ и областей, соединенныхъ лишь одною связью—династіей Габсбурговъ, такъ что для нихъ долгое время даже не было общаго названія (лишь «Erbländer des Erzhauses Habsburg» и пр.). Впервые въ XVIII в. при Маріи Терезіи и Іосифѣ II появляется стремленіе столь различныя части, какъ Приальпійскія области, Чехію и Венгрію тѣснѣе соединить въ одно цѣлое, и этотъ историческій процессъ съ конца XVIII в. продолжается весь XIX вѣкъ.

Со времени присоединенія Галиціи въ 1772 г. Австро-Венгрія прожила три главныхъ періода развитія:

1) 1772—1848: Централизаціи, обсолютизма и германизаціи.

2) 1848—1867: Переходнаго времени отъ абсолютизма къ конституціонной монархіи.

3) Конституціонной жизни, продолжающейся съ 1867 г. по настоящее время.

Взглянемъ же, какъ отразилась политика австрійскаго правительства по отношенію къ русской народности въ Галиціи втеченіе этихъ трехъ отдѣльныхъ этаповъ развитія нынѣшней Австро-Венгерской монархіи.

II.

Взглядъ австрійскаго правительства и поляковъ на русскій вопросъ въ Галиціи въ продолженіе XIX вѣка.

А. Австрія и Галицкая Русь (1772—1848).

1. Просвѣщенный абсолютизмъ Маріи Терезіи и Іосифа II. 2. Система Меттериха и недовѣріе правительства къ русскому населенію въ Галиціи. 3. Пробужденіе національнаго самосознанія среди русскихъ Галичанъ и стремленіе правительства ввести ихъ въ русло австрійской политики.

«...Und wenn ja auch Rücksichten der Politik erwegen werden sollten, dürfte es sicher minder räthlich sein, statt der polnischen die ruthenische Sprache zu verbreiten, nachdem solche nur eine Abartung der russischen ist».

Меморіалъ львовской губерніи 13 декабря 1816 года.

Присоединеніе Галиціи въ 1772 г. послѣдовало въ ту пору, когда процессъ сильнѣйшаго сплоченія отдѣльныхъ частей Австріи въ одно цѣлое рѣзко обозначился. Подобно тому, какъ было тогда на Западѣ, и въ Австріи водворился т. наз. просвѣщенный абсолютизмъ, творцами котораго явились здѣсь Марія Терезія и Іосифъ II. Были они реформаторами большого размаха. Правда, они стремились сломать сословныя привиллегіи, все подчинить своей волѣ, но съ другой стороны, они носились и съ мыслью улучшить долю низшихъ, бѣднѣйшихъ слоевъ общества, и идеи, какими руководствовались Марія Терезія и Іосифъ II, принесли значительную пользу галицко-русскому населенію: состоя изъ простонародья, оно почувствовало благопріятную перемѣну отношеній въ указанныхъ двухъ направленіяхъ. Такъ галицко-русское духовенство стало получать высшее образованіе. Въ 1774 г. правительство приняло въ вѣнскую дух. семинарію при ц. св. Варвары (Barbareum) 14 русскихъ «клериковъ»; въ 1783 г. основана уніатская духовная семинарія для галицко-русскихъ; въ 1784 г. былъ

открытъ во Львовѣ университетъ, въ которомъ патентомъ отъ 9 марта 1787 г. учрежденъ т. наз. «русск. институтъ», гдѣ читали лекціи для галицко-русскихъ студентовъ, на философскомъ и богословскомъ факультетахъ, порусски.

Кромѣ того, правительство облегчило и положеніе крестьянъ, давъ имъ въ 1782 г. личную свободу, а въ 1786 г. упорядочило отношенія ихъ къ помѣщикамъ.

Такая забота правительства о галицко-русскихъ казалась имъ такою великодушною, что они долго питали чувства благодарности и привязанности къ Австріи и, несмотря даже на перемѣну отношеній къ нимъ правительства, они считали эпохой тотъ моментъ, когда перешли подъ власть Австріи. «Любезнѣйшіе братья, говорилъ въ 1806 г. докторъ богословія Гарасевичъ, взгляните на современное положеніе нашего духовенства, и вы убѣдитесь, что оно никогда не достигало такой высокой степени. А благодаря чему? Благодаря милости австрійскаго правительства, ибо съ тѣхъ временъ, какъ мы перешли подъ власть мудрой, справедливой и руководящейся либеральными принципами австрійской власти, съ нами обращаются отечески и наравнѣ съ другими».

Между тѣмъ, въ Австріи скоро водворился, какъ впрочемъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, крайній абсолютизмъ. Французская революція, которая провела въ жизнь цѣлый рядъ либеральныхъ идей, самымъ способомъ ихъ проведенія поразила и встревожила консервативные элементы, а главнымъ образомъ европейскіе дворы. Настаетъ реакція,—и она все болѣе усиливается съ 1815 г., чтобы совершенно подавить либеральныя мысли и идеи. Въ Австріи за это дѣло принялись Францъ II (I) и его министръ Меттернихъ, который стремился повсюду заглушить либеральныя теченія. Вотъ почему это время называется эпохою Меттерниха.

Средства же, которыми достигалась такая задача правительства, были: а) ограниченіе свободы печатнаго слова посредствомъ цензуры, б) ограниченіе свободы мнѣній, вслѣдствіе чего были запрещены всякія организаціи и общества; за основанными же благотворительными обществами учрежденъ зоркій надзоръ; в) Не признавали тайны писемъ, введены система доносовъ (1782) и тайная полиція, имѣвшая цѣлью открывать все, что казалось несоотвѣтственнымъ государственной идеѣ.

Полицейскимъ характеромъ управленія государствомъ дѣло однакожъ не ограничивалось. Для скрѣпленія государства примѣнялась система германизаціи: посредствомъ колонизаціи отдѣльныхъ областей (въ Галиціи поселилось тогда много чисто-нѣмецкихъ колонистовъ), въ особенности же посредствомъ школъ, въ которыхъ введено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Среди

такой нѣмецкой атмосферы и при крайнемъ абсолютизмѣ протекала жизнь отдѣльныхъ народовъ Австрійской имперіи, съ большими или меньшими вспышками протеста, выраженіемъ котораго были въ Галиціи тайныя общества среди польской молодежи и всеобщее негодованіе на австрійское правительство.

Если въ этотъ начальный періодъ была такъ тяжела вообще жизнь народовъ, входившихъ въ составъ Австрійской имперіи, то что сказать о русскихъ галичанахъ, по отношенію къ которымъ австрійское правительство скоро начало руководиться еще особыми принципами, и предпринимать мѣры, еще не испытанныя другими народностями?

Уже первый губернаторъ Галиціи гр. Пергенъ не совѣтовалъ правительству помогать усиленію русскихъ и предлагалъ употреблять ихъ въ случаѣ необходимости лишь какъ орудіе противъ поляковъ [1]). Эти слова губернатора подтвердилъ нѣмецкій историкъ І. Хр. фонъ Энгель, которому австрійское правительство поручило написать исторію земли, занятой при раздѣлѣ Польши. «Кто не испугается того, писалъ этотъ историкъ [2]), что русскій генералъ Тутолминъ поясняетъ въ своемъ универсалѣ, отъ 18 іюля 1795 г., по поводу занятія Холма, Белза и Луцка, что то были когда-то составныя части древняго русскаго государства и въ древнія времена тутъ сходились границы Русской имперіи и Галиціи. Кого не устрашитъ то, что г. Hupel въ названіи Червонная Русь... видитъ основаніе легко включить Галицію въ составъ русскаго государства. А что было бы, еслибъ русскому кабинету вздумалось утверждать, что Галиція есть собственно русская провинція, ибо тутъ властвовали потомки кіевскихъ в. князей?»

Слова историка Энгеля, подкрѣпленныя историческими фактами, имѣли несомнѣнно рѣшительное вліяніе на политику австрійскаго правительства относительно русскихъ галичанъ, на ту политику, которая красною нитью тянется уже болѣе ста лѣтъ и до сихъ поръ. Когда-нибудь Россія можетъ потребовать возвращенія Галиціи, какъ русской провинціи, исконно-русской земли: не надо поэтому укрѣплять здѣсь русскій элементъ, ибо онъ небезопасенъ для Австріи и ненадеженъ. Таковъ смыслъ словъ историка. Надо лишь, соотвѣтственно необходимости, употреблять русскихъ галичанъ, какъ орудіе противъ поляковъ, совѣтовалъ австрійскій чиновникъ, первый губернаторъ Галиціи. Вотъ краеугольный камень столѣтней исторіи Галиціи подъ властью Австріи.

Что такими взглядами будетъ руководствоваться правитель-

---

[1]) Ian Lewicki: Ruch Ruslnów w Galicyi w pierwszej polowie panowania Austryi. Lwów 1879.

[2]) Engel: Geschichte von Galizien und Lodomerien. Einleitung. 406.

ство, скоро доказала и самая система Меттерниха. Для улучшенія преподаванія въ сельскихъ школахъ въ 1812 г. было рѣшено ввести вмѣсто нѣмецкаго материнскій языкъ. Но подъ названіемъ «материнскаго» языка разумѣлся лишь польскій языкъ. Тогдашній митрополитъ Левицкій сталъ на защиту правъ русскаго языка, но губернскія власти отвѣтили ему, что «на малорусскомъ языкѣ ничего не пишется и не издаются ни императорскіе законы, ни циркуляры, а потому онъ не полезенъ и въ школахъ былъ бы лишь бременемъ» [1]). Митрополитъ представилъ жалобу императору Францу I, и губернскія власти дали 13 декабря 1816 г. по этому дѣлу такія поясненія: «наукѣ о религіи на малорусскомъ языкѣ губернія не противится, когда требуетъ того обрядъ; но иная рѣчь о школьной наукѣ. Нѣмецкій народъ имѣетъ много нарѣчій, но въ школахъ одинъ литературный языкъ; такой языкъ въ Галиціи польскій, который понимаетъ и русскій народъ»... Далѣе были прибавлены знаменательныя слова: «Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго правительства, какимъ есть австрійское, не имѣется политическихъ причинъ, которыя бы не допускали въ Галиціи обученія польской грамотѣ...; если же принять во вниманіе соображенія политическаго свойства, то окажется *менѣе желательнымъ распространять вмѣсто польскаго малорусскій языкъ, который есть лишь нарѣчіе россійскаго языка*» («und wenn ja auch Rücksichten der Politik erwegen werden sollten, dürfte es sicher minder räthlich sein, statt der polnischen die ruthenische Sprache zu verbreiten, nachdem solche nur eine Abartung der russischen ist»).

Императоръ велѣлъ созвать по этому дѣлу комиссію, которая, несмотря на протестъ митр. Левицкаго и Могильницкаго, рѣшила, что:

1) мѣстнымъ языкомъ въ Галиціи есть языкъ польскій;

2) можно учить по-русски, но школа, въ которой будутъ обучаться на русскомъ языкѣ, *не можетъ пользоваться школьнымъ фондомъ;*

3) религіи надо обучать по-русски, но въ изученіи другихъ предметовъ надо употреблять лишь польскій языкъ.

22 мая 1818 г. императорскимъ распоряженіемъ было рѣшено, что 1) «въ школахъ, которыя посѣщаетъ молодежь двухъ вѣроисповѣданій, преподавательскимъ языкомъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ вѣроученія, долженъ быть польскій языкъ; 2) въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ греко-католики (русскіе) могутъ имѣть свои школы съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, *но эти школы не имѣютъ права пользоваться школьнымъ фондомъ*».

[1]) Рескриптъ 13 сентября 1816 года.

Вновь возникшія школы стали проводниками полонизаціи: она охватила не только интеллигентные слои галицко-русскаго общества, но—чего не было во время польскаго владычества—и галицко-русское простонародье.

Русскіе галичане оказались въ плачевномъ состояніи. Единственный ихъ представитель—русское духовенство—было не высокаго качества. Воспитанное въ духѣ воззрѣній правительства, оно легко принимало разговорный польскій языкъ. Молодежь заполняла тайныя польскія общества и выступала въ рядахъ самыхъ рьяныхъ польскихъ патріотовъ.

Однако искорка національнаго самосознанія среди русскихъ галичанъ тлѣла и не погасала. Искоркѣ этой не дали погаснуть такіе факторы, какъ греческій обрядъ, особый календарь, отдѣльная отъ польской азбука и не податливая по отношенію къ колонизаціи сила простонародья.

Духовное состояніе тогдашняго галицкаго русина поясняютъ слова молодого студента медицины Ивана Головацкаго, писанныя къ брату его Якову въ 1842 году:

....«в обох (Яковѣ и Иванѣ) якась сила невидима тягнула душу молоду на сторону Руси, без розмыслу и розваги, без переконаня—видко, що мине природа мати мною тодѣ володала» [1]). Тую «невидимую силу» укрѣпило значительно живѣйшее движеніе въ области литературы въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Когда въ 1821 г. митроп. Левицкій предъявилъ львовской цензурѣ для разрѣшенія свое посланіе, составленное на славяно-русскомъ языкѣ, цензура отвѣтила митрополиту, что его предшественники не писали своихъ посланій «кирильевскимъ» языкомъ, и что у нея нѣтъ для такихъ изданій цензора [2]). Могильницкій на этотъ отвѣтъ подалъ отъ имени митрополита возраженіе, которое является первымъ лингвистическимъ изслѣдованіемъ въ галицко-русской литературѣ. Разсужденіе Могильницкаго появилось въ 1829 г. въ польскомъ переводѣ Набѣляка подъ заглавіемъ: «Rozprawa o języku ruskim».

Въ то же время Д. Зубрицкій, принятый въ 1829 г. въ члены Ставропигійскаго института, посвящаетъ себя всецѣло изученію родной старины и издаетъ цѣлый рядъ историческихъ сочиненій (Die griech. kath. Stauropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut. 1830; O cerkwi Stauropigialnej. Rozmaitości 1831: Historyczne badania o drukarniach ruskosłowiańskich w Galicyi 1836; Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej w temże Królestwie, zesz. I. 988—1340. 1838), а «русская троица»

[1]) Вѣстникъ Народнаго Дома. 1905 г.. стр. 69.
[2]) Др. Маковей: Три галицькі граматики. Львовъ. 1903 г. стр. 8.

Ив. Вагилевичъ, Маркіанъ Шашкевичъ и Яковъ Головацкій, питомцы львовской семинаріи, издали въ 1837 г. свои стихотворенія на простонародномъ языкѣ въ Будѣ, подъ заглавіемъ «Русалка Днѣстрова».

Когда началось это литературное движеніе, русскіе галичане 22 апрѣля 1842 г. получили отъ проф. Мих. Максимовича изъ Кіева относительно литературнаго языка такой совѣтъ:

«Возрожденіе русской словесности въ Червонной Руси есть явленіе утѣшительное: дай Богъ, чтобъ обстоятельства къ тому благопріятствовали и чтобы молодое ваше духовенство не прекращало сего прекраснаго и достопамятнаго начинанія. На какомъ бы ни писали языкѣ галичане, все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси; но молодому нынѣшнему и будущему поколѣнію надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ, чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ. У насъ въ имперіи русской русскимъ языкомъ сталъ великорусскій языкъ, которымъ и говоримъ и пишемъ и думаемъ, какъ языкомъ общимъ, живое употребленіе и въ Украйнѣ (въ образованномъ классѣ народа) имѣющемъ. Потому все, что у насъ пишется по-малороссійски, есть нѣкоторымъ образомъ уже искусственное, имѣющее интересъ областной только, какъ у нѣмцевъ писанное въ аллеманскомъ нарѣчіи. У насъ не можетъ быть словесности на южно-русскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія Котляревскаго, Квитки (Основьяненка), Гребинки и др.; южнорусскій языкъ у насъ есть уже какъ памятникъ только, изъ котораго можно обогащать великорусскій или, по преимуществу у насъ, русскій языкъ. Народныя украинскія пѣсни и пословицы суть также только прекрасные памятники для словесности русской. Но для русиновъ Австрійской имперіи живой языкъ — южнорусскій; пора языка польскаго для нихъ давно прошла, пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они, подобно вамъ (Зубрицкому), усвоили себѣ великорусскій языкъ; но ваша червонорусская словесность, по моему мнѣнію, должна быть на вашемъ родномъ русскомъ языкѣ, т. е. на южнорусскомъ; и только въ Галиціи она можетъ быть на этомъ языкѣ. И потому для вашихъ молодыхъ писателей наши народныя пѣсни должны быть не только какъ памятники прекрасные, но и какъ живые образцы языка русскаго, такъ и формы уже готовыя для галицкихъ стихотворцевъ... Ваши молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, какой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ и старинныхъ червоно-русскихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ галицкихъ и украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ, а по-

томъ уже пополнительнымъ источникомъ пусть будетъ великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими словенскими» [1]).

Я нарочно привелъ это длинное письмо Максимовича, ибо оно касается той больной раны, которая терзаетъ организмъ галицкорусскаго народа уже болѣе 50-ти лѣтъ, — дѣла литературнаго языка въ галицко-русской письменности. Она болѣе полустолѣтія блуждаетъ повсюду, не находя развязки и давая поводъ къ тому, что галицкорусское общество разбилось па два враждебныхъ лагеря. Между тѣмъ, это письмо Максимовича такъ ясно и выразительно, что язычный вопросъ несомнѣнно былъ бы уже разрѣшенъ, еслибъ въ это дѣло не вмѣшалось австрійское правительство.

Австрійскіе чиновники въ Галиціи отнеслись къ этому новому движенія очень враждебно. «Русалка Днѣпрова» была конфискована и запрещена въ Галиціи до 1848 года. Между прочимъ директоръ львовской полиціи Пайманъ, по поводу изданія «Русалки», выразился такъ: «Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken» [2]). Но иначе посмотрѣло на это движеніе правительство въ Вѣнѣ. Оно принялось скорѣе за дѣло, чтобы движеніе галицко-русскихъ своевременно ввести въ русло австрійской политики. Въ 1842 г. рѣшено издавать временопись для галицкорусскаго народа, а веденіе ея хотѣли передать Ивану Головацкому. «Мы довѣдалисьмо ся — говорили Ив. Головацкому [3])—що влада руська (Россія) мае в Галичинѣ значну партію, так меже ляхами, як и звлаща меж русинами (якто: Малиновскій, Литвиновичъ, якійсь Ясинскій — дѣдич въ Коломійском обводѣ и старшина при Ставропигіи), одных тягне язык побратимчій, литература, под видею всеславенства рускаго, других вѣра и обрядок, а третих вяже може таки безпосередно влада руска своими эмисарями — рублями. Маркотно нам дуже на те дивитися, а годѣ спенити их, бо думка и гадка каждому вольна. Однакож щоб тому якось запобѣгни, щоб око галичан стягнути больше на сторону словенщины Австрійской, водлучаючи ю яко рывальку вод цѣлости великоруской, котра бы усе рада на свое копыто переробити, помосковщити, пошизмачити — коли тымчасом у Австріи всѣм элементам славенским заровно и без примусу развивати ся вольно... Отжежь чи не поднявбы я ся часопись малоруську чи *галицкоруську выдавати...*, *котора бы язык, народность Галичины и всеи Малой Руси, яко истный водземок корѣня Славянского почитовати и за себе особно становила*, вод Московщины водлучила и духа сла-

[1]) Галичанинъ. II. 1862. Стр. 107—113.
[2]) Литер. Сборникъ, 1885.
[3]) Письмо его отъ 17 октября 1842 г. къ Я. Головацкому (Вѣстникъ Н. Дома, 1905, стр. 65—66.

венского в Галичинѣ поднимающогося на оборону Славян Австрійских накланяла и тут централизовала. Для того самого тут у Вѣдни бы мала выходити, яко в серединѣ Австрійской Словенщины и що наиважнѣйша печатати ся черенками латинскими»... Такое правительственное повременное изданіе осталось пока лишь въ проектѣ, но послѣдній ясно доказывалъ, какъ будетъ правительство относиться къ русскимъ галичанамъ въ будущемъ, и именно въ эпоху конституціонной жизни.

Б. Критическое положеніе Австріи (1848—1866) и Галицкая Русь.

1) Революція въ Австріи въ 1848 и 1849 годахъ. 2) Лояльность русскихъ галичанъ по отношенію къ правительству. 3) Провозглашеніе въ 1866 г. въ Галиціи единства всей Руси. 4) Губернаторъ Галицкій гр. Агеноръ Голуховскій (полякъ) внушаетъ правительству страхъ и недовѣрчивость къ русскимъ галичанамъ и, такимъ образомъ, обезпечиваетъ полякамъ господство въ цѣлой Галиціи.

...«jeżeliby Rusini wzmocnili się przez rozwoj swej narodowości..., w takim razie, jeżeli nie dzisiejsze, to niezawodnie przyszłe pokolenie zwróciłoby się ku żyjącym pod berłem rossyiskim pokrewnym ludom celem wytworzenia jednolitego potężnego organizmu państwowego... Krótko mówiąc, mogła by się wywiązać o Ruś taka sama walka, jaka od wielu lat z przerwami, ale z żelazną wytrwałością toczy się o odbudowanie wolnej i niezależnej Polski».

Реляція гр. Аг. Голуховского въ министерство 9 мая 1849 года (Loziński: Hr. Ag. Gołuchowski, str. 149).

Въ промежутокъ 1848—1866 годовъ совсѣмъ измѣнились условія исторической жизни Австрійской имперіи и были положены крѣпкія основы для нынѣшней австро-венгерской конституціонной дуалистической монархіи.

Это переходное время имѣло большое значеніе для будущности галицко-русскаго населенія. Рѣшался вопросъ, достигнутъ-ли русскіе галичане соотвѣтственныхъ условій для будущаго свободнаго своего развитія или они станутъ жертвой сильнѣйшей польской націи.

Подъ вліяніемъ февральской парижской революціи вспыхнула въ мартѣ 1848 г. революція въ Вѣнѣ, министерство Меттерниха пало, австрійскій императоръ Фердинандъ издалъ законъ о свободѣ печати, разрѣшилъ образованіе національной гвардіи и созвалъ представителей австрійскихъ провинцій для переустройства государства. Почти всѣ народы Австріи составили и предложили импе-

ратору адресы, въ которыхъ выразили свои національныя требованія. 19 марта 1848 г. поляки послали въ Вѣну чрезъ посредство галицкаго губернатора гр. Франца Стадіона очень обстоятельный адресъ, заключавшій въ себѣ ихъ далеко идущія національныя требованія. Русскій адресъ появился лишь спустя мѣсяцъ, т. е., 19 апрѣля, также съ требованіями правъ для русскаго языка въ Галиціи—въ школахъ, управленіи и пр. и чтобъ русское духовенство было уравнено въ правахъ «не ино на словѣ, но также на дѣлѣ» [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ событій императоръ Фердинандъ I издалъ 25 апрѣля 1848 г. такъ называемую апрѣльскую конституцію, которая, однако, не вошла въ жизнь вслѣдствіе возникшей борьбы двухъ направленій: а) автономическаго, желавшаго, чтобъ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшала каждая отдѣльная область и лишь общія дѣла, дѣйствительно касавшіяся цѣлой имперіи, восходили бы къ одному центральному установленію—институціи парламентской, и б) централистическаго, полагавшаго, что для поддержанія цѣлости имперіи необходимъ одинъ парламентъ, рѣшавшій даже дѣла отдѣльныхъ областей монархіи.

Въ борьбѣ этихъ двухъ направленій вспыхнули революціи сначала въ Вѣнѣ, позже во Львовѣ, а наконецъ и въ Венгріи. Австрійское правительство было въ состояніи потушить это послѣднее возстаніе лишь при помощи русскихъ войскъ.

Такимъ образомъ ни апрѣльская конституція, ни конституція мартовская (отъ 2 марта 1849 г.), такъ называемая октроированная (octroyirte Verfassung) не вошли въ жизнь, и только послѣ пораженій Австріи въ войнахъ съ Италіею въ 1859 г. и съ Пруссіею въ 1866 г. впервые было учреждено конституціонное правленіе, но при политическомъ дуализмѣ Австро-Венгріи.

Въ то время, когда Австрія переживала тяжелый внутренній кризисъ, русскіе галичане остались вѣрными державѣ и династіи и оказали ей большія услуги. Между тѣмъ поляки подняли революцію 1848 г., послѣ же сочувствовали мадьярскому возстанію и многіе изъ нихъ поступали въ мадьярскую армію и даже составили отрядъ добровольцевъ подъ начальствомъ Высоцкаго. Въ Галиціи не было тогда войска, ибо оно ушло въ Угорщину. Нѣмецкими чиновниками овладѣлъ паническій страхъ; всю надежду они возлагали на «благонадежныхъ русскихъ поповъ и вѣрный, честный и готовый къ жертвамъ крестьянскій русскій народъ». Старосты призывали крестьянъ быть готовыми отражать непріятеля, еслибъ онъ вторгнулся въ Галицію. Львовская губернія организо-

[1]) Зоря Галицка. 1848 г. № 2.

вала отдѣльный отрядъ русскихъ галичанъ, подъ названіемъ «русскихъ горскихъ стрѣльцовъ» (ruthenische Bergschützen), и на предложеніе «Русской Рады» правительство образовало народное ополченіе противъ мадьяровъ. Первое народное ополченіе было устроено въ Станиславовскомъ округѣ и состояло изъ 10.000 крестьянъ, вооруженныхъ косами, вилами и топорами [1]).

Надо еще отмѣтить, что тогда русскіе галичане провозгласили себя народомъ, отдѣльнымъ отъ «россійскаго». «Мы — русины галицки належимо до великого русского народу, котрый однимъ говоритъ языкомъ и 15 мильоновъ выноситъ, зъ котрого полтретя мильона землю Галицку замешкуе» [2]). Ясно, что идя на встрѣчу желаніямъ правительства, галичане могли и имѣли право ожидать теперь отъ правительства значительной поддержки и обезпеченія своего развитія. Еще въ адресѣ отъ 15 апрѣля 1848 г. они требовали школъ на русскомъ языкѣ, чиновниковъ, понимающихъ по русски, уравненія на дѣлѣ русскаго духовенства съ латинскимъ, а вскорѣ затѣмъ поставили требованія относительно раздѣленія Галиціи на двѣ отдѣльныя провинціи: польскую и русскую, а также соединенія округовъ угорскихъ и буковинскихъ, занятыхъ русскимъ населеніемъ, съ русской частью нынѣшней Галиціи.

Къ этому времени галичане успѣли получить каѳедру малорусскаго языка въ Львовскомъ университетѣ, занятую Яковомъ Головацкимъ, далѣе имъ были отданы народныя школы съ преобладающимъ числомъ русскихъ учениковъ, подъ управленіе русскихъ консисторій, въ гимназіяхъ восточной Галиціи былъ введенъ малорусскій языкъ, какъ обязательный предметъ, наконецъ распоряженіемъ отъ 4 апрѣля 1851 г. были установлены отдѣльные русскіе законоучители. Хотя эти нововведенія далеко не удовлетворяли требованій галицко-русскаго населенія, все-таки въ нихъ оно получало нѣкоторый залогъ для своего будущаго развитія. Вообще 1848 г. въ результатѣ возбудилъ народное движеніе, охватившее и русскихъ галичанъ, и оно было столь сильно, что о погашеніи его уже не могло быть и рѣчи.

Но въ самомъ галицко-русскомъ обществѣ уже съ 1848 г. стали обозначаться два направленія съ чисто-литературною языч-ною окраской: одни изъ галичанъ требовали употребленія чисто-народнаго языка въ литературѣ. съ заимствованіемъ отвлеченныхъ понятій и научныхъ терминовъ изъ польскаго языка, другіе же, слѣдуя совѣту М. Максимовича, старались разрабатывать галицко-русскій языкъ на почвѣ народной, но въ связи съ исторіей языковъ русскаго и церковно-славянскаго, а дополнительнымъ язы-

[1]) Свистунъ, Прикарп. Русь, I, 316—317.
[2]) Одозва до русскаго народа. Зоря Галицка, № 1.

комъ считали велико-русскій преимущественно передъ польскимъ. Восторжествовало второе направленіе: къ нему склонились всѣ главнѣйшіе представители галицкаго народа, какъ Д. Зубрицкій, Я. Головацкій, А. С. Петрушевичъ, І. Наумовичъ, И. Гушалевичъ и мн. др. Отвѣчая на польскія нападки изъ-за «московщины» и укоры въ томъ, что галицкій народъ будто бы не имѣетъ никакой литературы, они въ 1866 г. заявили открыто о единствѣ всей Руси, отрекаясь отъ принятаго въ 1848 г. рутенизма. Офиціальное объявленіе объ этомъ на сеймѣ предупредила помѣщенная въ № 59 «Слова» статья подъ заглавіемъ: «Отъ Львова. Погледъ въ будучность».

Политика наша—читаемъ здѣсь—была и есть неясная и неоткровенная, и въ насъ не развился еще истинный духъ народный, независимый отъ личности министровъ, канцлеровъ, намѣстниковъ. Объявили же мы міру, чѣмъ мы? Якое наше прошлое? Якіи наши историческія права? Мы бавилися и бавимося еще въ такъ зовимую Opportunitätspolitik и нынѣ приходитъ намъ вкушати ея горкихъ плодовъ. Въ 1848 г. вопрошали насъ, кто мы? Мы сказали, что мы—всесмиреннѣйшіи рутены. Господи! Еслибы праотцы наши узнали, что мы сами себя прозвали тѣмъ именемъ, якимъ окрестили насъ во время гоненія наши наилютѣйшіи враги, они въ могилахъ зашевелились бы. И якое изъ того вышло послѣдствіе? Такое, что вѣденьскій еврей-юмористъ Сафиръ выписалъ намъ: Seit der Erfindung der Ruthenen zwei Jahre, и что, затѣмъ, поляки ругали рутенцевъ. А можетъ быти вы—русскіи? допрошалъ насъ Стадіонъ. Мы клялись душею и тѣломъ, что мы—не русскіе, не Russen, но что мы, такъ себѣ, рутены, что граница наша при Збручѣ, что мы сторонимся отъ Russen, какъ отъ окаянныхъ шизматиковъ, съ которыми ничего общого имѣти не хочемъ. Какое вашое письмо? допрошали насъ далѣе. Мы сказали, что письмо наше такое, какъ въ церковныхъ книгахъ, и опять душею и тѣломъ отрекались гражданки, будто она serbisch-russische Cirilschrift и чуждая намъ. Такъ никого удивлять не можетъ, если намъ, рутенамъ, нѣкоторое время послѣ того, не позволили употреблять ни русскія выраженія, ни русскую гражданку, ни русскую скоропись, а допустили лишь, чтобъ намъ, какъ рутенамъ, свободно было просьбы въ вѣдомства и суды писать и книги печатать церковною кирилицею и такимъ языкомъ, на какомъ говорятъ въ окрестности вѣдомства и суда по торгамъ и корчмамъ. И для чего же мы не сказали въ 1848 г., что мы—русскіе, что границею нашею не Збручъ, но что она идетъ дальше Днѣпра? Мы не сказали того, дабы правительство не опасалось, чтобъ мы, связанные тысячелѣтнею исторіею, церковнымъ обрядомъ, языкомъ и литературою съ

великимъ русскимъ народомъ, не пожелали отъ Австріи оторватись. Мы опасались въ 1878 г., что насъ, какъ русскихъ, недопустятъ къ конституційнымъ свободамъ и, яко слабенькихъ, придусятъ такъ, что ни дыхнемъ русскимъ дыханьемъ. Такую причину можетъ исторія принять во вниманіе и нашу лесть отчасти оправдать, хотя все оно, кажется, смѣшнымъ, ровно какъ оный русскій человѣкъ, который на упрекъ: почему русскіе въ прибочномъ совѣтѣ гр. Стадіона не сказали отъ разу всю правду, что они — не рутены, а русскіе, наивно возразилъ: А що на то сказалбы польскій арцибискупъ?!... Намъ кажеться, что австрійскій императоръ давшій конституцію всѣмъ своимъ національностямъ, не былбы дѣлалъ изъятія для русского народа, если бы мы ему представились были по правдѣ и существу дѣла, и пустымъ было и есть опасеніе, чтобъ національная связь вела необходимо къ политической связи. Намъ, русскимъ, никогда не приходила мысль оторватись отъ Австріи, съ которою связала насъ судьба и вяжетъ постоянно надежда лучшей будучности. Едва стала Русь въ Австріи возраждатись, оказалось, что ей литература безъ словаря Шмидта не подвинеться ни на шагъ, что тотъ словарь вполнѣ русскій, какъ для Львова, такъ и для Петербурга, что въ немъ есть сокровища языка истинно-литературного, письменного русского. Галицкіе русскіе, розглянувшись въ исторіи, пришли къ тому убѣжденію, что не только ихъ языкъ испортила Польша, а и обрядъ церковный палъ подъ гнетомъ латинства. Гр. Голуховскій писалъ о насъ настоящую правду, что литература наша стремить къ соединенію съ общерусской литературой, а обрядъ нашъ церковный — къ православію, собственно къ очищенію отъ латинства. Мы лишь обвиняемъ себя за непослѣдовательность, ибо кто призналъ себе въ 1848 г. рутенцемъ, не имѣющимъ ничего общого съ цѣлой Русіею, кто отказался отъ своего гражданского письма и обмежилъ свою литературу на 12 округовъ Галиціи, тому нельзя было, по закону даже конституційному, выступать по-за оныи предѣлы, а можно было розвиватись лишь въ оныхъ предѣлахъ. Не можно обвинять Голуховского, что онъ, какъ полякъ, воспользовался нашимъ промахомъ и хотѣлъ насъ, въ пользу Польщи, побѣдить нашимъ собственнымъ оружіемъ. По такихъ печальныхъ опытахъ Русь и послѣ объявленія конституціи 1860 г. не опомнилась, хотя конституція дозволила всѣмъ австрійскимъ народомъ розвиватись на основаніи историческихъ преданій. Мы и тогда остались рутенами.

На соймѣ львовскомъ была найлучшая случайность высказать ясно и полякамъ и Европѣ, что всѣ усилія дипломатіи и поляковъ сотворить изъ насъ особый народъ рутеновъ-уніятовъ ока-

зались напрасными и что Русь галицкая, угорская, кіевская, московская, тобольская и пр. въ отношеніяхъ этнографическомъ, историческомъ, лексикальномъ, литературномъ, обрядовомъ есть одна и та же самая Русь, не смотря на то, что въ Галичинѣ она вѣрно предана своему возлюбленному монарху и его свѣтлой династіи, а тамъ заграницей она также предана своему монарху и его династіи. На соймѣ львовскимъ былъ хорошій случай высказать ясно и откровенно, что нашимъ историческимъ преданіямъ есть исконный церковный русскій обрядъ нашихъ отцовъ,—обрядъ чистый и совершенный, и что никто розумный дивоватись не можетъ, если Русь нынѣ пламенно желаетъ на поприщѣ своей религіи и церковного обряда освободитись отъ узовъ іезуитизма. Время уже переступить намъ Рубиконъ и сказать откровенно во всеуслышаніе: не можемъ отдѣляться китайской стѣной отъ нашихъ братей и отдалитись отъ языковой, литературной, церковной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ! Мы—не рутены отъ 1848 г., мы—настоящіи русскіе. Но какъ всегда прежде было, такъ и въ будущемъ мы останемъ непоколебимо вѣрны нашему августѣйшему австрійскому монарху и свѣтлѣйшей династіи Габсбурговъ»!

Вслѣдъ за тѣмъ на соймѣ 27 декабря 1866 г. явилось заявленіе относительно единства Руси Галицкой съ остальнымъ русскимъ міромъ, высказанное посломъ Ив. Наумовичемъ. Это былъ отвѣтъ на рѣчь Земялковскаго, который ратовалъ такъ противу русскаго языка галичанъ: «я русинъ, ибо я родился на русской землѣ и русская няня мене вынянчала. Люблю русскій языкъ, какъ польскій, понимаю его, говорю на немъ. Но языкъ, который употребляютъ нѣкоторые такъ зов. управители русского народа, не есть русскимъ языкомъ, а языкомъ указовъ, въ силу которого русиновъ ведуть въ Сибирь; есть то языкъ Сѣмашка, который запродалъ шизмѣ ввѣренную ему паству, есть то языкъ найбольшого врага Руси, есть то языкъ Москвы. Того языка не понимаетъ русскій народъ».

Ему отвѣтилъ на это Ив. Наумовичъ [1]): «Земялковскій сказалъ, что есть такимъ русиномъ, какъ его няня. Рѣчь его няни должна послужить намъ образцемъ для научной книжной рѣчи. На ней имѣетъ развиватись наша наука и изящная словесность. То такъ выглядаетъ, какъ еслибы панамъ отъ Кракова позволили говорить лишь рѣчію ихъ няней. Но нашъ языкъ имѣетъ тысячелѣтнюю исторію. Утверждають, что нашъ языкъ московскій. Мы не знаемъ московского языка, ровно какъ не знаемъ московского народа. Что есть сходство между языками всѣхъ Славянъ, и что нашъ языкъ есть

[1]) Stenograficzne sprawozdania z czwarty sesyi sejmu krajowego. 1866 r.

сходный съ языкомъ, употребляемомъ въ Москвѣ, вѣдь въ томъ мы не виноваты. Въ нашемъ Катехизисмѣ стоитъ: Кто то все сотворилъ? Богъ сотворилъ видимое и невидимое. Такъ само стоитъ въ Катехизисѣ Кіева и Москвы. Книжный великорусскій языкъ есть собственно малорусскій, созданный малороссами. Принимая книжный великорусскій языкъ, мы беремъ возвратно лишь свое питимое. Сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто въ свѣтѣ: ни законы, ни сеймы, ни министръ» [1])!

Вотъ эволюція мысли русскихъ галичанъ въ эпоху 1848—1866 годовъ: они откровенно окончательно стали на историческую точку зрѣнія. Какъ отнеслись къ этому русскому вопросу поляки въ Галиціи и, прежде всего, правительство?

Выступленіе русскихъ галичанъ въ 1848 г. озадачило поляковъ, которые уже давно считали ихъ частью своего народа. Поляки подняли агитацію, чтобы не дозволить русскимъ галичанамъ отложиться отъ нихъ, поляковъ. Въ оппозицію «Руской Радѣ» они учредили «Рускій Соборъ» и припялись издавать печатный органъ «Dnewnyk ruskij», чтобы «utrymowaty wsemy sylamy zhodu i jednist' z narodom wspilnoho naszeho oteczestwa» [2]) («поддерживать по всей возможности соглашеніе и единеніе съ народомъ общаго нашего отечества»). Кромѣ того они издавали много летучихъ листковъ, какъ напримѣръ «Odozwy do bratiw Rusyniw—do narodu halyckoho» (Воззваніе къ братьямъ Русинамъ—къ народу галицкому), доказывавшія галицкимъ Русскимъ правдивость идеи: «Polak i Rusyn to jednoj Polszczi dity» [3]); въ «Oholoszenyju M. Popela do wsich Rusyniw w Samborskoj Radi 25 maja 1848 г.» читаемъ: «Нѣтъ Польши, нѣтъ Поляковъ, а есть лишь Мазуры, Шлезаки, Русины, Украинцы, Волыняки, Подоляки..., а та земля, которую тѣ всѣ племена-побратимы занимали и на которой въ согласіи жили, вся та земля называлась и называется въ книгахъ и въ рукописяхъ Польша, а тѣ всѣ народы называются Поляки или Русины, какъ желаете». Такія фразы со стороны поляковъ раздавались до 1866 г., въ которомъ они принялись за созданіе «антирусской Руси».

Еще большее значеніе имѣетъ вопросъ, какъ будетъ смотрѣть правительство на это движеніе галицкихъ русскихъ. Къ несчастію губернаторомъ Галиціи былъ назначенъ полякъ графъ А. Голуховскій. Это былъ первый полякъ, который, притворившись австрійскимъ патріотомъ, на этомъ пути лояльности по отношенію къ правительству стремился снискать благорасположеніе для польской

[1]) Allegata do Sprawozdań Sejmu Krajowego. 1866.
[2]) Widozwa Ruskoho Sobora отъ 8 іюня 1848 года.
[3]) Lyst do bratiw Rusyniw отъ 23 мая 1848 года.

народности и въ силу австрійской государственной идеи создалъ для поляковъ удобныя условія развитія во всей Галиціи.

Дѣятельность этого австрійскаго чиновника за 1846—1859 гг. изучилъ и выяснилъ д-ръ Вронславъ Лозинскій [1]), основываясь на документахъ намѣстничества (губерніи) и доказывая, что поляки, ненавиля его, ложно понимаютъ его, ибо ему одному должно приписывать установленіе нынѣшняго ихъ господства въ Галиціи. За дѣло примиренія поляковъ съ правительствомъ онъ принялся весьма искусно. Онъ сначала даже противился всякому движенію поляковъ, чтобъ не возбудить какого-либо подозрѣнія, но въ то же время не позволялъ русскимъ галичанамъ упрочить свое положеніе въ Галиціи, представляя ихъ элементомъ ненадежнымъ и опаснымъ для державы; внушалъ министрамъ и даже самому императору, что не надо ихъ попирать, а при томъ выдвигалъ пугало панславизма, въ видѣ панруссизма, и указывалъ на поляковъ, какъ на единственный элементъ, могущій противодѣйствовать этому грозному для державы стремленію.

Русскіе галичане, какъ уже было упомянуто, подали прошеніе правительству о раздѣлѣ Галиціи на двѣ части: польскую и русскую. Проектъ этотъ не былъ выдуманъ русскими галичанами. Еще 27 февраля 1847 г. послѣ занятія Австріею Кракова правительство рѣшило произвести въ цѣляхъ лучшаго управленія раздѣлъ Галиціи на двѣ провинціи, но вспыхнувшая революція 1848 г. помѣшала осуществить этотъ проектъ. Мысль правительства вновь возбудила «Руская Рада» и послала 29 марта 1849 г. прошеніе по этому дѣлу въ министерство. Проекту горячо воспротивился гр. А. Голуховскій и въ реляціи своей отъ 9 мая 1849 г. отмѣтилъ, что раздѣлъ этотъ «былъ бы несоотвѣтственнымъ будущей сформировкѣ политическихъ отношеній въ русской части края. Поведеніе русской народности во время послѣднихъ волненій и затрудненій государства обнаружило ея приверженность и преданность царскому дому и государству. Ближайшимъ поводомъ этого заявленія было чувство благодарности за опеку всегда испытываемую отъ правительства и за совершенную политическую эмансипацію отъ шляхты. Въ этомъ чувствѣ утверждаетъ русскую народность духовенство..., которое повидимому надѣется черезъ раздѣлъ края выбиться изъ существовавшей донынѣ подчиненности латинскому духовенству. Въ этихъ своихъ стремленіяхъ галицко-русское духовенство ожидаетъ поддержки отъ галицко-русскаго простого народа, который есть элементъ непросвѣщенный, но сильный, въ своемъ довѣріи легко руководимый и послушный. Однако при возрастающемъ національномъ

[1]) Bron. Loziński: Agenor hr. Gołuchowski. 1846—1859. Lwów 1901, стр. 288.

развитіи и движеніи просвѣщенія впередъ, сила іерархіи не можетъ быть прочной, но должна уступать предъ политическими стремленіями, направленными или къ соединенію съ народностью польской, или—что̀ болѣе правдоподобно—къ сближенію съ родственными племенами, состоящими подъ русскимъ скипетромъ. Въ одномъ и другомъ случаяхъ русская часть края — коварно заключаетъ графъ—была бы средоточіемъ козней и стараній политическихъ, которыя при эвентуальномъ стремленіи къ возсоединенію всѣхъ племенъ въ одно русское государство могли бы стать опасными для сохраненія мира съ сосѣдней державой, а даже для сохраненія этой части края за монархіей. Что это мое соображеніе не лишено основаній, въ томъ можетъ убѣдить правительство просьба поднесенная Русской Радой престолу о соединеніи венгерскихъ комитатовъ съ русской частью края Галиціи въ одно цѣлое, въ одну конституціонную организацію съ одной законодательной и одной правительственной властью. Не имѣю повода сомнѣваться въ лояльности и вѣрной приверженности къ династіи нынѣшняго поколѣнія Русиновъ. Однакожъ изъ выше приведеннаго акта (!) пробивается уже желаніе соединиться съ родственными народами, и еслибъ эта просьба была удовлетворена и Русины укрѣпились бы чрезъ развитіе своей народности..., то, если не теперешнее, то непремѣнно будущее поколѣніе обратилось бы къ живущимъ подъ русскимъ скипетромъ родственнымъ народамъ съ цѣлью создать единый могучій государственный организмъ.

«Тогда русская часть Галиціи при развитіи просвѣщенія и матеріальной культуры стала бы средоточіемъ козней и стремленій, цѣлью которыхъ было бъ съ одной стороны сломить іерархическую силу духовенства, съ другой—выше отмѣченное соединеніе народовъ. Однимъ словомъ могла-бъ возникнуть за Русь (Ruthenia) такая же борьба, какая ведется съ давнихъ поръ съ перерывами, но съ желѣзной стойкостью за возсозданіе вольной и независимой Польши» [1]).

Такимъ образомъ внушеніемъ страха передъ Россіею Голуховскій убилъ опасную для Поляковъ мысль о раздѣлѣ Галиціи и сдѣлалъ это такъ искусно и съ такимъ прочнымъ результатомъ, что эта мысль остается по настоящее время однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ русской Галичины и пунктомъ въ программахъ всѣхъ русскихъ партій.

Такимъ же способомъ гр. А. Голуховскій не допустилъ ввести въ гимназіи восточной Галиціи русскій преподавательскій языкъ. По этому поводу гр. А. Голуховскій послалъ императору меморіалъ

[1]) Bron. Loziński: Agenor hr. Gołuchowski, стр. 148—150.

съ ходатайствомъ основать въ восточной Галиціи *польскую* гимназію. «Что языкъ польскій есть языкъ выработанный, развитый и усовершенствованный, что онъ далѣе можетъ выказаться значительной и выдающейся литературой почти (!) во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія,—это является фактомъ признаннымъ всѣми цивилизованными народами... Но какъ же дѣло обстоитъ съ галицко-русскимъ населеніемъ? Русскій (галицко-русскій) языкъ, который слышенъ въ ежедневной жизни, настолько преисполненъ польскихъ словъ, лишь нѣсколько измѣненныхъ, что можетъ недостаточно освѣдомленными быть принятымъ только за нарѣчье польскаго языка. Галицко-русскій литературный языкъ употребляетъ или такія-же самыя выраженія или отыскиваетъ для пополненія своихъ значительныхъ пробѣловъ совсѣмъ новыя слова, непонятныя для непосвященныхъ или наконецъ присвоиваетъ себѣ съ этой цѣлью русскія (россійскія) выраженія... Научныя изслѣдованія, касающіяся русскаго языка, еще въ колыбели, литературы же онъ не имѣетъ никакой, развѣ только книги церковныя, составленныя на почти непонятномъ языкѣ славянскомъ. При такомъ стеченіи обстоятельствъ пройдетъ еще долгій рядъ лѣтъ, пока можно будетъ при помощи малорусскаго языка съ полнымъ успѣхомъ учиться другимъ языкамъ. *Но даже въ то время, когда станетъ это возможнымъ*, прозорливость будетъ требовать хорошо взвѣсить и оцѣнить отношенія прежде, чѣмъ вводить языкъ малорусскій въ школы для преподаванія. Ибо пытливость разъ проснувшаяся у молодежи, не станетъ неподвижной, но будетъ только стремиться къ удовлетворенію, а когда по недостатку родной литературы не найдетъ его въ галицко-русскомъ языкѣ, то обратится къ чуждой литературѣ славянской. Въ такомъ случаѣ привлечетъ жаждущаго знанія родственная сосѣдняя литература русская... Не возможно же оспаривать, что этимъ путемъ взгляды и соображенія, не соотвѣтсвующіе государственнымъ видамъ и для католической церкви нежелательные, были бъ сдѣланы возможными и нашли бы поддержку. Это обстоятельство возбуждаетъ вообще сомнѣніе, будетъ ли возможнымъ ввести когда-нибудь языкъ галицко-русскій въ гимназіи для преподаванія, и говоритъ въ пользу того, чтобы тамъ окончательно оставить *нѣмецкій языкъ* какъ языкъ преподаванія, а за языкомъ галицко-русскимъ упрочить только положеніе нужное для его развитія» [1]).

Итакъ гр. А. Голуховскій подъ видомъ австрійскаго патріота нанесъ галицко-русскому народу много вреда и, притомъ, въ моментъ, когда австрійское правительство было расположено въ пользу

[1]) Łoziński: Agenor hr. Gołuchowski стр. 271—2

русскихъ галичанъ и когда галицкіе русскіе пролитіемъ крови своей доказывали преданность и чувства привязанности къ династіи Габсбурговъ и Австрійской имперіи.

Успѣхи такой политики гр. А. Голуховскаго на столько ободрили его, что позже онъ сталъ дѣйствовать прямо наступательно и легко могъ, когда измѣнились политическія отношенія Австріи, обвинить русскихъ галичанъ чуть-ли не въ государственной измѣнѣ. Въ 1854 г. вспыхнула Крымская война. Австрія заняла по отношенію къ Россіи очень недоброжелательное положеніе. Добрыя отношенія австро-русскія порвались, а антагонизмъ, который проявился теперь между Австріею и Россіей и продолжался до 1897 г., не могъ не отразиться печально на дальнѣйшемъ развитіи галицко-русскаго народа. Подорвать довѣріе австрійскаго правительства къ русскимъ галичанамъ было для Голуховскаго дѣломъ очень удобнымъ, и потому онъ внимательно слѣдилъ за народнымъ движеніемъ. Но лишь въ области литературной онъ нашелъ доказательства, что Галицкая Русь будто бы стремится къ объединенію съ Россіей. И вотъ эти мнимыя литературныя стремленія для галицкаго администратора послужили къ убѣжденію правительства въ нелояльномъ настроеніи русскихъ галичанъ по отношенію къ Австріи. Напр. посѣщеніе русскихъ ученыхъ, какъ Смирнова, который собиралъ матеріалы для исторіи Галиціи, Голуховскій представлялъ правительству какъ московскую агитацію среди русскихъ галичанъ.

Въ 1855 г. Голуховскій доносилъ министерству, что Яковъ Головацкій, профессоръ Львовскаго университета, «обнаруживаетъ въ своихъ книгахъ, издаваемыхъ для школьнаго употребленія, болѣе и болѣе явно стремленіе къ введенію русскихъ (россійскихъ) выраженій, оборотовъ и формъ, вообще русскаго языка на мѣсто галицко-русскаго», что д-ръ Евсевій Черкавскій, «посѣщая восточно-галицкія гимназіи, замѣтилъ тоже и среди молодежи очевидные признаки язычнаго руссофилизма». Головацкій получилъ отъ министерства выговоръ. Въ 1857 г. Голуховскимъ снова подано министерству донесеніе, въ которомъ онъ требовалъ принять мѣры противъ Я. Головацкаго, ибо «возникаетъ опасеніе, что свящ. Головацкій, внушая свои взгляды и стремленія умамъ слушателей, кандидатовъ на учителей, пагубно повліяетъ этимъ путемъ на всѣ гимназіи восточной Галиціи». Гр. Тунъ, министръ просвѣщенія, согласился на вмѣшательство; Голуховскій затребовалъ отъ Головацкаго университетскихъ записокъ, по которымъ онъ преподавалъ свои лекціи, и велѣлъ ихъ пересмотрѣть Евсевію Черкавскому. Послѣдній написалъ пространный докладъ и послалъ его 12 марта 1858 г. въ министерство. Въ докладѣ была широко развита мысль о небезопасности руссофильской дѣятельности Якова Головацкаго, ко-

торый довѣренную ему задачу «развивать галицко-русское нарѣчіе людовое на языкъ книжный», исполняетъ не въ духѣ правительства, ибо пособленіе людового нарѣчія галицко-русскаго выраженіями и оборотами *языка церковно-славянскаго* ведетъ медленно, но неизбѣжно къ полной ассимиляціи этого нарѣчія съ языкомъ русскимъ, за что уже открыто ратуютъ «Зоря Галицка» и «Семейная Библіотека», а Головацкій съ каѳедры,—что въ виду того есть стремленіе направить цѣлое движеніе на опасный для государства путь, дать починъ работѣ «pour l'empereur de Russie» [1]).

Къ докладу этому Голуховскій прибавилъ отъ себя ходатайство о томъ, чтобъ правительство не потерпѣло руссофильской пропаганды, «которая изъ сферы языковой перекидывается на политическое поприще и создаетъ съ великой для государства опасностью элементъ сепаратистическій, тяготѣющій къ Россіи». Какъ средства къ задержанію этого вреднаго для государства направленія, Голуховскій проектировалъ слѣдующее: 1) устраненіе каѳедры галицко-русскаго языка въ университетѣ Львовскомъ. 2) Введеніе въ языкъ галицко-русскій латинскаго алфавита, какъ мѣры обезпеченія противъ движущейся впередъ руссификаціи того языка. Надо его примѣнить къ изданію школьныхъ учебниковъ и журнала статутовъ. 3) Уравненіе календарей, такъ какъ юліанскій календарь создаетъ раздвоеніе между поляками и русинами и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ точкой соприкосновенія галицко-русскихъ панславистовъ съ Россіей» [2]).

Правительство согласилось лишь на одно изъ предложенныхъ здѣсь средствъ, а именно на введеніе латинской или чешской азбуки въ галицко-русскую письменность. Съ этой цѣлью была составлена комиссія, которая начала свои совѣщанія въ то время, когда Австрія вела войну съ Италіей. «А тая война азбучная— говорилъ преосвящ. г-ръ Литвиновичъ въ низшей палатѣ Думы Державной 29 августа 1861 г. [3])—отбывалась тогда, когда наши войска на поляхъ въ Италіи кровь проливали... Середъ засѣданій комиссіи приходитъ депеша о пораженіи австрійцевъ подъ Маджентою. Отворено ю, перечитано и сховано до кармана, якобы ничь въ свѣтѣ не сталося, а азбучная битва продолжалась, якъ овая битва Римлянъ, при которой они даже землетрясенія не почувствовали». Комиссія отклонила предложеніе правительства относительно замѣны русской азбуки.

Озлобленный по поводу этой неудачи гр. А. Голуховскій писалъ въ донесеніи своемъ отъ 4 августа 1859 г.:

[1]) Loziński: Agenor hr. Gołuchowski, стр. 180.
[2]) Loziński: Agenor hr. Gołuchowski, стр. 182—183.
[3]) Рѣчь его напечатана въ «Словѣ» 1861 г. № 67.

«Далекій отъ всякихъ постороннихъ маловажныхъ взглядовъ, я имѣлъ въ виду необходимое для укрѣпленія государственнаго единства тѣснѣйшее сплоченіе галицко-русскаго элемента, выступающаго до сихъ поръ отдѣльно, съ организмомъ другихъ племенъ монархіи и укрѣпленіе этого элемента болѣе жизненными факторами. Не смущаясь ни похвалой, ни осужденіемъ временно-верховодящей галицко-русской партіи, я обратилъ вниманіе на будущее народа и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ обязанность честнаго обывателя державы и вѣрнаго слуги Его Ц. и Кор. Апостольскаго Величества, обращая вниманіе на опасенія, какія должно *возбуждать проведенное уже чрезъ галицко-русскихъ литераторовъ сліяніе интелектуальной жизни Русиновъ съ интелектуальной жизнью Россіянъ*. О жизненности поддерживаемаго мной проекта введенія латинскаго алфавита въ русскій языкъ я столь сильно убѣжденъ, что не сомнѣваюсь, что въ будущемъ онъ будетъ осуществленъ, если до истеченія процеса развитія галицко-русскій элементъ не будетъ всецѣло захваченъ стремленіемъ руссификаціи и не отдалится отъ жизни австрійской монархіи. Еслибъ это послѣдовало, то осталось бы у меня хотя утѣшительное сознаніе, что я обратилъ вниманіе царскаго правительства на угрожающую опасность во-время, когда была она предотвратима, а зародышъ сбывшагося направленія можно было еще выполоть» [1]).

Русскимъ галичанамъ еще разъ блеснула надежда на свободное развитіе, когда 1861 г. правительство, нуждаясь въ поддержкѣ ихъ, издало актъ, въ которомъ оно обѣщало не вмѣшиваться въ дѣла ихъ литературнаго движенія.

13 марта 1861 г. вышло слѣдующее распоряженіе министерства къ Львовскому намѣстничеству: «такъ какъ *непосредственное вліяніе на образованіе и литературное развитіе языка не принадлежитъ къ задачамъ управленія* государствомъ и какъ многочисленные опыты поучаютъ, никогда не вѣнчается удовлетворительнымъ успѣхомъ, постановляю въ виду того не придерживаться распоряженія бывшаго министерства вѣроисповѣданій и просвѣщенія отъ дня 23 іюля 1859 г. ч. 959, которымъ опредѣлены принципы направленія дальнѣйшаго развитія и выработки галицко-русскаго языка и будто-бы на томъ основанной орѳографіи; при томъ обращаю вниманіе, что племенной вѣтви галицко-русской въ будущемъ будетъ дана свобода позаботиться о соотвѣтственномъ самостоятельномъ развитіи своего языка и объ успѣхахъ своей литературы надлежащимъ способомъ и прежде всего на основаніи общераспростра-

[1]) Loziński: Agenor hr. Gołuchowski стр. 191.

неннаго языка народаго. Школьные учебники будутъ въ будущемъ печататься тѣми же буквами и при употребленіи той принятой галицко-русскимъ населеніемъ орѳографіи, которая употреблялась при печатаніи книгъ, вышедшихъ предъ упомянутымъ распоряженіемъ, касательно котораго одновременно дѣлаю нужное постановленіе [1]).

Но актъ сей имѣлъ только моральный успѣхъ для русскихъ галичанъ. Правительство не сдержало даннаго обѣщанія и не переставало вмѣшиваться во внутреннія ихъ дѣла, стараясь склонять ихъ къ направленію, отвѣчающему политикѣ австрійской имперіи. Борьба эта происходитъ уже при другихъ обстоятельствахъ, среди конституціонной жизни Австро-Венгріи и при оппозиціи поляковъ, которые приняли на себя роль воспитателей русскихъ галичанъ въ духѣ воззрѣній правительства. Достигнувъ же власти въ Галиціи, они стали стѣной между правительствомъ и галицко-русскимъ населеніемъ.

В. Галицкая Русь во время конституціонной жизни Австро-Венгріи.

«...Pomiędzy ludami słowiańskimi żywioł polski stanowi dotęd jedyny środek reakcyi przeciw panslawizmowi, więc narzuca się myśl, że żywioł ten także i w Galicyi powinien być wprowadzony w grę przeciw zapędom panslawizmu». Меморіалъ А. Глуховскаго 12/III 1858.

Съ 27 декабря 1867 г. началась въ Австрійской имперіи конституціонная жизнь. Отъ самаго начала конституціонной эры въ Австріи, то есть отъ 1848 г. велась завзятая борьба съ одной стороны между требованіями отдѣльныхъ народностей, желавшихъ получить широкую автономію, съ другой—стремленіемъ правительства удержать нераздѣльность имперіи. Первая конституція отъ 25 апрѣля 1848 г. признавала, что Австрійская монархія есть дуалистическое государство, такъ какъ были учреждены двѣ державныя Думы подъ названіемъ сейма (Reichstag): особая для Угорщины и особая для неугорскихъ областей.

Эта апрѣльская конституція не вошла въ жизнь, а вступившій на престолъ императоръ Францъ Іосифъ I 4 марта 1849 г. издалъ такъ называемую октроированную конституцію, въ которой провозглашалъ нераздѣльность монархіи и одинъ сеймъ для всѣхъ областей имперіи. Изъ-за этой конституціи вспыхнула въ 1849 г.

[1]) M. Bobrzyński: Z dziejów politycznego odrodzenia Galicyi 1859—1873. (Собраніе распоряженій для Галиціи). Nro 18, стр. 99.

революція въ Венгріи. По замиреніи ея при помощи русскихъ войскъ, не была введена въ жизнь и мартовская конституція и на время 1851—1859 гг. стала господствовать абсолютно-централистическая такъ называемая система Баха (министра). Только послѣ несчастной войны съ Италіею въ 1859 г. и съ Пруссіею въ 1866 г. и послѣ продолжительной борьбы этихъ двухъ направленій, централистическаго и автономическаго, началась, въ видѣ политическаго дуализма Австро-Венгріи, эпоха конституціонной жизни, продолжающаяся по настоящее время. Были утверждены двѣ державныя Думы: парламентъ для австрійскихъ областей и сеймъ для Венгріи; общими же дѣлами имперіи, каковы: 1) внѣшняя политика 2) армія 3) финансы для покрытія общихъ расходовъ, занимаются делегаціи, составляющіяся изъ пословъ, избранныхъ парламентомъ и угорскимъ сеймомъ.

Галиція вошла въ сферу австрійскаго парламента, который состоитъ изъ двухъ палатъ: 1) палаты господъ и 2) палаты посольской. Компетенція парламента весьма широкая. Онъ вѣдаетъ все законодательство по предметахъ права судебнаго, по дѣламъ промышленнымъ, банковымъ, санитарнымъ, вѣроисповѣднымъ, университетскимъ, о мѣрахъ и вѣсахъ; кромѣ того, она устанавливаетъ общія нормы для среднихъ и народныхъ учебныхъ заведеній, права гражданскія, законы объ обществахъ и собраніяхъ, о правахъ и повинностяхъ отдѣльныхъ областей и т. п.

Временное законодательство въ то время, когда державная Дума не функціонируетъ, поручено, въ силу § 14, императору, съ отвѣтственностью всего министерства. Но перемѣнить конституцію или предпринять большіе займы императоръ не можетъ.

Сначала областные сеймы посылали своихъ пословъ, избранныхъ депутатовъ въ парламентъ, но затѣмъ реформой 1873 г. были установлены непосредственные выборы по куріямъ избирателей: 1) крупное землевладѣніе, 2) города, 3) палаты торговыя и промышленныя, 4) курія мелкой собственности (тутъ выборы посредственные). Въ 1896 г. была введена пятая курія, основанная на принципѣ общаго права голосованія.

Областные сеймы, къ компетенціи которыхъ принадлежатъ дѣла областные, какъ распоряженія относительно областной культуры, учебныхъ заведеній, открываемыхъ на областные фонды, относительно учрежденія благотворительныхъ заведеній, наконецъ, бюджета и контроля областныхъ доходовъ и расходовъ,— состоятъ изъ пословъ четырехъ курій: 1) крупное землевладѣніе, 2) города, 3) палаты торговыя и промышленныя, 4) мелкая земельная собственность.

Австрійская конституція по избирательному куріальному праву не принесла галицко-русскому народу почти никакой пользы. Рус-

скій посолъ могъ выйти лишь изъ куріи мелкой собственности, но и тутъ онъ встрѣчалъ трудную задачу, ибо выборы были посредственные: изъ каждой деревни были избираемы выборщики (одинъ на 500 человѣкъ), которые то подъ давленіемъ старостъ, то вслѣдствіе денежнаго подкупа въ виду важнаго значенія депутатства, не умѣли выполнять возлагаемой на нихъ задачи, что часто было предметомъ жалобъ со стороны русскихъ пословъ.

Не удивительно, что поляки получили весьма большой перевѣсъ надъ русскими галичанами и въ сеймѣ и въ парламентѣ. Если прибавимъ къ этому, что въ 1866 г. послѣдніе открыто провозгласили единство Руси и навлекли на себя неудовольствіе правительства, то получимъ вѣрную картину жалкаго состоянія Галицкой Руси наканунѣ конституціонной жизни Австровенгерской имперіи.

Правда, статья XIX основныхъ законовъ отъ 21 декабря 1867 г. объ общихъ гражданскихъ правахъ ясно говорила: «Всѣ племена населенія державы равноправны и каждое племя имѣетъ неприкосновенное право беречь и развивать свою національность и свой языкъ.

Государство признаетъ равноправными всѣ языки въ краѣ, употребляемые въ школѣ, управленіи и публичной жизни.

Въ краяхъ населенныхъ нѣсколькими людовыми племенами учебныя заведенія должны быть устроены такимъ способомъ, чтобы каждое изъ этихъ племенъ людовыхъ получило нужныя средства къ образованію на основаніи своего собственнаго языка, безъ употребленія принужденія выучиться другому краевому языку» [1]).

Но параграфъ этотъ остался для русскихъ галичанъ лишь идеаломъ и, прежде всего, потому, что поляки сблизились съ австрійскимъ правительствомъ и въ 1866 г. заключили съ нимъ союзъ, такъ печально отразившійся на дальнѣйшемъ ходѣ развитія галицко-русскаго народа.

Въ 1863 г. поляки много потерпѣли отъ польскаго повстанія въ Россіи, но правительство, которое всегда относилось благосклонно къ полякамъ, напуганное небезопасностью со стороны русскаго элемента и ослабленное войной 1866 г., видѣло, конечно, больше гарантій безопасности у поляковъ, чѣмъ у русскихъ галичанъ. Цементомъ, который сплотилъ поляковъ и сильнѣе связалъ ихъ съ правительствомъ, была ихъ непримиримая вражда къ Россіи, которую они при каждомъ случаѣ не упускали проявлять. Во время русско-турецкой войны 1877 г. галицкій (польскій) сеймъ поспѣшилъ обратиться съ адресомъ къ императору, въ которомъ, между прочимъ, находились такія слова: «Народъ польскій никогда не отка-

[1]) Bobrzyński: Z dziejów odrodzenia Galicyi № 43, стр. 147. (Тутъ собраны главныя распоряженія и литература этого времени).

зывался отъ своей національной самостоятельности. Для Австро-Венгріи *панславистическая Россія составляетъ* наибольшую опасность. Лишь тѣ славянскія племена, которыя не отказываются отъ своей національной самостоятельности, могутъ служить валомъ, защищающимъ Австро-Венгрію отъ Россіи»... Любопытное о томъ свидѣтельство даетъ также органъ «Przegląd wszechpolski», 1902, w. 2: «Находится ли Австрія въ плохихъ или хорошихъ, даже весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ сѣверо-восточнымъ сосѣдомъ, для ея интересовъ всегда полезно, чтобы поляки относились враждебно къ Россіи. Австрія, поссорившись съ Россіей, можетъ намъ позволять выраженіе по отношенію къ послѣдней нашей вражды явно и откровенно, можетъ даже преднамѣренно обострять ее; Австрія, дружащая съ Россіей, принуждена нашу ненависть удерживать и умѣрять; но она вовсе не желаетъ, чтобы мы заняли иное положеніе, питали другія чувства. *Наши политики не соображаютъ* того, что враждебное отношеніе поляковъ къ Россіи есть, въ сущности, одинъ изъ главныхъ, если не изъ самыхъ главныхъ поводовъ перемѣны въ отношеніяхъ къ намъ австрійскаго правительства на продолжительное время и залогомъ австрійской лояльности поляковъ и что прежде всего ему обязаны мы концессіями и милостями, о которыхъ мы говоримъ такъ охотно».

Первый актъ союза поляковъ съ правительствомъ явился въ видѣ адреса галицкаго сейма къ императору слѣдующаго содержанія: «Цѣлость Австріи будетъ обезпечена, если всѣ ея нравственныя и матеріальныя силы будутъ развиваться на историческихъ и національныхъ началахъ. Австрія должна быть во внутреннемъ своемъ развитіи крѣпчайшимъ выраженіемъ признанной свободы, а снаружи щитомъ цивилизаціи *запада*, правъ народности, гуманности и справедливости (понятно въ Галиціи лишь для поляковъ)!

Сознаніе собственнаго блага и совѣсть другихъ народовъ, проникнутыхъ христіанско-просвѣтительной мыслью, не позволяетъ, чтобы Австрія въ исполненіи этого призванія стояла особнякомъ. *Такое посланничество было нашей (Польши) участью въ продолженіи долгихъ вѣковъ.* Итакъ безъ опасенія измѣнить національной мысли и съ вѣрой въ посланничество Австріи и съ довѣріемъ въ прочность перемѣнъ, какія высказало Вашего Величества слово, какъ неизмѣнное намѣреніе, — изъ глубины нашихъ сердецъ объявляемъ, что при Тебѣ, Всепресвѣтлѣйшій Государь, стоимъ и стоять хотимъ» [1]).

Императоръ отвѣтилъ вѣжливо, актъ союза былъ принятъ, привилегіи для польской народности въ Галиціи посыпались, какъ изъ рога изобилія.

[1]) Bobrzyński: Z dziejów odrodzenia Galicyi 1859—1873. Lwów 1905. № 35, стр. 121.

5 іюня 1869 г. официально введенъ польскій языкъ въ управленіе Галиціи [1]).

30 апрѣля 1870 г. императоръ рѣшилъ, чтобъ уже съ начала 1870—1 г. былъ введенъ польскій языкъ въ Краковскомъ университетѣ.

2 мая 1871 г. императоръ писалъ къ министру Иречку: Мое желаніе — чтобы была учреждена Академія Наукъ въ Краковѣ (вмѣсто Towarzystwa Naukovego) [2]).

4 іюля 1871 польскій языкъ введенъ въ львовскомъ университетѣ на юридическомъ и философскомъ факультетахъ, съ сохраненіемъ правъ русскаго языка [3]).

14 сентября 1871 г. польскій языкъ введенъ въ технической академіи.

Въ томъ же 1871 году, въ довершеніе своихъ неожиданныхъ добычъ, поляки получили отдѣльнаго министра для Галиціи, въ лицѣ Казиміра Грохольскаго, который принималъ дѣятельное участіе въ министерскихъ совѣщаніяхъ съ рѣшающимъ голосомъ и доставлялъ другимъ министрамъ и императору свѣдѣнія относительно Галичины.

Поляки ликовали. Побѣда ихъ была неожиданно великая, о которой они, быть можетъ, даже не мечтали. Они не только получили обезпеченіе своихъ правъ и благопріятныя условія для развитія во всѣхъ отношеніяхъ въ Западной (польской части) Галиціи, но ихъ вліяніе и ихъ господство были расширены и на всю Восточную (русскую часть) Галиціи!

Что же принесла конституція русскимъ галичанамъ, этимъ восточнымъ тирольцамъ въ то время, когда поляки заполучили университеты, академіи, административную власть и т. д.? Ровно ничего, и положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось сравнительно съ временемъ крайняго абсолютизма; для нихъ теперь настала ожесточенная борьба съ польскимъ народомъ, который, разъ захвативъ власть надъ Галичиною, стремился укрѣпить свое господство надъ нею и, пользуясь удобнымъ временемъ, поработать надъ полонизаціей галицко-русскаго населенія.

Накапунѣ конституціонной жизни Галицкой Руси былъ нанесенъ правительствомъ тяжелый ударъ: въ 1866 г. Яковъ Головацкій, профессоръ малорусской словесности во львовскомъ университетѣ былъ отстраненъ отъ каѳедры за распространеніе руссофильскихъ идей, а въ 1867 г. отъ министра гр. Бейста получилъ выговоръ: «Umkehren, meine Herren, wenn ihnen das Wohl ihrer Nation am Herzen liegt».

---

[1]) Bobrz. nr. 48 и 49.
[2]) nr. 58.
[3]) nr. 59.

Возвращать русскихъ галичанъ на «правый» путь поляки теперь принялись усердно. Теперь они уже покинули свои любимыя фразы, что «Русь и Польша—то одно», а рѣшили всѣми силами разбить сильную «святоюрскую» партію. Борьбу этого рода открыла «Gazeta Narodowa», органъ польской шляхетской партіи, въ статьѣ отъ 8 и 9 августа 1866 г.: «Zdania o organizacyi Galicyi». Если поганое святоюрство—читаемъ тамъ—если терроризмъ, при помощи котораго святоюрцы управляютъ духовенствомъ, будутъ разбиты, если изъ русскихъ рукъ будетъ отобрана школа, тогда только возникнетъ въ Галиціи настоящая антирусская Русь. Такая антирусская Русь, связанная уніею съ поляками, будетъ для Австріи крѣпкимъ валомъ противъ Россіи.

Итакъ поляки предлагали австрійскому правительству за полученные ими отъ него уступки и господство въ Галиціи такъ воспитать русскихъ галичанъ, чтобъ они были «крѣпкимъ валомъ противъ Россіи». Но насколько плохо понимали поляки и «антирусскую Русь» и способы, какими рѣшились довершить дѣло уничтоженія Руси, указываетъ взглядъ ихъ историка и политика Вал. Калинки, который былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ гр. Стан. Тарновскимъ, главнымъ верховодителемъ польской шляхетской партіи.

«Между Польшей и Россіей—такъ по словамъ Тарновскаго думалъ и высказывался передъ нимъ В. Калинка—сидитъ народъ сильно размножившійся, многомилліонный, который не есть ни польскій, ни россійскій... Но въ немъ всѣ находятся матеріально подъ господствомъ, нравственно-же подъ вліяніемъ Россіи, которая говоритъ тѣмъ же языкомъ, исповѣдуетъ ту же вѣру—или же насиліемъ и кровью обращаетъ къ ней равнодушныхъ и безсознательно упорствующихъ,—которая зовется Русью, провозглашаетъ освобожденіе отъ Ляховъ и единеніе въ славянскомъ братствѣ.... однимъ словомъ историческій процессъ, начатый при Казимирѣ, Ядвигой подвинутый, законченный же движеніемъ вѣры и западной цивилизаціи на 200 миль на востокъ, разыгрывается на нашихъ глазахъ въ второй инстанціи... Какъ же защищать себя?.. гдѣ отпоръ противъ этого потопа? Гдѣ? Быть можетъ, въ отдѣльности этого (мало)русскаго народа.

Полякомъ онъ не будетъ, но неужели же онъ долженъ быть Москалемъ? Полякъ имѣетъ другую душу и въ этомъ фактѣ такую силу защитительную, что поглощеннымъ быть не можетъ; но между душой Русина и Москаля такой основной разницы, такой непроходимой границы нѣтъ. Была бы она, еслибъ каждый изъ нихъ *исповѣдывалъ иную вѣру*, и поэтому-то унія была столь мудрымъ политическимъ дѣломъ, а ея небреженіе столь пагубнымъ. Еслибы Русь—отъ природы эногафически отличная, по сознанію и духу была *ка-*

толическою, въ такомъ случаѣ коренная Россія вернулась бы въ свои природныя границы и въ нихъ осталась, а надъ Дономъ, Днѣпромъ и Чернымъ моремъ было бы нѣчто иное. Каково же было бы это «нѣчто»?

Одному Богу вѣдомо будущее, но изъ естественнаго сознанія племенной отдѣльности могло бы со временемъ возникнуть пристрастіе къ иной цивилизаціи и въ концѣ концовъ—съ малаго начиная—*къ полной отдѣльности души*. Разъ этотъ пробуждающійся народъ проснулся не съ польскими чувствами и не съ польскимъ самосознаніемъ, пускай останется при своихъ,—но эти послѣднія пусть будутъ связаны съ Западомъ душой, съ Востокомъ только формой.

Съ тѣмъ фактомъ (т. е. пробужденіемъ Руси съ непольскимъ сознаніемъ) мы справиться сегодня уже не въ состояніи,—за то мы должны позаботиться о такомъ направленіи и поворотѣ въ будущемъ потому что только такимъ путемъ можемъ еще удержать ягайлонскія пріобрѣтенія и заслуги, только этимъ способомъ можемъ остаться вѣрными призванію Польши, сохранить тѣ границы цивилизаціи, которыя оно предначертало... Пускай Русь останется собой и пусть съ инымъ обрядомъ будетъ католической—тогда она и Россіей никогда не будетъ и вернется къ единенію съ Польшей.

И еслибъ даже это не было осуществимо, то все-таки лучше самостоятельная Русь, чѣмъ Русь россійская; если Гриць не можетъ быть моимъ, говоритъ извѣстная думка, пускай по крайней мѣрѣ не будетъ онъ ни мой, ни твой. *Галицкая Русь играетъ въ этомъ отношеніи наиболѣе важную, рѣшительную роль*, такъ какъ она одна *имѣетъ еще средство спасенія* (мало)русскихъ душъ и сохраненія ихъ національной отдѣльности,—унію. Это же — роль — и болѣе чѣмъ роль, ибо историческая и религіозная миссія Поляковъ въ Галиціи—не препятствовать національнымъ стремленіямъ и развитію Руси,... уважать унію и беречь ее, какъ глаза въ головѣ [1])...»

Когда Наумовичъ говорилъ въ сеймѣ 1866 г., что «сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не учтожитъ никто въ свѣтѣ, ни законы, ни сеймы, ни министры», то не думалъ объ одномъ: что это могутъ сдѣлать его собратья, извѣстная часть русскихъ галичанъ. Уже въ 1864 г. ясно обозначился въ Галиціи антагонизмъ между двумя направленіями въ области литературной: одно стремилось къ обработкѣ своего языка сообразно съ исторіей на почвѣ церковно-славянскаго языка въ цѣляхъ сближенія его съ русскимъ литературнымъ языкомъ; другіе же мечтали создать и ввести народный языкъ. Разница между этими двумя направленіями обрисовалась въ 1864 г. по поводу изданія Галицко-русской Ма-

[1]) A. Tarnowski: Ksiądz Waleryan Kalinka. Kraków 1887, стр. 167—170.

тицей «Науковаго Сборника», который вызвалъ борьбу между приверженцами обоихъ направленій на столбцахъ газетъ «Слово» и «Мета». Къ приверженцамъ народнаго языка, воодушевлявшимся замѣтнымъ тогда развитіемъ украинской литературы, къ которымъ принадлежали Степанъ Качала, Юліянъ Лавровскій, Ксенофонтъ Климковичъ и Евгеній Згарскій, примкнули польскіе политики. «Влить новую душу» въ русина, прервать всѣ нити, связывающія его съ Россіей и чрезъ церковную унію, чрезъ западную культуру довести его до полной обособленности души»—вотъ главная идея тогдашнихъ польскихъ политиковъ. Нѣсколько весьма чувствительныхъ ударовъ для Галичины, какъ отстраненіе Я. Головацкаго отъ университетской каѳедры, политическіе процессы видныйшихъ патріотовъ по поводу перехода Гиличекъ въ православіе въ 1882 г. и обвиненія ихъ въ государственной измѣнѣ и тяготѣніи къ схизмѣ и, наконецъ, отстраненіе ихъ отъ вліянія на школы—подорвали силу руководящей русско-народной партіи и выдвинули на политическую арену украйнофильскую или народовецкую фракцію.

Къ этой партіи пристали поляки, чтобъ навязать свой союзъ противъ «москвофиловъ», обѣщавъ партіи поддержку. Политическій процесъ Ольги Грабаръ въ 1882 г. по поводу перехода Гиличекъ въ православіе представлялъ самый удобный моментъ для такой уніи. Но поляки напередъ потребовали, чтобъ народовцы приняли ихъ программу и ясно высказали, какимъ путемъ желаютъ въ будущемъ дѣйствовать и вести Галицкую Русь.

Съ 1882 до 1890 гг. продолжались переговоры. Поляки поучали въ своихъ періодическихъ органахъ, особенно въ «Przegląd Polski» предводителей украинской или «народовецкой» партіи, на какихъ условіяхъ возможна эта унія. «Съ пріятностью видѣли мы—пишетъ Przegląd Polski [1]) 30 сентября 1883 г.—что тонъ рѣчей (галицко)русскихъ пословъ былъ примирительный и спокойный, на столько, что даже растрогалъ не одного изъ польскихъ пословъ. Но содержаніе и сущность тѣхъ рѣчей не звучали въ нашихъ ушахъ очень примирительно, такъ какъ мы не слышали въ нихъ *нѣкоторыхъ осужденій* и *нѣкотораго самоотверженія*, безъ котораго Полякъ долженъ на всякія изъявленія отвѣтить Русину «не маю довѣрія» («не имѣю довѣрія»).

Точно такъ же и гр. Тарновскій не совѣтовалъ немедленно завязывать сношеніе съ народовецкой партіей, пока они совсѣмъ не порвуть съ Русью московскою.

Если намъ Богъ даруетъ достаточно времени—читаемъ въ статьѣ «Sesya Sejmowa», 1883 г.—если въ теченіе этого времени одни изъ

---

[1]) Przegląd Polski. 1883. Томъ II, стр. 175.

насъ убѣдяться, что общерусскій міръ былъ бы смертію для Руси, а другіе — что согласіе и примиреніе есть обезпеченіе и будущее Польши и если, и сходя изъ этого убѣжденія, мы будемъ поступать благоразумно, то это время можетъ насъ окончательно не на шутку побратать» [1]).

Въ 1884 г. выступилъ въ сеймѣ противъ Ст. Качалы въ защиту церковной уніи на Руси епископъ станиславовскій Юл. Пелешъ. По его словамъ она (унія) «произошла изъ самой реальной жизненной необходимости малорусскаго народа,—а вовсе ни Римъ, ни Сигизмундъ III, ни польская шляхта, ни Іезуиты не навязали ее». Заявленіе епископа въ сеймѣ привѣтствуетъ съ радостію гр. Тарновскій. Со времени существованія сеймовъ—пишетъ онъ [2]) — мы въ первый разъ услышали столь рѣшительное заявленіе. Много было споровъ на счетъ малорусскихъ дѣлъ, часто повторялись они и имѣли болѣе страстный характеръ, чѣмъ сегодня, и всегда, въ продолженіе этой четверти вѣка, мы ожидали и прислушивались съ біеніемъ сердца, не вырвется ли наконецъ у кого изъ груди слово: «я католикъ, хочу имъ быть и буду до смерти». Хотѣлось горячо, чтобы кто-нибудь наконецъ сказалъ: «насиліе истребило и оклеветало унію, но она осталась въ моей душѣ, и противъ этого насилія я протестую, не хочу его изо всѣхъ силъ моего чувства и убѣжденія». Когда нынѣ провозглашено такое заявленіе отъ имени уніатскаго епископата, порадуемся этому и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ увѣрены, что около него соединятся тѣ прочныя и незамѣтныя убѣжденія, тѣ вѣрныя чувства, до сихъ поръ приговоренныя къ молчанію, которыя могутъ скрываться въ лонѣ галицко-русскаго духовенства..., что въ прочности религіозныхъ убѣжденій присоединится со временемъ *такой характеръ національныхъ чувствъ* и прогресса, «что и въ дѣлахъ политическихъ concordia будетъ возможной».

«Въ галицко-русскихъ стремленіяхъ—писалъ также гр. Тарновскій [3])—виденъ не одинъ сильный, но даже настолько благородный порывъ, что можно бы чувствовать къ нимъ нѣкое влеченіе. *Но этой ненависти къ москалямъ, которой именно нужно, какъ гарантіи и основы настоящей и отдѣльной Руси, до сихъ поръ не видно нигдѣ*».

Всѣ эти мысли, вдохновляемыя польскими политиками, приняла, какъ главную программу для своей дѣятельности, народовецкая партія. Сначала она шла въ дѣлахъ народныхъ и боролась съ правительствомъ и съ поляками для защиты правъ галицко-русскаго населенія за-одно съ руссконародной (москалефильской)

---

[1]) Przegląd Polski 1883 г. Kwartał II, стр. 554—555.
[2]) » » 1886 г. стр. 463–454.
[3]) Stan. Tarnowski: Bernard Kalicki (Przegląd Polski 1885, стр. 560).

партіей. Былъ даже составленъ особый сеймовый русскій клубъ подъ предсѣдательствомъ Юл. Романчука. «Главною основою сего клуба была та мысль, что члены его должны забыть о своихъ партійныхъ интересахъ и солидарно защищать дѣла, которыхъ требуетъ интересъ края и галицко-русскаго народа»...

Немало должно было поразить русскихъ галичанъ неожиданное выступленіе Юл. Романчука въ сеймѣ 25 ноября 1890 г., когда онъ, предсѣдатель русскаго клуба, безъ предупрежденія его членовъ провозгласилъ на собственную отвѣтственность слѣдующую программу (эту унію народовецкой партіи съ поляками 1890 г. назвали «новой эрой»): «Насъ считало правительство — говорилъ онъ въ сеймѣ — всегда элементомъ опаснымъ,—однихъ, яко руссофиловъ, другихъ, яко людей съ неясной программой, съ революційными и соціялистическими тенденціями. Между тѣмъ, я зазначаю, что мы— отдѣльный народъ отъ россійского и польского. Закѣмъ выработался нашъ языкъ, мы употребляли «россійскія» слова, вслѣдствіе чего сближился нашъ литературный языкъ къ «россійскому», а затѣмъ послѣдовало и сознаніе племенного единства (Наумовичъ, «Слово»). Но одна часть изъ нихъ осталась вѣрною программѣ 1848 г. Мы ни gente Rutheni, natione Poloni, ни gente Rutheni, natione Russi, но мы gente Rutheni, natione Rutheni.

Мы ищемъ въ Австріи лишь защиты и точки опоры, бо тая держава признала намъ нашія права, есть конституційной и даетъ обезпеченіе нашихъ правъ. Около 20 годовъ тому назадъ прочитано въ той палатѣ: «При Тебѣ стоимъ и хотимъ стоять» (Przy Tobie stoimy i stać chcemy). Тѣ слова повторяетъ всегда и Русь. Мы придерживаемся либеральныхъ возрѣній, но опираемся на духовенствѣ и селянствѣ, элементахъ консервативныхъ. Программа наша такая: 1) *Розвой своей народности, яко окремой среди иншихъ народовъ славянскихъ.* 2) *Греко-католическая вѣра, бо вяже (Русскихъ Галичанъ) съ свѣтомъ цивилизованномъ захода (запада) и водтягае ихъ такожъ подъ взглядомъ религійнымъ водъ народа россійского.* Отже программою есть: признаваніе самостойности своей народности и своего языка, вѣрность для австрійской династіи, вѣрность для греко-катол. церкви, умѣркованный либерализмъ. Всякое правительство въ виду такъ лояльного и своими найжизненнѣйшими интересами съ австрійскою династіею связанного народа должно такую программу поддерживати» [1]).

Детально и шире объяснилъ значеніе этой программы слѣдующій ораторъ о. Петръ Сѣчинскій.

«Малорусская нація, хотя подъ чужою фирмою, подставляла грудь въ защиту цивилизаціи и несла свѣчу культуры на Востокъ,

[1]) Stenograficzne sprawozdania Sejmu Kajowego 1890 str. 950—951.

имѣетъ будущность и старается достигнуть цѣли. Это отдѣльный отъ польскаго и россійскаго народъ, самостоятельный; онъ долженъ развиваться легальнымъ путемъ, но лишь въ Австріи, которая для него служитъ вторымъ отечествомъ. Вотъ оттуда та преданность наша и лояльность. Австрія ввела насъ въ европейскую цивилизацію. Возрождаясь сегодня, мы приспособляемся къ борьбѣ между Востокомъ и Западомъ и чѣмъ больше пріобрѣтемъ силъ въ Австріи, тѣмъ скорѣе за тою силой пойдутъ наши братья изъ-за кордона и рѣшимъ побѣду въ пользу Запада». «Когда вымерли тѣ, кто голосили: «Niema Rusi», озвались голоса, что мы одно съ Россіей. То ренегаты, какъ gente Ruthenus, natione Polonus, такъ и gente Ruthenus, natione Russus... (Браво!). Со стороны тѣхъ, которые искренно грѣютъ малорусскую идею, долженъ подняться протестъ противъ панрусскихъ стремленій... Если будемъ признавать опеку со стороны правительства, поддержку со стороны поляковъ, то въ непродолжительномъ времени перестанемъ бояться упыря панруссизма. Въ нынѣшнюю минуту рѣшается судьба народа. Мы беремъ odium на себя за наши энунціяціи, беремъ отвѣтственность передъ русскимъ народомъ и исторіею. Хотимъ видѣть въ Австріи центръ, къ которому стремилась бы каждая малорусская душа, здѣсь или въ Россіи. Нашъ народъ твердо привязанъ къ своей вѣрѣ и обряду, который соединяетъ насъ съ Римомъ. Но вы всетаки кричите, что «неправда, вы всѣ шизматики». Между тѣмъ, только немногочисленныя единицы изъ среды нашего духовенства колеблются въ своимъ католицизмѣ. Послѣднимъ мы однакожъ различаемся отъ «россіянъ» и кто лишь чувствуетъ себя малороссомъ, тотъ непремѣнно есть католикъ. Католицизмъ будетъ занимать важное мѣсто въ борьбѣ Запада съ Востокомъ, ибо панруссизма отъ православія не можно раздѣлить. Нѣкогдашнее православіе, а нынѣшнее цареславіе—то великое различіе. Штундизмъ на Украинѣ—вѣдь то протестъ малорусского генія противъ цареславія» [1]).

Финадомъ подкупленныхъ правительственныхъ пословъ была рѣчь митрополита Сил. Сембратовича. «...Мене возвано въ послѣдней минутѣ, согласенъ ли я съ тою программою. Взаимныя нашія польско-русскія отношенія должны быть искреннія, и мы всегда будемъ итти съ поляками. Заявляю, что я согласенъ вполнѣ, а кто не признаетъ той программы, для того нѣтъ мѣста въ нашей Галицкой Руси. Може де инде буде мавъ мѣстце, а не у насъ» [2]).

На вѣроломство въ рѣчи п. Романчука указалъ посолъ изъ старорусской партіи, Н. Антоневичъ. Онъ твердо объявилъ, что для такого заявленія не было полномочія отъ русскаго клуба, въ ко-

[1]) Sprav. Sejm. Kraj. 1890. II Seryi str. 987—989.
[2]) Stenogr. sprawozd.. str. 1057.

торомъ о такомъ заявленіи никто даже не упоминалъ. Все это дѣлалось за кулисами клуба и лишь издалека предостерегали ихъ: «Стережитесь, бо молодшіи ваши товарищи васъ продали».

Но такъ какъ послами изъ украйнофильской партіи было брошено въ сеймѣ подозрѣніе на партію старорусскую, что она не лояльна и клонится къ православію, то посолъ Антоневичъ заявилъ въ «Червоной Руси» (ч. 261. 1890), что программа его, какъ и клуба, гласитъ: 1) лояльность къ монарху и монархіи; 2) вѣрность нашей греко-католической церкви; 3) преданность нашему краю и галицко-русскому народу.

Какое положеніе заняли относительно этой программы правительство и польскіе послы? Очевидно, такое заявленіе группы Романчука имъ было очень на руку, ибо они увидѣли расколовшійся русскій клубъ, слышали изъ устъ самихъ русскихъ пословъ, что одна часть галицко-русскаго народа стремится къ Россіи и къ православію, что было орудіемъ для оправданія ихъ политики относительно галицко-русскаго народа; наконецъ, имъ являлся удобный случай воспитанія русскихъ галичанъ въ такомъ направленіи, на какое указывалъ ихъ историкъ Калинка. Здѣсь же увидѣли неожиданно, что вся программа созданія «отрубной души» была принята открыто одной партіей Галицкой Руси.

Отъ имени правительства отвѣтилъ намѣстникъ гр. Каз. Бадени: «Вы имѣете возможность *развивать русскую народность*, какъ таковую, въ *Австріи въ направленіи, согласномъ съ державною идеею*, на основаніи привязанности и вѣрности престолу и державѣ и на *принципахъ связи съ католическимъ міромъ и съ западною цивилизаціею*. Эти принципы должны не только всегда ясно выражаться, но ясно, искренно, съ доброю вѣрой практиковаться, и для того необходимо рѣшительно отрястись и освободиться отъ всего того, что, какъ вы сами констатировали, существуетъ, а развитію русской народности на чисто австрійской почвѣ препятствуетъ. *Слѣдуетъ бороться со всѣми, которые въ этомъ отношеніи допускаютъ нѣкоторыя противорѣчія или неясности*... Необходимы два пароля, именно привязанность къ династіи и державѣ, *и осужденіе и устраненіе изъ среды своей всего, что хотя бы только по виду тому не благопріятствовало;* съ другой стороны, *пароль согласія, единства и совмѣстнаго труда* (съ польскимъ народомъ). Эти два пароля пусть насъ соединяютъ подъ предводительствомъ князей русской церкви въ Галиціи, а такое направленіе обезпечитъ правительству задачи и обязанности, къ которымъ оно призвано» [1]).

---

[1]) Spr. Sten, Sejmu, str. 982—983.

Польскіе послы, принимавшіе участіе въ преніяхъ, съ удовольствіемъ констатировали, что русскіе увидѣли причину ихъ упадка въ самихъ себѣ. И вотъ 26 ноября 1890 г. Мадейскій заявилъ въ сеймѣ: «Программа (Романчука) открыла съ полной откровенностью причину, по которой отношенія между поляками и галицко-русскими политиками не могли уладиться. Было же время, въ которое, какъ многоуважаемый ораторъ сознаетъ, галицко-русское литературное движеніе обратилось къ россійскому языку за помощью, прильнуло къ нему и на основаніи языковаго единства стремилось къ національной россійской ассимиляціи. Это должно было отразиться также и на политической жизни галицко-русскихъ политиковъ. Въ этомъ историческомъ, теперь уже неоспоримомъ фактѣ заключается и причина, которая достаточно объясняетъ, почему поляки не могли никогда поддерживать такой галицко-русской политики, напротивъ должны были для пользы края и державы всегда ей сопротивляться, всегда быть готовы къ борьбѣ и будутъ съ ней бороться» [1]). (Аплодисменты).

Замѣчательны слова, произнесенныя Жигмонтомъ Козловскимъ, который такъ представлялъ себѣ отношеніе обѣихъ народностей въ Галиціи въ будущемъ.

«Положеніе Русиновъ и Поляковъ, сросшихся отъ вѣковъ на этой общей нашей землѣ, воображаю себѣ какъ дубъ о двухъ вѣтвяхъ. Отдѣльные сучки этого дерева могли быть повреждены отъ бурь и грозъ, которыя на него налетали, нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, даже отпали отъ тѣхъ вѣтвей, однакожъ послѣднія остались при своимъ стволѣ, а дубъ, какъ былъ соединенъ, такъ и есть соединенъ, и такъ долженъ остаться, и дастъ Богъ, на вѣки! Иной развязки малорусскаго вопроса я себѣ не воображаю. Мы выросли вмѣстѣ на этой землѣ, имѣемъ общую исторію, у насъ были общими прежнія правленія и судьбы наши общія и, какое бы ни предназначалъ намъ Богъ будущее, мы должны существовать вмѣстѣ» [2]).

Билинскій же затребовалъ какъ доказательства вѣрности словъ своихъ борьбу съ «отступниками», съ «gente Ruthenus, natione Moschus [3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 984.
[2]) Stenograficzne sprawozdanie Sejmu krajowego, стр. 1003.
[3]) Ibidem, стр. 1018.

Г. Послѣдствія «новой эры» для Галицкой Руси.

Удовлетворять нужды гал. русскаго населенія środkami skromnymi i takie wybierać, których stosowanie i wykonanie najwięcej może od naszego wpływu zależeć ..; nie wydawać ogólnych postanowień, tylko za każdym razem osobne rozporządzenie. To jest miara właściwa, potrzebna zarówno nam Polakom, jak i Państwu, do którego należymy».

St. Tarnowski: Sprawy ruskie (Przegl. Polski 1886. III. стр. 481).

1. Характеристика тактики поляковъ относительно русскихъ галичанъ. 2. Поляки преобразовываютъ школы въ духѣ «новой эры»: а) фонетика, ея иниціаторы и главная политическая цѣль, б) учебники для школъ народныхъ и гимназическіе. 3. Печальная перспектива будущности Галиціи въ концѣ XIX в. 4. Нравоученіе изъ «новой эры» для всѣхъ галицко-русскихъ партій.

Вся политика поляковъ въ конституціонной жизни Австро-венгерской имперіи была направлена такъ, чтобъ заклеймить галицко-русское населеніе предъ правительствомъ въ Вѣнѣ и даже самимъ императоромъ (гр. Аг. Голуховскій) и представить это населеніе какъ элементъ весьма опасный для державы, а съ другой стороны разбить солидарность галицко-русскаго общества и посредствомъ принципа «divide et impera» упрочить свое господство во всей Галиціи. Все это полякамъ удалось. Правительство, несмотря на преданность галицко-русскаго населенія въ тяжеломъ для Австріи 1848 г., предпочло ему поляковъ, и имъ отдало русское населеніе на воспитаніе, согласно съ государственной идеей.

Ставши хозяевами въ Галиціи, поляки воспользовались внутренней борьбой русскихъ галичанъ въ области литературной и изъ приверженцевъ «чисто народной мовы» создали политическую партію. Съ этой «народовецкой» партіей поляки входили въ соглашенія и компромиссы, обѣщали ей значительныя уступки, но при этомъ требовали отъ нихъ принять оскорбительную для каждаго галичанина программу. Послы народовецкіе исполнили требованіе поляковъ, провозгласили въ сеймѣ свою «отрубность» (отдѣльность) отъ «россійскаго» народа, назвали себя «gente Rutheni, natione Rutheni», обѣщали обратиться къ западной культурѣ и къ католицизму, даже, по внушенію поляковъ, открыто бросили на сеймѣ подозрѣніе на русско-народную (москалефильскую) партію въ государственной измѣнѣ и объявили ей совмѣстно съ поляками ожесточенную войну. Но увы! Когда это совершилось, поляки не сдержали своихъ обѣщаній и даже не думали отступить хотя бы въ малой долѣ отъ своего господства въ Восточной Галиціи. И эта тактика поляковъ относительно «народовецкихъ» пословъ не должна была быть для нихъ неожиданною, ибо еще за четыре года до «новой

эры» поляки открыто заявляли въ печати, какъ они смотрятъ на украйнофильское движеніе въ Галиціи и какъ будутъ относиться къ нему. Характерное и интересное заявленіе было написано гр. Ст. Тарновскимъ, профессоромъ Краковскаго университета и посломъ въ сеймѣ; оно есть вѣрный образчикъ тактики верховодящей польской шляхты въ Галиціи по отношенію къ «согласному съ идеей государственной» украйнофильскому движенію до настоящаго времени и заключаетъ въ себѣ взглядъ поляковъ на это движеніе въ Россіи съ политической точки зрѣнія. «Какой же путь простой и добрый?—спрашиваетъ гр. Ст. Тарновскій.—Простого и легкаго нѣтъ — но наилучшій тотъ, который указываетъ польскій интересъ и политическій смыслъ самосохраненія. Послѣдній-же говоритъ, что это (мало-русскій вопросъ) есть вопросъ религіозный, общественный и вмѣстѣ національный и во всѣхъ трехъ направленіяхъ выступаетъ противъ насъ ненавистно, въ виду чего является для насъ опаснымъ; не возможно сдѣлать такъ, чтобы его не было, но надо обращаться съ нимъ осмотрительно. Тѣмъ осмотрительнѣе, что Россія употребляетъ его противъ насъ и противу правительства, и противу нашей цивилизаціи, и противъ вѣры—а онъ отчасти даетъ возможность къ тому. Тотъ, кто былъ бы даже глубоко убѣжденъ, что въ коренной цѣльности русскаго колосса это — единственный наиболѣе сильный измѣнчивый элементъ, что чѣмъ этотъ измѣнчивый элементъ сильнѣе и сознательнѣе, тѣмъ тотъ (т. е. русскій колоссъ) слабѣе, что будучи расположенъ надъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, онъ вѣроятно сыграетъ въ будущемъ Россійскаго государства, въ паденіи этого колосса важную роль и—что для насъ крайне важно, онъ повидимому къ тому предназначенъ, — тотъ вѣдь не можетъ же ручаться и присягать, что это будущее будетъ такое, какъ ему кажется, и долженъ помнить, что это только нѣчто предвидимое, но никакъ не нѣчно вѣрное: что если этотъ элементъ обратится противъ Россіи, это еще не доказываетъ, что въ такомъ случаѣ онъ непремѣнно долженъ обратиться къ Польшѣ; если дурно желать горячо его паденія и препятствовать его упроченію, то опять-таки въ виду его опасности мы не должны способствовать его скорому и могучему развитію,—пусть онъ растетъ постепенно и естественно, но тѣмъ временемъ пускай крѣпнетъ и растетъ наша сила.... Движенія этого не надо ни останавливать ни поддерживать, но и новаго толчка не давать. Слѣдуетъ дѣлать, что надлежитъ (разумѣется по понятію Поляковъ) и что нужно, *но дѣлать, пользуясь средствами скромными и избирая такія, примѣненіе и исполненіе которыхъ можетъ наиболѣе зависѣть отъ нашего вліянія.* Гдѣ напримѣръ галицко-русское на-

селеніе въ большомъ городѣ не имѣетъ и требуетъ школы съ своимъ языкомъ, тамъ такую школу основать: но *не издавать общихъ постановленій, а каждый разъ особое предписаніе*... Это — соотвѣственная мѣра и нужна такъ полякамъ, какъ и государству, къ которому мы принадлежимъ» [1]).

Еслибъ «народовецкіе» послы обратили вниманіе на эти слова гр. Ст. Тарновскаго, то несомнѣнно не такъ скоро завязали бы съ Поляками компромиссы. Но унія была заключена и ея послѣдствія дали себя скоро сильно почувствовать. Русскій народъ въ Галиціи разбился на два враждебныхъ лагеря.

Творцу «новой эры», Юл. Романчуку члены русскаго сеймоваго клуба передали слѣдующее заявленіе: «Головною основою нашего клуба была та мысль, что члены его должны забыть о своемъ партійномъ становищѣ и солидарно подносить и защищать дѣла, которыхъ требуетъ интересъ края и нашего народа. Но такъ какъ Вы въ генеральной бюджетной дебатѣ отступили отъ принятого принципа и безъ вѣдомости клуба высказали програму, въ которой поднесли Вы только Вашія партійныя возрѣнія, а даже осмѣлились кинуть подозрѣніе на лояльность другой партіи, заявляемъ по тому поводу наше негодованіе и недовѣріе, взывая Васъ сложить предсѣдательство нашего клуба. Львовъ 26. н. ноября 1890. Подписали: Д-ръ Н. Антоневичъ, Кулачковскій, Герасимовичъ, Сѣрко, Барабашъ, Рожанковскій, Хороль, Гаморакъ» [2]).

Отсюда началась ожесточенная братская борьба, въ особенности съ русско-народной партіей; къ борющимся въ оппозиціи примкнула партія радикаловъ. Противникамъ ихъ пришлось переносить страшныя гоненія и преслѣдованія, ибо съ новоэристами сошлись для борьбы Поляки, правительство и самъ князь русской церкви, печальной памяти Сил. Сембратовичъ, который повсюду показывалъ примѣръ, какъ надо душить москалефильство среди русиновъ. Старорусская партія проявила много энергіи и силы; множество заявленій, протестовъ, корреспонденцій, занимавшихъ цѣлыя страницы «Червоной Руси», свидѣтельствуетъ, что эта партія поняла, какая опасность грозитъ галицко-русскому народу, и она была готова принять вызовъ къ борьбѣ на жизнь или смерть.

Правительство принялось за изданіе газеты «Народна часопись», которая выходила какъ приложеніе къ оффиціальной «Gazeta Lwowska» и которой «головною идеею (было) выробляти въ русскихъ кругахъ здорову и честну опінію, оперту *на щиромъ перенятію ся державною идеею австрійскою*, на преданности

[1]) St. Tarnowski: Sprawy ruskie. Przegląd Polski 1886. III. стр. 481—482.
[2]) Червоная Русь. 1890. ч. 263.

до Августѣйшой Династіи Цѣсарской, на *тѣсной вѣрности основамъ кат. церкви;* на *згодливыхъ и примирительныхъ успособленіяхъ* взглядомъ *обывателевъ* инчихъ *исповѣданій и народностей*» [1]).

Правительство поступало такъ съ галицко-русскимъ населеніемъ, потому что въ немъ будто была поколеблена лояльность къ династіи и его надо было возвратить съ «пути нечестивыхъ». Но наиболѣе негодовалъ честной митрополитъ. Онъ вмѣшивался въ дѣла русскихъ обществъ, какъ «Народный Домъ» во Львовѣ, даже принуждалъ отдѣльныхъ лицъ, какъ о. Мышковскаго, нынѣшняго профессора богословія во Львовскомъ ун—тѣ, обращаться къ своимъ національнымъ и языковымъ убѣжденіямъ; противъ «Червоной Руси», органа ѣтарорусской партіи, митрополитъ началъ крестовый походъ и, между прочимъ, издалъ въ «Львов. Епарх. Вѣдомостяхъ» 30 н. ст. декабря 1890 г. слѣдующій циркуляръ, который, какъ въ своимъ родѣ единственный куріозъ и свидѣтельство политики верховодителей галицкой церкви, заслуживаетъ того, чтобъ предать его здѣсь вѣчной памяти.

«Ч. 1063./орд. Зъ уваги, що Газета «Червоная Русь» въ послѣднихъ часахъ постоянно ворожо выступае противъ программы посла Романчука, отъ всѣхъ трехъ преосв. Ординарятовъ нашихъ одобреной и подписаной, и при томъ наводить бесѣды и заявленія особъ, до радикальной русской партіи належащихъ, которыхъ навожденe для нашего народа есть дуже соблазнительне—митр. Ординарятъ взываe и обовязуe всѣхъ Васъ (священниковъ), щобы газету сію отъ поединокихъ вѣрныхъ и изъ читалень по всей своей возможности устороняли, а то такъ долго, поки тая газета въ той способъ писати буде».

Митрополитъ принялся далѣе за то, чтобы привязать галицко-русскій народъ къ католицизму въ такой степени, чтобы, по его словамъ, «русскіе галичане были готовы идти за него даже на смерть». Митрополитъ всюду и громко заявлялъ свои католическія чувства. Въ 1891 г. собрался синодъ во Львовѣ и принялъ соотвѣтственныя распоряженія относительно сближенія восточнаго обряда съ римскимъ. Затѣмъ митрополитъ отбылъ на паломничество въ Римъ. Въ 1893 г. онъ съ перемышл. епископомъ Ю. Пелешемъ участвовалъ на польскомъ катол. съѣздѣ въ Краковѣ, гдѣ не обошлось безъ того, чтобъ онъ, митрополитъ, не заявилъ громко, какое значеніе имѣетъ католицизмъ въ будущности Галицкой Руси и вообще Востока.

...«Нарід польский сливе здавна привязанемъ до кат. церкви и вважае ее признакою и охороною своей національности. Рів-

[1]) Отзывъ старосты Плажка въ Зомчевѣ 20 декаб. 1890. (Черв. Русь 1890 г.).

ножь и руский нарід привязаний до кат. церкви і східного обряду, котрий зове руськимъ, дарма що велика часть рускаго народа відорвала ся від той связи и вступила на блудну дорогу... ...Знаменемъ добраго Русина есть привязане до свого обряду рускаго, освященного многими булями и декретами папскими и мы повинні ту спадщину заховати, бо есьмо тою галузию кат. церкви, котра ві дни свої роспростерти мае на схід після вищихъ слів Урбана VIII «O mei Ruthoni, per vos ego orientem convertendum spero». І мы живемо въ той солодкий надіі, що передо всѣмъ народъ укр.-руский мусить прийти до того переконаня, що *не въ схизмѣ,не въ штундѣ, не въ нигилизмѣ* его дочасне і вічне добро, *лише в кат. церкви* і въ обряді східнім. І такъ як індивідуальність национальну полякивъ хоронить кат. церква въ обряді латинскимъ, такъ *руску індивідуальність народну охоронити може лише кат. церква в обряді східнім*» [1]).

Всѣ эти подвиги митроп. С. Сембратовича, его стремленія въ наполненію обряда новаторскими церемоніями, введеніе имъ целибата, его жестокое отношеніе къ противнымъ ему убѣжденіямъ и т. д., вызывали среди галицко-русскаго общества крайнее огорченіе и окончились тѣмъ, что въ 1893 г. въ Вѣнѣ во время возвращенія митрополита изъ Рима акад. студенты забросали его яйцами при крикахъ: «Dem Verräther des ruthenischen Volkes».

И «сгода» съ поляками партіи Романчука такъ-же не могла долго поддерживаться, ибо оказалось, что поляки даже не считали нужнымъ обращать малѣйшее вниманіе на права русскаго народа въ Галиціи, что «сгода» послужила имъ лишь на пользу, позволила имъ укрѣпить свое исключительное положеніе въ Галиціи и расколоть русское общество. По провинціямъ все слышнѣе раздавался кличъ о томъ, чтобы скорѣе соединить разбитыя силы на защиту русскихъ правъ ко дню 16 ноября 1893 г., когда Романчукъ внесъ подписанную всѣми послами обширную жалобу, въ которой было отмѣчено великое множество фактовъ относительно пренебреженія правъ русскаго языка въ управленіи во время трехлѣтней «zgody» (1890—1893). «Zgoda» была разорвана, наступило не на долго соединеніе обѣихъ партій для обороны угнетеннаго галицко-русскаго простонародья.

Всетаки «новая зра» принесла, несмотря на недолгое существованіе уніи народовецкой партіи съ поляками, много вреда, такъ что послѣдствія ея и донынѣ угнетаютъ Галицкую Русь.

Въ сеймѣ впервые было брошено подозрѣніе на русско-народную партію въ государственной измѣнѣ, и сдѣлали это собратья,

[1]) Правда. 1893. Стр. 407—409. (t. XVIII).

русскіе галичане, а потому поляки нашли предлогъ не считаться съ голосомъ протеста этой партіи. Пользуясь объявленной программой народовецкихъ пословъ, поляки поспѣшно принялись за организацію всѣхъ галицко-русскихъ школъ въ духѣ, соотвѣтственномъ желаніямъ поляковъ и Австрійской имперіи. Первымъ послѣдствіемъ «новой эры» были смѣна русскаго правописанія и введеніе фонетики.

То, чего такъ настойчиво добивались австрійское правительство и поляки впродолженіе XIX в., т. е. чтобы ввести у русскихъ галичанъ азбуку, отличную отъ «россійской», и изъ-за чего разгорѣлась въ 1859 г. настоящая азбучная война, теперь, въ эпоху «новой эры» было выполнено весьма скоро. Выдвинутая правительствомъ и поляками на первый планъ «народовецкая» партія, чтобы доказать вѣрность своихъ словъ и программы, была готова принять азбуку, отличавшую народовцевъ отъ «россіянъ».

Конечно, правописаніе, которое русскіе галичане приняли въ 1848 г., не было идеально и требовало реформы, но реформа языка во время «новой эры» была встрѣчена всюду въ Галиціи, среди галицко-русскаго общества съ великимъ негодованіемъ.

Областной выдѣлъ первый началъ употреблять фонетическое правописаніе. Къ проведенію же проекта измѣненія правописанія явилось на помощь общество Шевченка, которое, какъ главный мотивъ къ введенію фонетики въ школы, признало, что «ученики обламучені в школі стались хиба приступними для вражих підигентів, що ось то наша правопись є зовсім та сама, якою пишуть вскрізь в Россіи. Питане правописне видвижене до питаня політичного, сталось у людей злой воли сильним оружіем супротивъ самостійности в розвою рускоі народности. В галицкій письменности різко зазначились два тадори: оден стоіть за единством язика руского и російского и дере в оборону теперішну правопись нашіх шкіл; другий намагае до самостійности розвою рускоі народности і узнае для тоі ціли лишь фонетичну правопись едино доброю» [1]).

Любопытно прошеніе Выдѣла областного о введеніе фонетики. «Краевый Выдѣлъ—читаемъ въ меморіалѣ его 16 іюля 1892 г.—позволяетъ себѣ обратить вниманіе Выс. ц. к. министерства на частыя жалобы русиновъ, что русскій переводъ «Вѣстника законовъ державныхъ», якъ также почти всѣ другіи, центральнымъ правительствомъ въ русскомъ языкѣ издаваемыи урядовыя распоряженія и публикаціи не составлены на чистомъ малорусскомъ языкѣ, но содержатъ смѣсь старославянскаго, цѣлыя столѣтія неупотребляемого, мертвого, и россійского языка, который для малорусского

[1]) Петръ Полянскій. Вопросъ о фонетикѣ. 51—52.

населенія Галичины такъ само чуждый, какъ ческій или сербскій языкъ. Между русинами возникло основательное неудовольствіе, такъ какъ они имѣютъ право требовать, дабы ихъ языкъ не обезображался смѣшаньемъ съ другими ему чуждыми языками,—напротивъ, *чтобъ въ интересѣ державы и края* чистота и достоинство ихъ языка охоронилися».

Меморіалъ оканчивается такъ: «Не только въ интересѣ малорусского народа и ему впрочемъ прислугующихъ правъ, но въ первой линіи *въ интересѣ монархіи*, который настойчиво требуетъ *очищенія малорусского языка отъ россійского вліянія*, выше представленное дѣло довести до свѣдѣнія Высокаго ц. к. Министерства и просить его о найскорѣйшее устраненіе доказанныхъ недостатковъ» [1]).

Фонетика, несмотря на отпоръ всенародного вѣча (митинга), созваннаго «Русскою Радою» 2 февраля 1892 г. во Львовѣ, и посланный въ министерство протестъ съ 50 тысячами подписей, была введена, начиная съ 1894 г., во всѣ школы и управленія.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе, какая разница между правописаніемъ этимологическо-фонетическимъ и нововведеннымъ фонетическимъ, приводимъ примѣръ того и другого:

Гейже братья, Галичане,	Гейже братья, Галичане,
Вже насталъ часъ и пора,	Вже настав час і пора
Щобъ на Руси небосклонѣ,	Щоб на Руси небосклонї
Засіяла намъ зоря.	Засіяла нам зоря.
Зоря правды и любови	Зоря правди і любови
Щобъ злучила всѣхъ сыновъ,	Щоб злучила всїх синів
Що родились въ русскомъ краю,	Що родились в рускім краю,
Где красуесь Галичъ, Львовъ.	Где красуесь Галич, Львів.
Мы Червоной Руси дѣти	Мы Червоной Руси дїти
Пятьсотъ лѣтъ стоимъ въ борьбѣ,	Пятьсоть лїт стоим в борьбі
У насъ нѣтъ друговъ—сусѣдей	У нас нїт другів—сусідей
Только Богъ и мы одни.	Тілько Бог і ми одні.
Мы еще не побѣдили,	Ми еще не побідили,
Но и врагъ не побѣдилъ,	Но і врагъ не побідив
Лише силы сполучѣмо	Лише сили сполучімо
А въ насъ много-много силъ.	А в нас много-много сил. и пр.

Дальнѣйшею заботой поляковъ было составленіе соотвѣтственныхъ учебниковъ для русскихъ школъ народныхъ и гимназій

[1]) Положеніе Галицкой Руси въ т. з. «Новой эрѣ», стр. 105—106.

Надо замѣтить, что школьные учебники получаютъ одобреніе отъ школьнаго областного совѣта (Rada Szkolna Krajowa) и что преподавателю нельзя учить иначе или болѣе, чѣмъ сколько напечатано въ школьныхъ учебникахъ. Въ учебникахъ для народныхъ школъ имѣются отдѣльные очерки изъ исторіи даннаго народа. Посмотримъ, какъ русскихъ дѣтей Галиціи обучаютъ ихъ исторіи. Въ учебникахъ народныхъ школъ п. з.: «Школа народна» (часть III и IV. Львовъ. 1905 г.) находятся слѣдующія статьи изъ

русской исторіи:

1) Первые русскіе князья.
2) Святая Ольга.
3) Св. Кириллъ и Меѳодій.
4) Какъ русскіе стали христіанами.
5) Ярославъ Мудрый.
6) Походъ Игоря на половцевъ.
7) Плачъ Ярославны.
8) Развитіе Кіева и его паденіе.
9) Перемышльскіе князя.
10) Романъ Мстиславичъ.
11) Молодой вѣкъ Даніила.
12) Скитъ Манявскій.
13) Русскій князь Левъ.
14) Паденіе самостоятельности В. Новгорода.
15) Князь Константинъ Острожскій.
16) Князь Василь Острожскій.
17) Св. Іосафатъ.
18) Петро Конашевичъ Сагайдачный.

польской исторіи:

1) Св. Войтѣхъ.
2) Владиславъ Локетокъ.
3) Король Казимиръ Великій.
4) Казимиръ В. на Руси.
5) Ягайло.
6) Завѣщаніе Королевы (Ятвига на унив. Ягайла).
7) Битва надъ Ворсклою.
8) Битва подъ Варною.
9) Съѣздъ трехъ монарховъ въ Вѣнѣ (1515).
10) Битва подъ Могачемъ.
11) Унія Люблиньская.
12) Станиславъ Жолкевскій.
13) Пригода Яна Собѣского на ловахъ.
14) Відсіч Відня від Турків. 1683.
15) Шведи у Львовѣ.

Прочіе же занимаются исторіей Австріи.

Бѣдные русскіе дѣти! Они знаютъ лишь о томъ, что русскіе стали христіанами, что были когда-то князья русскіе, что «з сумішки руских осадників з поганьскими финами витворився з часом окремішний нарід, відмінний від Русинів. Нарід сей звемо и доси Москалями або Россиянами» (III, стр. 120), что князь Левъ былъ послѣдній изъ русскихъ князей, а послѣ XIII в. нѣтъ уже никакого князя, никого больше, лишь вѣрные сыны Рѣчи Посполитой польской, какъ князь Константинъ Острожскій, котораго «ані ласка ані гнів царя не спонукали зломити віру Королеви і вітчині» (IV, 110), что былъ князь Василь Острожскій, «который

держався вірно короля и належав до тих, що в році 1569 г. в Люблині перші підписали основну унію земель руских з короною польскою. Він був чоловіком дуже мудрим и просьвіщенним, був щирим Русином і хотів в землях руских росширити *таку просьвіту, яка була в Польщі і в західних Краях Европи*» (IV, 129), что, наконецъ, былъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, «котрий нераз ставав в приголі Королеви Жидимонтови III. Коли лишь король або его син Володислав потребували підмоги (помощи), зараз на іх зазив являвся Сагайдачний з козацкими полками (IV, стр. 160)». И конецъ исторіи русской!

О Хмѣльницкомъ ни слуху, ни духу, ибо понятно, онъ бунтовщикъ. О борьбѣ за православную вѣру такъ же ни слова; счастье и добро процвѣтало для русскаго народа лишь во время польскаго владѣнія: зато умъ сельской русской дѣтворы наполняется множествомъ фактовъ изъ польской исторіи, о св. Войтѣхѣ, Владиславѣ Локеткѣ, Казимирѣ Великомъ, Янѣ Собескомъ, Станиславѣ Жолкевскомъ, о славныхъ битвахъ подъ Варною (1444), Могачемъ (1526), объ освобожденіи Вѣны отъ Турокъ (1683) и о всякихъ съѣздахъ польскихъ королей съ австрійскими монархами, чтобы доказать русскимъ дѣтямъ могущество поляковъ и оправдать ихъ господство въ Галиціи.

Въ учебникахъ по исторіи и малорусской литературѣ, составленныхъ для русскихъ гимназій, почти все мѣсто посвящается преимущественно польской исторіи и теоріи объ «отрубности» и отдѣльности малороссовъ отъ «Россіянъ». Вспомнимъ, что учебникъ малорусской исторіи I. Матіева передѣланъ изъ польскаго учебника A. Левицкаго: Zarys historyi Polski i krajów ruskich z nią połączonych». Есть такой же учебникъ малорусской литературы Ал. Барвиньскаго. Авторъ чуть не на каждой страницѣ нападаетъ на «ненасытную московщину». Замѣчательна рецензія этой книги, написанная покойнымъ Мих. Драгомановымъ въ «Народѣ» 1894 г. № 9, стр. 127. «Оброблена (учебная книга Барвиньскаго) *слабо, поверховно, тенденційно*, а часто і зовсім омильно (ошибочно). Авторъ видимо, мало робивъ студій по джерелам, а брав матеріял з других або з третіх рук, а при том з малою критикою і з *пристрастною тенденційностью*—такъ, що трохи не на кожнім ступню паде в омилки». Вотъ какою духовной пищею кормятъ галицко-руссую молодежь Галиціи уже много лѣтъ.

Тяжелое чувство должно было охватить галицко-русское общество, когда оно въ концѣ XIX в. и наканунѣ XX в. сдѣлало подсчетъ книги народнаго имущества, когда оно всмотрѣлось въ бѣдственное состояніе своего народа и сравнило свои сили съ силами польскаго населенія Галиціи. Лишь въ одномъ оно почти по-

равнялось съ поляками, а именно въ количествѣ населенія. По переписи 1900 г. русскихъ галичанъ въ цѣлой Галиціи было 3.074.000, а поляковъ, за исключеніемъ 800.000 евреевъ, 3.188,000.

Но несмотря на почти равное число населенія польскаго и русскаго, несмотря на конституцію, которая признаетъ за всѣми народностями право пользоваться опекой государства, и на равноправность,—въ Галиціи хозяйничаютъ и господствуютъ лишь поляки, а русскіе ихъ работники.

На всей площади Галиціи слышенъ только польскій языкъ и въ управленіяхъ, и въ школахъ, и въ городахъ, и даже въ деревняхъ, гдѣ обучаютъ русскихъ дѣтей польской грамотѣ. Русскій языкъ составляетъ лишь предметъ поруганія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ множество и притомъ напрасныхъ жалобъ русскихъ пословъ въ сеймѣ и парламентѣ относительно пренебреженія правъ русскаго языка.

Въ польскихъ рукахъ находится 30 гимназій и 7 реальныхъ училищъ; у русскихъ галичанъ лишь 4 гимназіи (въ томъ числѣ одна неполная). Свыше 1700 русскихъ учениковъ принуждены учиться въ польскихъ гимназіяхъ. Правда, правительство основываетъ новыя гимназіи и, казалось бы, и русскіе галичане вправѣ требовать отъ него учрежденія новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, закономъ отъ 22 іюня 1867 г. (§ 7, который поляки выхлопотали въ свою пользу) введеніе на будущее время русскаго преподавательскаго языка въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи (въ гимназіи или реальномъ училищѣ) или основаніе такого средняго учебнаго заведенія съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ можетъ состояться только по особому постановленію галицкаго сейма, которому еще долженъ предшествовать благопріятный отзывъ мѣстной «повѣтовой рады» (уѣздной земской управы). Иначе сказать, учрежденіе русскихъ гимназій и реальныхъ школъ зависѣло отъ доброй воли польскаго сейма, на которую, какъ показала «новая эра», нельзя было разсчитывать.

Затѣмъ, у поляковъ имѣется политехника и два университета (въ Краковѣ и Львовѣ); у русскихъ всего 6 каѳедръ.

Въ польскихъ рукахъ и сеймъ (на 153 депутата лишь 11 русскихъ представителей, между которыми 4 правительственныхъ ставленника), который, какъ увидимъ, опредѣляетъ пособія изъ областныхъ фондовъ на польскія просвѣтительныя цѣли и приходитъ на помощь лишь польской культурѣ.

На 78 депутатовъ изъ Галиціи въ парламентѣ Галицкая Русь имѣетъ всего 7 съ 2 правительственными ставленниками. Всякое стремленіе русскихъ Галичанъ увеличить число своихъ депутатовъ оставалось безъ результата, такъ какъ встрѣчало сильное противо-

дѣйствіе со стороны польскихъ властей, выборныя злоупотребленія которыхъ, кончившіяся въ 1897 г. смертью нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ, извѣстны всему міру.

Намѣстникъ Галиціи—полякъ, маршалъ областного сейма—полякъ, всѣ высшіе чиновные посты заняты поляками, такъ что имѣя фактически въ своихъ рукахъ власть, поляки могутъ дѣлать въ Галиціи все, что имъ угодно. Кромѣ того, созданъ особый постъ министра для Галиціи, который занимаетъ конечно также полякъ. Онъ проживаетъ въ Вѣнѣ и стоитъ на стражѣ польскихъ интересовъ и польскаго господства въ Галиціи.

На аренѣ жизни Галиціи всего яснѣе и грознѣе выступаетъ обѣднѣніе русскаго крестьянства, которое охватываетъ эмиграціонная лихорадка, чтобъ въ чуждыхъ странахъ за океаномъ, въ Америкѣ и Бразиліи, найти ему средства къ жизни.

Мечты «народовецкой» партіи добиться соотвѣтственныхъ правъ для галицко-русскаго населенія посредствомъ уніи («zgody») съ поляками оказались безуспѣшными. «Новая эра» не только не принесла русскимъ галичанамъ ни малѣйшей пользы, но еще болѣе, какъ мы видѣли, закрѣпостила ихъ подъ власть воинствующей Польши.

Выступленіемъ на путь борьбы за народныя права открыла свою дѣятельность съ самаго начала конституціонной жизни въ Австріи въ 1866 г. русско-народная партія (москалефильская). Теперь, во время новой эры, приступила къ дѣлу народовецкая партія. Она послѣ нѣкотораго отдыха отъ ударовъ, нанесенныхъ ей во время «zgody» — (уніи 1890 г.), сформировала въ 1899 г. свои боевыя силы и, претворившись въ «національно-демократическую» партію, наканунѣ XX в. принялась съ жаромъ за борьбу, непрестанно продолжавшуюся затѣмъ до нынѣ. И къ этой борьбѣ надо было приступать скорѣе, такъ какъ сверхъ старо-польской шляхетской партіи теперь выступила на политическую арену еще новая вшехпольская «демократично-народовая» партія, обнимающая теперь самые широкіе круги польскаго общества, такъ что она теперь является главной выразительницей польскихъ воззрѣній въ Галиціи. Эта послѣдняя партія объявила русскому населенію войну на жизнь и смерть.

Печатными органами этой партіи являются: 1) «Słowo polskie» (число подписчиковъ около 14 тысячъ,—число небывалое), основанное въ 1896 г. Въ мартѣ 1902 г. купили его эмигранты изъ Варшавы. 2) «Przegląd Wszechpolski», ежемѣсячникъ, основанный въ 1895 г., выходитъ съ 1902 г. въ Краковѣ; для сельскаго населенія издается газета «Polak». Политическая цѣль этой партіи: создать и воскресить польскую державу, которая—какъ говорится

въ Przeglądzie Wszechpolskim—должна распространяться отъ Одры до Днѣпра и отъ Балтійскаго моря не только до Карпатъ, но даже до Чернаго моря. «На сей *польской землѣ отъ Одры до Днѣпра, отъ Балтійскаго моря до Карпатъ и Чернаго моря* ни для кого нѣтъ мѣста, кромѣ насъ. Мы или они; но мы побѣдимъ, мы приведемъ на память нѣмцамъ и москалямъ Грюнвальдъ и Клушинъ: наши дѣти дождутся въ семъ новомъ вѣкѣ такой минуты, когда увидятъ московскихъ царей, ведомыхъ на цѣпяхъ въ Варшаву, увидятъ прусскихъ королей, бьющихъ покорно челомъ передъ величіемъ польской Рѣчи Посполитой» [1]).

Галичина должна не только представлять цѣлую Польшу, не только думать и дѣйствовать за нее политически, по крайней мѣрѣ въ извѣстной области, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ своихъ силъ образовать искуственный суррогатъ польской государственности. Въ радикальныхъ варшавскихъ кругахъ часто говорятъ съ насмѣшками и съ возмущеніемъ о польскихъ министрахъ, полицейскихъ и жандармахъ. Однако, говоря серіозно, мы обязаны здѣсь въ Галичинѣ образовать цѣлый аппаратъ польской государственности, начиная съ министровъ и кончая жандармами и финансовыми стражниками. И именно худо, что мы слишкомъ мало объ этомъ думаемъ и еще меньше для этой цѣли сознательно дѣйствуемъ, что не имѣемъ польскаго правительства въ Галичинѣ, хотя на него жалуются русины и радикалы» [2]).

Создать изъ Галиціи польскій Пьемонтъ съ польскимъ правительствомъ—вотъ главная программа этой партіи. А сдѣлаться это могло бы посредствомъ выдѣленія Галиціи и приведенія ея въ такое отношеніе къ Австріи, въ какомъ находится Венгрія, съ особымъ сеймомъ, министрами, президентомъ министровъ, на широкой автономической почвѣ.

Мысль выдѣленія Галиціи изъ Австріи очень стара и имѣетъ уже свою исторію. Она была и есть, какъ говоритъ Студницкій [3])—«однимъ изъ проявленій *стремленія къ независимости Польши*».

Еще въ 1868 г. Францъ Смолка заявилъ въ сеймѣ о выдѣленіи Галиціи. «Принимая во вниманіе, что Королевству Галиціи и Лодомеріи съ Вел. Княжествомъ Краковскимъ можетъ быть соотвѣтственнымъ только такое самоуправленіе и такая государственная связь съ монархіей, какія существуютъ для Угорскаго Королевства, поскольку Королевству Галиціи и Лодомеріи съ Великимъ Княжествомъ Краковскимъ, какъ составной части бывшей Рѣчи посполитой, этой великой историко-политической индивидуальности,

---

[1]) Polak. 1901, № 1.
[2]) Przegl. Wszechp. 1902, n. 4.
[3]) Wł. Studnicki. Wyodrąbnienie Galicyi. 1901 r., стр. 3.

которая въ продолженіе тысячи лѣтъ исполняла и исполняетъ еще великую миссію въ исторіи Европы, и хоть вычеркнутая изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, живетъ въ средѣ народовъ полной жизнью, и какъ присоединенная позже другихъ къ австрійскому государству наиподнѣе подверглась процессу унификаціи,— которая притомъ опирается на свои національныя права, не подлежащія дѣйствію никакой давности, на основаніи своихъ традицій и теперешнихъ своихъ особенныхъ внутреннихъ условій, такимъ образомъ на основаніи этой своей выдающейся политико-исторической и національной отдѣльности, отъ которой нашъ народъ никогда не отказывался, а утвержденія которой напротивъ требовалъ при каждомъ случаѣ болѣе чѣмъ какой-нибудь край, принадлежащій въ монархіи,—этой области, повторяемъ, принадлежитъ неоспоримое право требовать отдѣльнаго, самостоятельнаго положенія въ государственномъ составѣ монархіи» [1]).

Заявленіе это принято сеймомъ и въ 1868 г. вышли такъ называемыя сеймовыя резолюціи, требованіе полной автономіи Галиціи. Въ 1879 г. нѣмецкая партія предлагала полякамъ выдѣленіе Галиціи, но тогда они отклонили этотъ проектъ, желая удержать и въ будущемъ свое вліяніе на политику Австрійской имперіи.

Въ 1895 г. та же мысль снова была поднята въ Галиціи Смолкою и Ѳад. Рутовскимъ подъ флагомъ «uprzytysłowienia Galicyi», а въ XX в. за этотъ аргументъ ухватилась партія вшехпольская, чтобъ создать изъ Галиціи польскій Піемонтъ. Когда въ 1905 г. появился правительственный проектъ выборной реформы въ Держ. Думѣ относительно прямого, тайнаго и равнаго права голосованія, поляки, увидѣвъ, что перемѣна выборнаго закона нѣсколько укрѣпитъ русскій элементъ въ Галиціи, подняли широкую агитацію относительно выдѣленія Галиціи. Въ мартѣ 1906 г. коло польское голосовало въ пользу заявленія вшехнѣмцевъ Штейна и Шенерера о выдѣленіи Галиціи. О томъ, каково было бы тогда житье-бытье русскихъ галичанъ подъ польскимъ правительствомъ, говорятъ сами поляки [2]). «Русское народное движеніе (въ Галичинѣ) во всѣхъ своихъ видахъ и теченіяхъ направлено непосредственно противъ польскаго преобладанія и подрываетъ его. Польская политика не должна и не можетъ стремиться къ обезличенію русиновъ, но развитіе отдѣльной русской народности, по необходимости, ограничиваетъ польское владычество. Наша задача состоитъ въ томъ, *чтобы сохранить польское* владычество. Насъ не должно касаться то, понравится ли это русинамъ или нѣтъ. Единственнымъ указаніемъ долженъ служить намъ нашъ національный интересъ. Въ нашей по-

[1]) Wł. Studnicki: Wyodrębnienie Galicyi, стр. 11.
[2]) Przegl. Wszechp. 1902, n. 4.

литикѣ мы не должны обращать вниманія на національныя стремленія русиновъ» «Русины [1]), желающіе учреждать учебныя заведенія высшаго типа съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ въ краѣ, гдѣ высшія формы жизни образуетъ польское неселеніе, основывая ихъ и стремясь тѣмъ самимъ лишить польское населеніе нужныхъ ему школъ, ибо финансовыя средства края на школьныя нужды строго ограничены, — вовсе не такъ далеки въ существѣ своего взгляда на школу отъ москалей, навязывающихъ польскому населенію россійскую школу... Ошибочно было бы покупать союзниковъ и спокойствіе уступками; мадьяры не дѣлали уступокъ и не имѣютъ русскаго вопроса; польская колонизація въ Восточной Галичинѣ должна идти впередъ». Этой программы, начертанной въ органѣ вшехпольскаго «Przegląda» придерживается цѣлая фракція галицкихъ поляковъ, а «Słowo polskie» [2]) откровенно заявляетъ: «поляки не потерпятъ правового политическаго равенства между поляками и руссинами въ Галичинѣ, *такъ какъ для Руси въ упомянутомъ значеніи здѣсь нѣтъ мѣста: здѣсь есть только Польша, а точнѣе часть* Польши, къ которой принадлежатъ земли, заселенныя преимущественно нашимъ народомъ».

Совершенно естественно, что въ такомъ состояніи, среди такихъ обстоятельствъ, угрожающихъ, при выдѣленіи Галиціи, галицко-русскому народу политическою и національною смертью, надо было лишь бороться всѣми силами, такъ какъ всѣ компромиссы уніи показали наглядно, что никакая русская партія въ Галиціи не будетъ въ состояніи добиться правъ русскаго народа мирнымъ путемъ, что это можетъ сдѣлать только неусыпная работа надъ просвѣщеніемъ народа и укрѣпленіемъ его силъ, и затѣмъ тяжелая, полная жертвъ борьба! Такую борьбу вела русско-народная партія уже съ 1866 г., но какъ я замѣтилъ, она не могла успѣшно добиться правъ для своего народа; ей вредила въ этомъ дѣлѣ народовецкая партія, которая долгое время колебалась то въ одну, то въ другую сторону, заключая отъ времени до времени союзъ съ поляками не въ цѣляхъ защиты правъ своего народа (она ихъ отъ поляковъ не получила), а противъ... «москалефильской» партіи. Когда народовецкая партія въ 1899 г. рѣшила бороться, только чтобъ не дать погибнуть галицко-русскому населенію, и объявила свою программу,—въ Галиціи все зашевелилось: всѣ партіи согласовали свои программы и принципы, во имя которыхъ будутъ дѣйствовать. Галицкая Русь пережила рѣшительную минуту. Всѣ партіи, не смотря на различіе ихъ убѣжденій и

[1]) Przegl. Wszechp. 1902. n. 3.
[2]) Słowo pol. 1903. n 82.

принциповъ, рѣшили вести совмѣстную борьбу. Боевой кличъ громко раздался по всей Руси.

«Братья Русины!—гласило воззваніе отъ 5 января н. ст. 1900 г. «народовецкой» партіи, соединенной съ умѣренными представителями радикальной партіи (въ такъ называемую «національную демократичную» партію)—зъ нашого неводраднаго положенія не выдобуде насъ нѣхто, жадна ласка, жадна концесія, только власна праця. Мы мусимо въ собѣ самихъ выробити силу, розбудити рухъ у найширшихъ массахъ народа, вытворити свѣдомость нашихъ національныхъ и громадскихъ интересовъ... Якажь се мусить бути праця, що мае вывести насъ изъ дотеперѣшного положенія? Се праця кодо нашого освѣдомленія, праця программова» [1]).

Программа дѣятельности въ XX в. была у всѣхъ галицко-русскихъ партій, несмотря на ихъ партійные убѣжденія и взгляды, почти одна и та же. Хотя русскія партіи въ Галиціи расходились въ своихъ идеяхъ и стремленіяхъ относительно далекой будущности ихъ родины, однако была у нихъ одна общая идея въ области реальнаго труда, а именно вполнѣ демократическій характеръ стремленій партій и борьба за улучшеніе печальной доли галицко-русскаго крестьянства и укрѣпленіе русскаго элемента въ Галиціи.

Требованія всѣхъ партій почти одинаковыя [2]).

I. Въ политическомъ отношеніи:

Образованіе изъ частей Галиціи и Буковины, заселенныхъ русскимъ народомъ, отдѣльной національной области съ отдѣльною администраціею и отдѣльнымъ сеймомъ. Такъ какъ такая цѣль можетъ быть достигнута только въ случаѣ переустройства Австріи на началахъ автономіи національностей, то, пока что, русское населеніе Галиціи возобновляетъ свое требованіе:

1) раздѣла Галиціи на русскую и польскую часть съ раздѣленіемъ всѣхъ административныхъ властей и учрежденій;

2) введенія для русской части края мѣстнаго русскаго языка во внутренней и внѣшней службѣ всѣхъ вѣдомствъ;

3) введенія прямого, тайнаго и всеобщаго голосованія въ парламентъ и сеймъ, какъ также въ повѣтовыя и громадскія рады съ устраненіемъ избирательныхъ курій и круговъ.

II. Въ вопросахъ вѣры и знанія:

А. Относительно церкви.

1) обезпеченіе свободы церкви въ томъ направленіи, чтобы политическія власти не вмѣшивались въ дѣла ея обряда и не употребляли ее для политическихъ цѣлей;

---

[1]) Дѣло. 1899 г. № 288.

[2]) Сравни Программу «національно-демокр.» партіи (напечат. въ «Дѣло». 1889 г. н. 281) съ программой русско-народной партіи (напеч. въ «Галичанинѣ». 1900 г., 112).

2) устраненіе вліянія иновѣрцевъ и иноплеменниковъ на назначеніе церковныхъ служащихъ;

3) устраненіе патроната при замѣщеніи приходовъ.

B. Относительно школы.

Здѣсь возникаетъ разница между партіями; русско-народная партія требуетъ:

1) Полной свободы и возможности развитія своей родной культуры на основаніи національнаго и культурнаго единства всего русскаго народа и съ помощью тѣхъ плодовъ тысячелѣтней работы всего русскаго народа, которыхъ выраженіемъ является общерусскій языкъ и общерусская литература;

2) Принимая, однако, во вниманіе принадлежность русскаго населенія Галичины къ малорусскому племени русскаго народа, а также мѣстныя условія, русское населеніе Галичины требуетъ:

а) во всѣхъ мѣстностяхъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ — народныхъ школъ съ галицко-русскимъ преподавательскимъ языкомъ;

б) учрежденія такого числа среднихъ школъ и учительскихъ семинарій съ галицко-русскимъ преподавательскимъ языкомъ, которое бы отвѣчало численности и просвѣтительнымъ потребностямъ русскаго населенія Галичины;

в) (русско-нар. партія) учрежденія въ львовскомъ унив-тѣ и въ львовской политехнической школѣ каѳедръ общерусскаго языка и общерусской литературы (украинская партія требуетъ украинскаго университета);

г) введенія во всѣ среднія, промышленныя и спеціальныя школы русской части Галичины обязательнаго преподаванія общерусскаго языка (украинофильская же требуетъ исключительно «украинскаго» языка).

III. Въ экономическомъ отношеніи:

а) Дѣятельной помощи государства и края для поднятія земледѣлія, скотоводства и домашнихъ промысловъ;

б) учрежденія дешеваго ипотечнаго кредита;

в) огосударствленія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, производства и продажи нефти, угля, спичекъ; аптекъ и водки;

г) огосударствленія всѣхъ родовъ страхованія;

д) введенія прогрессивнаго налога на доходы;

3) введенія биржевого налога и прогрессивнаго налога на наслѣдства и дарственные акты.

Вотъ въ подробностяхъ программа, которую Галицкая Русь во всѣхъ ея партіяхъ рѣшила выполнить и которую поставила себѣ

какъ ближайшій идеалъ облагодѣтельствованія и поднятія своего народа изъ бѣдственнаго состоянія.

«Зъ поляками—гласитъ «Водозва» народнаго Комітета—не може у насъ настати згода и мирна праця для высокихъ культурныхъ цѣлій доти, доки они силуються удержати свою гегемонію надъ нами и польщити нашъ народъ. Тымъ то мы мусимо боротися рѣшучо и энергично зо всѣми польскими партіями, котри изпротивляються нашимъ змаганямъ до самостойного національного житя».

Наканунѣ XX в. на территоріи Восточной русской Галиціи встрѣтились два противоположныхъ теченія: съ одной стороны стала вся Галицкая Русь въ сформированныхъ фалангахъ и съ предначертанной программой для борьбы за свои народныя права; съ другой стороны, подъ вліяніемъ вшехпольской партіи, зашевелилось все польское общество и загремѣло въ одинъ общій голосъ: «bronić stanu posiadania», «wschodnich kresów». И галицкая Полонія почувствовала необыкновенную силу и энтузіазмъ въ борьбѣ съ слабымъ галицко-русскимъ населеніемъ. Закипѣла борьба, которая ведется съ такой неугасимой злобой и враждой, что русско-польская борьба въ Галиціи заглушила стоны бѣдныхъ братій славянъ — поляковъ подъ прусскимъ правленіемъ.

Борьба началась за львовскій университетъ и станиславовскую гимназію.

III.

Борьба русскихъ галичанъ съ поляками за свое существованіе (1900 — 1906).

Не чужого мы бажаемо
А своегожъ то права!
«Отозва русской молодежи къ польской» 1901 года.

1. Борьба за школы: университетъ и гимназію. 2. Стачка русскихъ крестьянъ 1902 г. 3. Борьба за политическія права. 4. Характеръ этой борьбы. 5. Послѣдствія ея: колонизація Восточной русской Галиціи и подъемъ національнаго самосознанія у русскихъ галичанъ.

Борьба за университетъ.

Первымъ событіемъ, которое глубоко потрясло Галицкую Русь въ началѣ XX в. былъ университетскій вопросъ. Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. имп. Іосифомъ II, который хотѣлъ, такимъ образомъ, дать удовлетвореніе нуждамъ галицко-русскаго населенія въ Восточной Галиціи. До 1870 г. онъ имѣлъ нѣмецкій характеръ, но изъ распоряженій правительства 1848 г. и 1860 г. явствуетъ, что нѣмецкій преподавательскій языкъ былъ здѣсь только временнымъ и что университетъ въ ближайшемъ будущемъ имѣлъ преобразоваться въ русскій. Съ этой цѣлью въ 1848—9 гг. были учреждены каѳедры: малорусскаго языка и литературы на философскомъ и пастырскаго богословія на богословскомъ факультетахъ. Но правительство даннаго имъ обѣщанія по обыкновенію не исполнило. Съ 1866 г. при конституціонной жизни Австро-Венгріи поляки захватили власть въ Галиціи и значительное вліяніе на политику правительства, которое, уступая ихъ требованіямъ, отдало львовскій университетъ въ ихъ руки. Правда, императорскій рескриптъ 1871 г., отмѣняя преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, заявилъ, что въ университетъ на будущее время должны допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ областныхъ языковъ (Landesprache), т. е. малорусскимъ или польскимъ.

Рескриптъ этотъ однакожъ рѣшалъ университетскій вопросъ въ пользу поляковъ, ибо они были сильнѣйшею народностью, имѣли власть въ краѣ, и, что особенно важно, за научными силами обратились въ Познань и въ Россію, такъ что впродолженіе трехъ лѣтъ университетъ получилъ польскій характеръ, который удержалъ до нынѣ, вслѣдствіе широкой университетской автономіи (недопускающей русскихъ кандидатовъ къ профессурѣ) [1]), и сильной поддержки «Кола польскаго» и министровъ для Галиціи.

Русскіе получили только слѣдующія каѳедры:

На философскомъ факультетѣ:

1) каѳедра малорусскаго языка съ 1849 года,
2) » вторая каѳедра малорусскаго языка съ присоединеніемъ церковно-славянскаго языка и церковной литературы, съ 1899 года,
3) каѳедра всеобщей исторіи съ 1894 года.

На юридическомъ факультетѣ:

4) каѳедра гражданскаго права,
5) » уголовнаго права и процесса (1840—1860).

На богословскомъ:

6) каѳедра пастырскаго богословія.

Въ силу рѣшенія отъ 27 апрѣля 1879 г. былъ введенъ въ университетъ польскій офиціальный языкъ, но равноправіе малорусскаго языка еще было сохранено.

Въ началѣ школьнаго зимняго семестра 1901—2 гг. деканъ богословскаго факультета Кз. Фіалекъ не принялъ индексовъ богослововъ, писанныхъ по-русски, а нѣсколько позже академическій сенатъ отклонилъ прошенія русскихъ студентовъ объ освобожденіи ихъ отъ гонорара писанныя по-русски. 19 ноября 1901 г. произошло бурное собраніе русскихъ студентовъ въ университетѣ, послѣ чего было прекращено преподаваніе. Къ несчастью, унив. власти не сумѣли дѣйствовать успокоительно, но держали себя прямо вызывающе. Ректоратъ издалъ 30 ноября н. ст. отзывъ, въ которомъ въ обращеніи къ русской молодежи сказано: «wstrętne bezprawia i objawy dzikości». Обиженная русская молодежь рѣшила оставить львовскій университетъ и переселиться въ другіе австрійскіе университеты, а именно въ Прагу, Вѣну и Краковъ, и это сдѣлала солидарно безъ различія партійныхъ убѣжденій. Къ украинскимъ студентамъ присоединилась и русская молодежъ, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что «основаніе университета и съ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ является громаднымъ ша-

[1]) Вопросъ университетскій разъясняетъ проф. Грушевскій: «Къ польско-украинскимъ отношеніямъ въ Галиціи». Кіевъ. 1905.

гомъ впередъ въ развитіи Прикарпатской Руси». Какъ только возникла эта борьба за университетъ, молодежь 20 ноября 1901 г. издала «отзывъ къ польской молодежи», въ которомъ объяснено отношеніе русской молодежи къ польской, что она ведетъ борьбу за свои права не съ польскимъ обществомъ, но съ университетскими властями и съ правительствомъ.

...«Уже не австрійскою конституціею,—было тамъ сказано—але зачальнымъ людскимъ природнымъ правомъ належиться всякому народу, отже и намъ русинамъ, таке саме право на житье и развитокъ власной культуры, якъ и иншимъ народамъ.

Товарищи! Чужого не бажаемо, але и свого права готови мы добиватися до краю (крайности)! Респектуемо всѣ ваши культурны здобутки и права, але противъ національной загибели боротися будемъ до загину!

Коли мы ся рѣшили на рѣшучо, хочби и жертвами застеленую дорогу безоглядной борьбы, коли мы провоковани сенатомъ, якъ и поодинокими профессорами, постановили боротися водъ насилія, то тимъ цѣлкомъ не думаемо *выступати проти Польской*, яко такой, *отже и не проти васъ*, товарищи, *яко поляковъ*. Не зъ вами боремося, а зъ тыми, що насъ гнетуть.

Ще разъ кличемо:

Не чужого мы бажаемо,
А свогожь то права!» [1]).

Какъ же отнеслась польская молодежь къ этимъ требованіямъ русскихъ студентовъ? Къ сожалѣнію лишь студенты евреи («Ognisko») и польскіе изъ Леобенъ (!) стали къ нимъ въ вѣжливыя отношенія, всѣ же остальные польскіе студенты рѣшили вести борьбу. «Czytelnia Akademicka», въ которой группируются польскіе студенты, въ особенности изъ вшехпольской партіи, издали манифестъ, въ которомъ заявлено, что требованіе русскаго университета во Львовѣ есть лишь фикція, а русская университетская молодежь стремится собственно къ введенію двуязычія во львовскомъ польскомъ университетѣ. «На это—заявляютъ авторы манифеста—мы не согласны, ибо не можемъ допустить. Польскій университетъ во Львовѣ есть тяжко заработаннымъ пріобрѣтеніямъ польской культуры и одною изъ стражницъ той культуры. Того доробка не позволимъ захватить. Принципъ такой утраквизаціи университета—то не принципъ толеранціи и равноправности, то принципъ *алчности и захвата*. Принципъ утраквизаціи польскаго университета во Львовѣ откидаемъ безъусловно и разъ на всегда. Польская университетская молодежь» [2]).

[1]) Лит.-наук. Вістник. 1901 г. (Справа укр. русского универ. у Львовѣ).
[2]) Галич. 1901, п 262.

Что польская молодежь рѣшила силой стать на защиту университета—это видно и изъ рѣшеній «Czytelni Akademickoj» отъ 22—XI. 1901 г., гдѣ сказано: «(3) зъ уваги, що щѣлковано безъ огляду на сю або ту особу професорского сбору, въ особѣ каждого професора-поляка представляясь передъ усѣмъ польска каѳедра або ответна репрезентанція польской науки, що въ зневазѣ такой репрезентаціи мѣститься зневага польской науки и культуры—собрана молодежь пятнуе сповнени въ томъ напрямѣ ексцеси укр.-русской молодежи и переведеня заповѣдженихъ у будучности не стерпить» [1]).

Ясно стало, что борьба, начатая русскими студентами за университетъ, будетъ борьбой болѣе широкихъ размѣровъ, борьбой также всей молодежи русской и польской, а вслѣдъ затѣмъ борьбой общества галицко-русскаго и польскаго. И дѣйствительно, борьба за университетъ закипѣла не только на столбцахъ русскихъ и польскихъ газетъ, не только среди русскаго и польскаго населенія Львова, но она встрѣтила выраженіе и отзвуки въ русскихъ вѣчахъ и собраніяхъ по провинціямъ; борьба за университетъ разгорѣлась въ настоящую борьбу за народныя права русскаго населенія Галиціи. Удаленіе русскихъ студентовъ (въ числѣ 600) встрепенуло галицко-русское населеніе. Стали возникать комитеты для собиранія пожертвованій въ пользу молодежи. Русско-народная партія собрала 25.000 кор.

Въ зимнемъ семестрѣ 1902—3 года русская молодежь снова возвратилась въ Львовскій университетъ и начала систематическую борьбу за права русскаго языка въ университетѣ. Скоро произошло столкновеніе съ университетскими властями, ибо молодежь требовала, чтобъ при имматрикуляціи формула присяги была прочтена имъ по-русски.

Требованіе ихъ не было удовлетворено, при чемъ ссылались на то, что официальный языкъ есть польскій. Русская молодежь уклонилась отъ имматрикуляціи, но исполнила ее во внѣустановленномъ терминѣ.

Сами университетскія власти поступали не корректно, вызывающе, и давали поводъ къ обострѣнію борьбы. Такъ, на академическій 1903—4 годъ ректоромъ былъ избранъ виновникъ удаленія русскихъ студентовъ Кс. Фіалекъ, не смотря на то, что очередь была за русскимъ професоромъ богословія Барнюшевскимъ и самъ Фіалекъ уклонялся отъ ректорской должности, но былъ принужденъ принять ее. Русская молодежь почувствовала себя обиженной такимъ поступкомъ университетской власти. 17 октября 1903 г. она на лекціи закидала ректора яйцами. Въ отвѣтъ на это польская моло-

[1]) Літ.-наук. Вістник. 1901.

дежь не пускала втеченіе четырехъ часовъ (8—12) русскихъ студентовъ на лекціи и приняла слѣдующую резолюцію: «Нападеніе русскихъ студентовъ на ректора нашего университета является прежде всего дерзкимъ покушеніемъ русиновъ на польскій характеръ и польскія права львовскаго университета. Польская молодежь шлетъ ректору, пострадавшему за гражданскую охрану нашихъ правъ, выраженіе глубокой признательности. Въ виду послѣдовательныхъ русскихъ завоевательныхъ покушеній, которыхъ новымъ выраженіямъ есть то нападеніе, польская молодежь идетъ послѣдовательно по пути, указанному 1901 г. и, выражая соборную признательность за первый актъ—*недопущенія* русиновъ въ университетское зданіе дня 17 октября с. г. польскими студентами университета, обязывается охранять ежедневно спокойствіе каѳедры польской школы и поручаетъ президіуму вѣча организовать спеціальную защиту особенно угрожаемыхъ каѳедръ» [1]).

Этимъ польская молодежь не ограничилась. Она ночью произвела большую демонстрацію предъ русскими учрежденіями во Львовѣ, а именно передъ дѣвичьимъ институтомъ Василіянокъ она забросала неповинныхъ ни въ чемъ русскихъ дѣвушекъ неприличными словами, а подъ самою Успенскою церковью удовлетворяла свои физическія потребности [2]).

Новый фактъ проявленія борьбы за университетъ случился въ мартѣ 1906 года. Предсѣдатель укр. студенческаго общества «Академічна Громада» былъ два раза у ректора, д-ра Ант. Глюзинскаго, и онъ въ оба раза запрещалъ своему посѣтителю говорить по-украински, заявляя, что языкомъ оффиціальнымъ въ университетѣ признается языкъ польскій. Поведеніе ректора вызвало общее негодованіе. 1 марта 1906 г. къ ректору была послана депутація съ тѣмъ, чтобъ онъ взялъ обратно свои для русскихъ студентовъ оскорбительныя слова. Когда же ректоръ не захотѣлъ удовлетворить требованіе депутаціи, заявляя сомнѣніе относительно законныхъ постановленій, которыя охраняютъ права русскаго языка въ львовскомъ университетѣ, молодежь постановила слѣдующія резолюціи: 1) «Украинская» молодежь клеймитъ вызывающее поведеніе ректора, какъ обиду всей «украинской» университетской молодежи; 2) протестуетъ противъ вывода закономѣрныхъ заключеній изъ заявленій ректора въ доказательство исключительно польскаго характера львовскаго университета; 3) заявляетъ, что правъ своихъ въ университетѣ будетъ добиваться хотя бы наиострѣйшими средствами, а отвѣтственность за свой образъ дѣйствій слагаетъ на ректора и унив. власти». Стараясь занять залъ для совѣ-

[1]) Галичанинъ. 1903. н. 228.
[2]) Интертпеляція русскихъ пословъ правит. въ сеймѣ 23 октября н. ст. 1903 г. ул.

щанія, молодежь, къ сожалѣнію, позволила себѣ самыя недостойныя выходки: выбила 29 стеколъ въ окнахъ и уничтожила нѣсколько лампъ въ коридорѣ. На второй день, 2 марта 1906 г. польская депутація явилась къ ректору съ выраженіемъ признательности за защиту польскаго характера львовскаго университета. Здѣсь, въ самомъ зданіи университета произошла драка между польскими и русскими студентами, продолжавшаяся около пяти часовъ, во время которой были устроены баррикады изъ скамей и пущено въ ходъ все, что попало подъ руку.

Вотъ картина пятилѣтней борьбы за львовскій университетъ. Если разобрать ея этическую сторону, то окажется, что обѣ стороны—польская и русская—одинаково примѣняли недостойныя средства борьбы и дошли даже до пролитія крови въ самомъ зданіи «alma mater». Правда, обѣ стороны можно оправдывать: русскіе студенты добиваются правъ русскаго языка въ университетѣ, и когда сотни петицій и прошеній не помогли дѣлу, употребляютъ для борьбы обычныя, впрочемъ, въ Австрійской имперіи средства. Польскіе студенты, слѣдуя программѣ вшехпольской партіи, охраняютъ польскій характеръ университета. Но, всетаки, сочувствіе остается на русской сторонѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Львовъ въ Восточной Галиціи споконъ вѣка русскій городъ, несмотря на то, что имѣетъ теперь обликъ польскаго города; 2) львовскій университетъ созданъ австрійскимъ правительствомъ главнѣйше для русскаго населенія, а не для поляковъ, почему русскіе студенты имѣютъ право добиваться его для себя. Если же поляки утверждаютъ, что львовскій университетъ есть ихъ собственность, и они не дадутъ ничѣмъ нарушить его польскій характеръ, по той лишь причинѣ, что въ немъ офиціальный языкъ съ 1871 г.—польскій, то создаютъ аргументъ противъ себя самихъ. Вѣдь они признаютъ законнымъ мнѣніе, что имъ нельзя добиваться польскаго университета въ Варшавѣ, что такое поведеніе ихъ собратій есть «алчность» по отношенію къ русскому народу, ибо во первыхъ Варшавскій университетъ созданъ на русскія деньги, и, во вторыхъ—и это главный аргументъ—въ немъ *офиціальный русскій языкъ*. Правда, польская молодежь и печать въ Галиціи приняли съ удовольствіемъ извѣстіе, что русскіе студенты въ Варшавѣ предполагаютъ переселиться въ другіе университеты, чтобъ не мѣшать осуществленію идеаловъ польскаго общества, но этотъ шагъ русскихъ студентовъ въ Варшавѣ не измѣняетъ положенія галицко-русской молодежи, ибо поляки придерживаются пословицы: «Co twego, to mego, a co mego, tobie nie do tego». Нужно прибавить, что сами унив. профессора подливаютъ масла въ огонь и своимъ поведеніемъ прямо поощряютъ польскую молодежь къ борьбѣ съ русскими студентами. Когда въ 1903 г. польская

молодежь не допустила русскихъ студентовъ въ зданіе университета, сенатъ не считалъ законнымъ привлечь къ отвѣтственности виновниковъ изъ польской молодежи. Напротивъ, сенатъ (Dziennik polski 1903, № 486) «послѣ приведенной дискусіи (обсужденія) пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ никакого повода къ привлеченію молодежи къ отвѣтственности за недопущеніе русскихъ студентовъ въ зданіе университета. Сенатъ видитъ въ этомъ поступкѣ вполнѣ понятную и, отчасти, даже достойную признательности реакцію на пятничное грубое нападеніе русскихъ студентовъ на ректора»...

Борьба за университетъ, несмотря на перенесенныя русскими галичанами тяжелыя жертвы, не удовлетворила требованій русскихъ студентовъ и всего населенія: универтитетъ и далѣе продолжаетъ имѣть исключительно польскій характеръ и будетъ, кажется еще долго ареной борьбы двухъ національностей.

Борьба за станиславовскую гимназію.

Въ 1900—1 гг. русскіе галичане выступили съ требованіемъ учрежденія для нихъ бо̀льшаго числа гимназій съ преподовательскимъ русскимъ языкомъ, ибо 1760 учениковъ русской народности были принуждены учиться въ польскихъ гимназіяхъ, какъ о томъ упомянуто выше. Въ 1901 г. русскіе галичане хлопотали объ основаніи русской гимназіи въ Станиславовѣ. Не смотря на то, что повѣтовая рада поддержала это ходатайство, а училищный совѣтъ и министерство признали его законнымъ и основательнымъ, сеймъ отклонилъ настоящее требованіе и не далъ своего согласія.

По поводу̀ этой и другихъ резолюцій сейма, какъ напр., закона о рентовыхъ, русскіе послы рѣшили не принимать участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ и оставили сеймъ. Въ іюнѣ 1902 г. русскіе послы снова внесли предложеніе основать гимназію въ Станиславовѣ. Министерство, съ своей стороны, предназначило 2000 кор. для этой цѣли, надѣясь на согласіе сейма. Самъ императоръ, пріѣзжавшій въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ желаніе, чтобъ сеймъ рѣшилъ дѣло станиславовской гимназіи благопріятно для русскихъ галичанъ. Училищный совѣтъ выразилъ сомнѣніе относительно наличности подходящихъ учительскихъ силъ. Вопросъ о станиславовской гимназіи сталъ предметомъ живого обсужденія всей польской и русской печати и живыхъ толковъ среди русскаго и польскаго обществъ.

Но сеймъ и въ этотъ разъ отклонилъ требованіе русскихъ галичанъ. Русскіе послы второй разъ покинули сеймъ и составили

слѣдующее заявленіе: «Сеймъ отклонилъ минимальное требованіе нашего народа, исполненія котораго мы добивались въ теченіе трехъ лѣтъ, которое имѣетъ за собой аргументы... и ручательство изъ наивысшихъ устъ,—и отклонилъ его безъ существеннаго аргумента, во имя единственнаго мотива: ненависти къ русскому народу и стремленія остановить его культурное развитіе.

Этотъ фактъ есть только одно изъ дѣйствій сеймовой политики, стремящейся къ систематическому политическому обезсиленію и экономическому подавленію русскаго народа въ Галичинѣ. Въ виду того, что двухлѣтній опытъ убѣдилъ насъ слишкомъ хорошо, что въ этомъ сеймѣ и при этомъ его составѣ нѣтъ и не будетъ для насъ справедливости, мы, члены русскаго сеймоваго клуба, заявляемъ, что ни наша честь, ни честь русскаго народа не позволяетъ намъ долѣе оставаться въ этой палатѣ, а поэтому мы оставляемъ этотъ сеймъ, слагая на представителей польскаго народа въ Галичинѣ всю отвѣтственность за принужденія насъ къ этому шагу передъ судомъ исторіи, славянства и всего цивилизованнаго міра, и заявляемъ при выходѣ изъ сейма именемъ цѣлаго народа громкій протестъ противъ того вашего насилія, которое представители польскаго народа совершили надъ братскимъ русскимъ народомъ.

Съ этимъ знаменемъ идемъ въ нашъ народъ, который насъ сюда послалъ, остальное же зависитъ уже отъ него» [1]).

Подписали: Олесницкій, Король, Могильницкій, Барвинскій, Мазикевичъ, Богачевскій, Гурикъ, Барабашъ, Останчукъ, Старухъ.

Второе удаленіе русскихъ пословъ одобрилъ русскій народъ болѣе чѣмъ на 650 народныхъ собраніяхъ. Избранные русскіе послы, вступая въ сеймъ, передали Олесницкому заявленіе (30. IX). въ которомъ они говорили, что занимаютъ и далѣе «рѣзке и выразне становиско оппозиціи, на какомъ стояли мы доси и стояти будемо, поки большость сеймова не змѣнить своей дотеперѣшней политики супротивъ народу русского, доки не стане трактувати насъ, яко ровнорядныхъ себѣ представителей ровноправного въ Краю народа и не порозумѣе, що лишь въ полной справедливости супротивъ того народа есть можлива хосепна дѣятельность сейма для цѣлого Края» [2])...

Наконецъ сеймъ рѣшилъ основательность учрежденія станиславовской гимназіи, которая была открыта въ 1905—6 г., начиная съ перваго класса (свыше 100 учениковъ).

Исторія одной станиславовской гимназіи, за которую пришлось бороться цѣлыхъ пять лѣтъ (1900—1905) и русскіе послы двукратно слагали свои мандаты въ руки избравшаго ихъ народа,

[1]) Галичанинъ. 1903 г. 236.
[2]) Stenogr. Spraw. Sejmu krajowego. 1901. I стр. 11.

доказываетъ, какъ тяжело и безвыходно положеніе галицко-русскаго населенія по причинѣ «ненависти поляковъ къ русской націи». Слѣдуетъ вспомнить, что во время борьбы за станиславовскую гимназію учреждено простыми административными распоряженіями въ одномъ 1903—4 г. новыхъ 7 среднихъ (3 гимн.+4 реальныя) учебныхъ заведеній съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ!

Борьба за улучшеніе доли русскаго крестьянина.

(Стачка русскихъ крестьянъ).

Одновременно съ борьбой за культурныя требованія происходила борьба за улучшеніе быта галицкаго крестьянина, выразившаяся въ стачкѣ русскихъ крестьянъ лѣтомъ 1902 года.

Причина этого явленія коренилась въ крайней бѣдности галицкаго населенія. Галичина — страна, по преимуществу, земледѣльческая; земля даетъ пропитаніе галицко-русскому крестьянину.

Еще патентомъ 10 февраля 1789 г. (по переписи 1900 г. земледѣліемъ занимаются въ Галиціи 4.906.834 чел.) крестьяне сдѣлались собственниками занятой ими земли. На тѣхъ крестьянскихъ земляхъ тяготѣлъ лишь опредѣляемый правительствомъ въ пользу помѣщика сервитутъ труда, а взамѣнъ него крестьяне имѣли сервитутъ въ помѣщичьемъ имѣніи, а именно: крестьянинъ получалъ изъ лѣсовъ помѣщика извѣстное количество топлива и строительнаго матеріала, а, сверхъ того, имѣлъ возможность пасти свой скотъ на помѣщичьемъ пастбищѣ.

Патентомъ 10 сентября 1782 г. правительство Іосифа II отдало всѣ лѣса, принадлежавшіе сельскимъ громадамъ, *подъ надзоръ и въ управленіе помѣщикамъ*, чтобъ ограждать крестьянскіе лѣса отъ истребленія. Но изъ этого патента и именно изъ права надзора помѣщики вывели право собственности, и стали считать не только лѣса, но и пастбища, луга и пашни, находившіеся въ тѣхъ лѣсахъ, своею собственностью [1]).

Когда въ 1848 г. была уничтожена панщина, Русская Рада предостерегала относительно вредныхъ послѣдствій отнятія у крестьянъ лѣсовъ и пастбищъ, ибо крестьянскіе надѣлы малы и ихъ едва хватаетъ на прокормленіе семьи; побочныхъ же заработковъ у крестьянъ нѣтъ. Если крестьяне лишатся давнихъ своихъ правъ, естественно должно послѣдовать общее ихъ обѣднѣніе. Въ 1848 г. была назначена комиссія, которая имѣла опредѣлить размѣръ вознагражденія помѣщикамъ за убытокъ, нанесенный имъ отнятіемъ у нихъ даровой селянскаго труда, а также крестьянскихъ

[1]) Свистунъ: Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи. I, стр. 334.

янскаго сервитутнаго права на помѣщичьихъ лѣсахъ и пастбищахъ, и, путемъ соотвѣтственнаго вознагражденія, освободить имѣнія крестьянъ и помѣщиковъ отъ взаимныхъ повинностей [1]). Помѣщики получили, напр. въ краковскомъ округѣ 37, 762. 240 зр. а въ львовскомъ 56, 033. 037 зр., всего 93, 795. 277, какъ индемнизацію. Иначе были вознаграждаемы крестьяне, которымъ платили помѣщики несправедливо, такъ что крестьянинъ не могъ уже пасти скота на помѣщичьемъ пастбищѣ (долженъ былъ уменшить количество домашняго скота), а за то получалъ несоотвѣтственное вознагражденіе. Крестьяне начали процессы съ помѣщиками (около 32. 000 процессовъ), отправлялись пѣшкомъ въ Вѣну съ жалобами къ императору, на что израсходовали около 15 мил гульденовъ. И все же они были лишены лѣсовъ и пастбищъ и должны были уплатить индемнизаціонный долгъ за панщину 93 мил. и около 15 милiоновъ за процессы [2]).

Въ 1785 г. былъ введенъ законъ о недѣлимости сельскихъ земельныхъ участковъ. Онъ былъ возобновленъ въ 1850 г. Но законъ этотъ правительствомъ былъ отмѣненъ, по предложенію сейма, въ 1868 г., и послѣдствіемъ было то, что крестьянскій участокъ дѣлился нескончаемо.

Если прибавить къ тому недостатокъ просвѣщенія и сельскохозяйственныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего галицко-русская почва даетъ почти третью часть того, что даетъ почва въ Моравіи или Чехіи [3]), то будемъ имѣть главныя причины обѣднѣнія вообще галицкаго, а въ особенности русскаго крестьянина, который, какъ ни дорога ему земля, вслѣдствіе нужды эмигрируетъ въ большомъ количествѣ, высматривая и ища помощи и средствъ къ жизни за океаномъ. Въ 1893 г. началась эмиграціонная горячка въ Бразилію, такъ что въ 1895 г. отправилось туда 8142 лица. Много галичанъ уѣзжаетъ и въ Соединенные Штаты, ибо планъ Наумовича переселять галицкихъ крестьянъ на Кавказъ, вслѣдствіе его смерти (1891 г.), не осуществляется. Когда 1892 г. разпространилась вѣсть, что въ Россіи раздаютъ землю, вышло изъ повѣтовъ подольскихъ Збаража, Скалата и Борщова 6111 человѣкъ [4]).

---

[1]) Свистунъ: II, стр. 228—288.
[2]) Тамъ же. II. стр. 232.
[3]) Пригодныя статистическія данныя (изъ труда St. Studnickiego):

	Чехія.	Галиція.
1) Пшеница	10.52	8.63
2) Жито	10.35	13.94
3) Ячмень	15.38	8.69
4) Кукуруза	18.35	18.21
5) Бураки (свекла) .	22.01	14.01

[4]) Wiadomosci statyst. o stosunkach kraiow 1892. Zesz. 1—2. Эмигрировало:

	Русскихъ изъ Австріи.	Поляковъ изъ Австріи.
въ 1903 г.	9.719 человѣкъ.	34.499 человѣкъ.
» 1905 »	13.259 »	50.785 »

Вѣдственное экономическое состояніе галицко-русскаго крестьянина, которое помѣщики въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ использовали по-ростовщически, платя даже по 10—15 крейцеровъ за одинъ день работы въ полѣ, было главной причиной вспыхнувшей стачки крестьянъ въ Восточной Галиціи. Въ іюнѣ 1902 г. крестьяне не хотѣли работать на помѣщичьихъ земляхъ въ 19 мѣстностяхъ, а впродолженіе іюля и августа стачка охватила 375 деревень; одновременно происходило 395 забастовокъ земледѣльческихъ [1]).

Стачка крестьянъ не удалась. Въ 70% случаевъ стачники требовали 6 или 7 снопа, но совсѣмъ не были удовлетворены.

54% получило повышенную плату, но вслѣдъ за тѣмъ помѣщики начали покупать земледѣльческія машины и принимать на работу польскихъ крестьянъ изъ Западной Галиціи. Русскіе же крестьяне начали искать работы въ Пруссіи и въ большомъ числѣ уѣзжаютъ туда на работы.

Наконецъ, третья сфера, въ которой приходится русскимъ галичанамъ бороться тщетно — это сфера политическихъ правъ. Пренебреженіе правъ русскаго языка польскими властями, административными и судебными, пренебреженіе русскихъ праздниковъ, во время которыхъ польскія власти дѣйствуютъ вызывающе относительно русскихъ крестьянъ и пр.,— все это обыкновенныя жалобы въ Галиціи, но голоса интерпеляцій русскихъ пословъ въ сеймѣ и державной думѣ остаются безъ отклика.

Въ послѣднее время для русскихъ галичанъ блеснула надежда на улучшеніе своего положенія вслѣдствіе возникновенія правительственнаго проекта выборной реформы въ державную думу. Русско-японская война, вызвавшая во всей Европѣ живой интересъ, тяжелый внутренній кризисъ по поводу вопроса венгерскаго — вотъ главныя причины, которыя принудили правительство выдвинуть въ октябрѣ 1905 г. проектъ уничтоженія избирательныхъ курій и введенія общаго непосредственнаго, тайнаго и равнаго права голосованія.

Правительственный проектъ былъ принятъ съ большимъ энтузіазмомъ всѣми народами Австріи, и прежде всего тѣми, которые были обижены въ политическихъ правахъ. Въ день перваго засѣданія парламента 28 ноября н. ст. 1905 г. произведены во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ громкія манифестаціи рабочихъ и пролетаріата, которые выслали требованія относительно удовлетворенія нуждъ всѣхъ классовъ общества. Въ Галиціи все вдругъ зашумѣло, закипѣло. Русскіе галичане увидали себя уже близкими къ осу-

[1]) Dr. Zbigniew Pazdro: Strajki rolne w Galicyi Wschodniej 1902 i 1903. (Wiad. stat. T. XX. Z. I. стр. 49, 64).

ществленію своихъ требованій, столь долго предъявляемыхъ въ законодательномъ порядкѣ о томъ, чтобы былъ измѣненъ столь невыгодный и несправедливый для нихъ выборный законъ. Поляки же почувствовали, что, въ случаѣ проведенія избирательной реформы, они потеряютъ хотя отчасти свое господство въ Восточной Галиціи. Обѣ главныя русскія партіи: русско-народная и украйнофильская развернули широкую агитацію, устроили тысячи народныхъ собраній по деревнямъ и городамъ, поучали народъ насчетъ важнаго правительственнаго проекта, было издано 5 брошюръ о реформѣ: 2 русско-народной партіи и 3 украинской, тысячи резолюцій было послано президенту министровъ, бар. Гаучу; 2 февраля 1906 г. гор. Львовъ наполнился галицко-русскимъ простонародьемъ, которое прибыло на воззваніе «Русской Рады» и «Народного Комитета» на всенародный митингъ. Вездѣ былъ необыкновенный порядокъ, вездѣ галицко-русскій народъ подъ предводительствомъ своихъ пословъ и политическихъ дѣятелей громко заявлялъ, что онъ живъ, что онъ требуетъ принадлежащихъ ему правъ. Депутація русскихъ сеймовыхъ и парламентскихъ пословъ подъ предводительствомъ русскихъ владыкъ послала прошеніе галицко-русскаго населенія самому императору и дождалась его пріема.

Между тѣмъ, и поляки развернули бѣшеную агитацію противъ правительственнаго проекта, такъ какъ лишь партія людова и соціалистическая отстаивали общій непосредственный, тайный и равный порядокъ голосованія: всѣ же другія польскія партіи, какъ консервативная (шляхта) и вшехпольская, видя, что не возможно совсѣмъ убить правительственный проектъ, требовали общаго, прямого, тайнаго, но *не равнаго* выборнаго права и обезпеченія польскаго господства въ Галиціи. Польскія староства незаконно запрещали и разгоняли русскія собранія, а вызывающее ихъ поведеніе довело до того, что въ Лядскомъ была пролита кровь: было 4 убитыхъ и 7 раненыхъ. Чтобъ помѣшать выборной реформѣ, коло польское, считающее себя опорой Австріи, за исключеніемъ немногихъ пословъ, голосовало въ пользу предложенія вшехнѣмцевъ Штейна и Шенерера, стремящихся открыто отторгнуть австрійскія провинціи къ Пруссіи и предлагающихъ выдѣленіе Галиціи.

Не безъ трепетнаго страха приходится теперь галицко-русскому населенію ожидать выполненія избирательнаго закона, который рѣшитъ его судьбу, можетъ быть, на долгое время.

На гал.-русскомъ небосклонѣ за послѣднія шесть лѣтъ выдвинулись три главныя требованія, а именно: требованіе школъ, которыя обезпечили бы ростъ духовныхъ силъ народа и дали бы возможность развитія мѣстной культурѣ, требованіе улучшенія экономическаго состоянія гал.-русскаго простонародья и, нако-

нецъ, дѣйствительнаго политическаго равноправія. Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ, глубоко затрагивающихъ гал.-русское общество, не смотря на многочисленныя жертвы, не былъ разрѣшенъ, и они находятся въ стадіи настоящей борьбы, которая истощаетъ самыя лучшія силы русскихъ галичанъ. Имѣется лишь одно доброе послѣдствіе этой ожесточенной борьбы—это подъёмъ національнаго духа и патріотизма, это—привлеченіе самыхъ широкихъ круговъ общества въ сферу этой продолжающейся борьбы, въ область народнаго труда.

Но, съ другой стороны, галицко-русскому народу приходится выдерживать сильный напоръ поляковъ на Восточную Галицію, приходится бороться съ насильственною полонизаціею, которая, при общемъ содѣйствіи всего польскаго общества, все болѣе захватываетъ русскія деревни Восточной Галиціи. Это, какъ говорятъ поляки,—«война за народъ и землю».

Эту борьбу поляки ведутъ безпощадно, съ крайнимъ шовинизмомъ и нетерпимостью ко всему, что носитъ печать русскаго. Печатные польскіе органы, газеты, переполненныя ругательствами, будутъ составлять со временемъ любопытный матеріалъ при оцѣнкѣ польско-русскихъ отношеній. Извѣстно, что кто отличается большой нетерпимостью, тотъ бо́льшій патріотъ и можетъ расчитывать на благодарность польскаго общества. По этому поводу достаточно сказать, что проф. Львовскаго университета Станиславъ Гломбинскій сталъ первѣйшей личностью въ Галиціи, именно на аренѣ этой борьбы, послѣ изданія брошюры: «Zamach na Uniwersytet Lwowski». Онъ былъ избранъ посломъ въ Вѣнскій парламентъ, въ сеймъ и раду мѣйскую (городскую) во Львовѣ.

Этотъ депутатъ, профессоръ-политикъ, дерзостно очернилъ гал.-русское крестьянство въ державной думѣ передъ форумомъ всего міра во время дебатовъ о стачкахъ русскихъ крестьянъ. «Въ то время, какъ русскій крестьянинъ лѣнивъ, бездѣятеленъ, постоянно жалуется на свою судьбу и на мнимыя кривды, охотно слушаетъ басни о раздѣлѣ земли, нашептованія о стачкахъ и бойкотахъ—говорилъ этотъ профессоръ [1])—польскій крестьянинъ работаетъ со всею энергіею для себя и своей семьи».

Какъ клеветалъ онъ въ этомъ случаѣ, можно заключить изъ того, что польскій посолъ, гр. Войтѣхъ Дѣдушицкій, поспѣшилъ опровергнуть слова своего товарища и назвалъ русскій народъ «исполненнымъ честности и терпѣнія, привязаннымъ къ языку и вѣрѣ такъ само, какъ польскій» «Arbeiter Zeitung» же писала, что «рѣчь п. Гломбинскаго была преисполнена такой ненависти къ бѣдному русскому

[1]) Галичанинъ 1902 г., 236.

народу, что она можетъ составлять знаменательную иллюстрацію къ прославленной славянской взаимности».

Виновникъ удаленія русскихъ студентовъ изъ Львовскаго университета, проф. Кс. Фіялекъ, удостоился такой великой признательности со стороны польскаго общества, что за его геройскій подвигъ учреждена въ его честь въ Обществѣ Школы Народной (Towarzystwo Szkoły Ludowej) особый «fundusz imienia Ks. Fialka».

Польская молодежь празднуетъ всякую національную побѣду, одержанную—понятно въ 10 разъ бо́льшими силами торжественно, съ пѣсней легіоновъ «Jeszcze Polska nie zginęła» на устахъ и съ патріотической рѣчью предъ памятникомъ А. Мицкевича, какъ между прочимъ, это было въ мартѣ 1906 г. Но всѣ хотя бы наисправедливѣйшія требованія русскихъ галичанъ считаются нарушеніемъ правъ польскаго общества.

Во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ Восточной Галиціи религія для русскихъ учениковъ преподается по-русски. Въ одной только гимназіи львовской (III) русскіе ученики должны до нынѣ учиться закону Божію и слушать недѣльныя науки (воскресныя чтенія) своего русскаго законоучителя по-польски. Число этихъ русскихъ учениковъ значительно (78 и изъ этого числа лишь 18 признаетъ себя поляками). Послѣ смерти Катихита въ сентябрѣ 1905 г. возникъ вопросъ о томъ, чтобы ввести русскій преподавательскій языкъ въ науку о религіи, и съ этой цѣлью митрополичья консисторія велѣла новому священнику преподавать по-русски. Казалось бы, что это законное требованіе русскихъ галичанъ не встрѣтитъ никакого противодѣйствія со стороны поляковъ, которыхъ собратья уже добились въ Россіи польскаго преподавательскаго языка въ религіи, настойчиво добиваются и въ Пруссіи. Польскія газеты не находили и не находятъ словъ презрѣнія для русскаго и прусскаго правительства по поводу чуждаго имъ языка въ религіи, называя это аномаліею XX в., но относительно русскихъ галичанъ приняли иныя мѣры. Почти всѣ польскія газеты (за исключеніемъ соціалистическихъ) подняли адскій крикъ и шумъ изъ-за того, что руссификуются (!) польскія школы и польскія дѣти (18—а 60 русскихъ), что обрѣзываются (!) права польскаго языка. «Rzecz ta staje się jeszcze wstrętniejsza przez to, że i nauki niedzielne wyglaszą się tym uczniom po rusku» [1]). Директоръ этой гимназіи, посолъ Томашевскій, съ пафосомъ заявляетъ въ Львовской городской Радѣ, что не пуститъ русскаго священника въ залъ, если онъ будетъ далѣе преподавать законъ Божій по-русски. И это геройское заявленіе г. директора городская рада мѣйская

[1]) Słowo polskie. 1905. N. 497.

привѣтствовала громкими аплодисментами съ небывалымъ энтузіазмомъ.

Нѣкоторые львовскіе купцы помѣстили кромѣ польскихъ надписей и русскія. Вдругъ является патріотическая замѣтка въ газетѣ: «Nie pozwalajmy zatracać polskiego charakteru miasta, które podobno tak bardzo kochamy» [1])

Какой-то неизвѣстный патріотъ жертвуетъ 1000 кор. на учрежденіе народной польской школы во Львовѣ, съ тою цѣлью, чтобъ задержать стремленіе русскихъ галичанъ придать Львову русскій характеръ [2]).

Любопытно было видѣть, какъ поразилъ поляковъ проектъ выборной реформы, который угрожалъ имъ въ ихъ господствѣ («stan posiadania»). Чтобы бросить подозрѣніе на русскихъ галичанъ, выражающихъ свои требованія на народныхъ митингахъ, «Słowo Polskie» печатало неимовѣрныя извѣстія о томъ, что русскіе Галичане намѣреваются «рѣзать ляховъ и евреевъ», а польскій помѣщикъ, посолъ, Гнѣвошъ для спасенія угрожаемаго «status possidendi» очернилъ во время бала передъ самимъ императоромъ русскій народъ, какъ стремящійся къ коммунизму.

И много, много можно указать такихъ примѣровъ, изъ коихъ лишь нѣсколько приведено здѣсь для характеристики борьбы, въ которой принимаетъ теперь участіе все польское общество.

Среди такого шовинистскаго настроенія польскаго общества совершается предпринятая въ большихъ размѣрахъ колонизація и полонизація Восточной Галиціи. Колонизація мазурскими крестьянами происходила уже ранѣе, а именно усилилась въ 1893 г. когда русскіе галичане начали переселяться въ Бразилію. Но въ огромныхъ размѣрахъ она совершается теперь, послѣ стачки русскихъ крестьянъ въ 1902 году. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ «Банкъ парцеляційный», который преслѣдуетъ цѣли «парцеловать» имѣнія помѣщиковъ въ Восточной Галиціи между мазурскими колонистами. Этотъ Банкъ согласно отчету за 1905 г. располагалъ:

основнымъ капиталомъ . 213.685.35 кор.
оборотъ его казны . . . 18.646.022.14 кор.

Передѣлилъ онъ въ 1905 г. 9 имѣній въ 5.218 морговъ.

Со страхомъ приходится теперь ожидать того момента, когда войдетъ въ жизнь законъ о рентовыхъ хозяйствахъ, который, несмотря на протестъ со стороны русскихъ пословъ, получилъ недавно императорскую санкцію. Парцеляція помѣщичьихъ имѣній между крестьянами будетъ ведена областнымъ банкомъ. Правда, законъ этотъ равносиленъ на бумагѣ какъ для поляковъ, такъ и для

[1]) Słowo polskie. 1905. № 456.
[2]) Słowo polskie. 1905. 17/III.

русскихъ. Русскіе крестьяне будутъ въ состояніи наравнѣ съ польскими добиваться займовъ на покупку земли въ областномъ банкѣ. Но при существующихъ обстоятельствахъ, каковы шовинизмъ польскій и господство поляковъ въ краѣ, имѣется справедливое опасеніе у русскихъ галичанъ, что мазурскіе крестьяне, поддерживаемые областными фондами, скоро наполнятъ Восточную Галицію и дадутъ ей—даже въ деревняхъ—польскій обликъ.

Для укрѣпленія польскаго элемента въ Восточной Галиціи и полонизаціи галицко-русскаго крестьянства служатъ слѣдующія средства: 1) Костелки и Каплички (часовенки) и 2) общества кулекъ рольничихъ (кружковъ земледѣльческихъ) и Общество Народной Школы (Towarzystwo Szkoły Ludowej). «Jeden lekarz nie wystarczy tu—пишетъ одинъ помѣщикъ [1]) послѣ стачки крестьянъ въ 1902 г.—zdaje mi się że co najmniej dwóch nam potrzeba. Pierwszym musi być całe społeczeństwo polskie — drugim wschodniogalicyjscy wielcy gospodarzy»!

И дѣйствительно, въ этомъ направленіи дѣйствуетъ уже цѣлое польское общество, занятое одной мыслью: «ratować zagrożone wschodnie kresy». Первыми стражами польскаго господства въ Восточной Галиціи суть костелки и каплички. Мысль учрежденія ихъ поднялъ еще епископъ-суфраганъ львовскій, нынѣшній епископъ краковскій Пузына, который за время 1885—1894 гг. поставилъ болѣе 100 каплицъ [2]). Дѣло его продолжаетъ львовскій архіепископъ Янъ Бильчевскій и помѣщики, которые считаютъ теперь своей святѣйшей обязанностью поставить, если не костелъ, то, по крайней мѣрѣ, каплицу. Въ послѣднее время они умножились, какъ грибы послѣ дождя, въ Восточной Галиціи.

Подобную полонизаціонную политику ведетъ Общество Школы Народной, учрежденное въ 1898 г. Оно охватило уже своею дѣятельностью изъ всѣхъ 80 уѣздныхъ округовъ всей Галиціи 56 округовъ Восточной Галиціи, учредило 692 читальни, 29 курсовъ анальфабетовъ (безграмотныхъ) и 45 школъ. Организація этого общества замѣчательна: въ немъ принимаетъ участіе все польское общество, ибо дѣятельность въ лонѣ этого общества считается патріотическимъ подвигомъ, и оно не щадитъ своихъ жертъ. Достаточно вспомнить, что въ 1904 г. оно располагало слѣдующими фондами:

Zarząd główny . . .	255.084	кор.	76 гел.
Kola	228.490	»	05 »
Towarzystwo	363.606	»	25 » [3]).

Несомнѣнно, дѣятельность этого общества была бы достойна

[1]) Jan Rozwadowski: Ruskie bezrobocie 1902. стр. 110.
[2]) Jbidem. стр. 22.
[3]) Sprawozdanie Tow. Szkoły Ludowej za 1907. Krak. 1905.

подражанія, еслибы она не преслѣдовала политики обезличенія (ополяченія) русскаго простонародья. Въ почти чисто-русскомъ бродскомъ уѣздѣ учреждено впродолженіе четырехъ лѣтъ 11 польскихъ читаленъ. Филія же бродская пріобрѣла за тѣ 4 года 195 членовъ; доходы опредѣлились въ 875 кор., расходы въ 721. Прибавимъ къ тому, что такую же дѣятельность развиваетъ и «Общество кулекъ рольничихъ» (земледѣльческихъ кружковъ), основанное въ 1881 г. и чрезъ газеты и книжки полонизируетъ свободно крестьянъ и укрѣпляетъ польскій элементъ въ Восточной Галиціи. Нельзя не замѣтить, что отъ этой тихой колонизаціонной и полонизаціонной работы угрожаетъ русскимъ галичанамъ національная смерть, которой можетъ противодѣйствовать лишь энергическая работа въ такомъ же направленіи со стороны самихъ русскихъ галичанъ, но къ несчастью при нынѣшнихъ обстоятельствахъ она почти невозможна.

Очевидно, свое наступательное движеніе поляки хотятъ оправдать какимъ-либо образомъ, и говорятъ во всеуслышаніе, что цѣлью своей патріотической дѣятельности они ставятъ лишь оборону національныхъ интересовъ своихъ собратій передъ грозящей имъ національной гибелью, передъ руссификаціей.

31 мая и 1 іюля 1903 состоялся польскій митингъ (wiec), чтобъ обдумать средства охраны своихъ національныхъ интересовъ, говоря нашимъ языкомъ—своего господства въ Восточной Галиціи. Въ польскомъ отзывѣ было замѣчено, что «возрастающія стремленія, чтобы *руссификовать польскій народъ въ середнихъ и восточныхъ повѣтахъ*, требуютъ энергичнаго отпора».

Русскіе независимые послы обѣихъ партій издали въ Вѣнѣ 12 (25 мая) 1903 г. заявленіе, которое весьма характеристично и ясно изображаетъ нынѣшнее положеніе Галицкой Руси [1]). «Тѣ слова («стремленіе риссификовать народъ»)—сказано въ заявленіи русскихъ—выглядаютъ на горькое издѣвательство надъ дѣйствительнымъ состояніемъ вещей въ Восточной Галиціи. Русины въ той отъ вѣковъ родной части края, хотя ихъ тамъ трикратно больше, чѣмъ поляковъ (64% русиновъ и 21% поляковъ) политично такъ безсильны, что принуждены, добивая всѣхъ своихъ силъ, боротись о свою національную жизнь, а къ руссификаціи поляковъ, даже еслибъ у нихъ была охота, не имѣютъ ни малѣйшей возможности. Все що имѣетъ власть и вліяніе, находиться въ рукахъ поляковъ (или держащихъ съ ними жидовъ): большая посѣлость, богатшое середнее сословіе, большинство интеллигенціи, капиталъ, торговля, промыслъ, все не только автономичное, но и державное управленіе, вліяніе котораго въ Галичинѣ необыкновенно громадно, всѣ

[1]) Галичанинъ. 1903 п. 110.

численныя школы, почти всѣ середнія (29 польскихъ и 4 русскихъ), всѣ выдѣловыи и почти всѣ народныи школы въ городахъ — все и повсюду польское; даже сельскіи школы въ чисто русскихъ громадахъ не есть чисто русскія, утраквистичныя. — А уже въ послѣднее время и того за мало, чѣмъ правительственныя власти и соймовое большинство содѣйствуютъ полонизаціи края, или що прямо таки дѣлаютъ въ полонизаційныхъ цѣляхъ; за мало пренебреженія русского языка въ урядахъ и судахъ и т. д., противъ русиновъ взываютъ уже польское общество. Къ русскимъ селянамъ и мѣщанамъ, которые передъ годами вслѣдствіе римо-кат. пропаганды приняли латинскій обрядъ, однако сберегли родный языкъ, говорятъ теперь польскіи ксендзы, принужденныи къ тому своими властями, вмѣсто по-русски, лишь по-польски и заставляютъ ихъ ровно же лишь по-польски говорить. Гдѣ лишь въ какомъ селѣ Восточной Галичины живетъ хотябы найменшое число римокатоликовъ, строяться костелы и призываються польскіи ксендзы и монашки для дальшей пропаганды, хотя въ Западной Галичинѣ весьма часто и нѣсколько тысячъ польскихъ латинниковъ не имѣютъ въ селѣ ни костела, ни священника. Польское «Towarzystwo Szkoły Ludowej» учреждаетъ польскіи народныи школы для ничтожнихъ польскихъ меньшинствъ въ русскихъ селахъ. Основано количество польскихъ народныхъ товариществъ, будто для экономическаго поднесенія народа даже въ такихъ русскихъ селахъ, гдѣ кромѣ двора почти нѣтъ поляковъ.

Изъ западной Галичины вызываютъ чѣмъ разъ больше польскихъ колонистовъ, которые поселяються на парцелованныхъ дворскихъ обшарахъ. Польскій посолъ, мѣстопредсѣдатель центральнаго выборового комитета и кандидатъ на презеса польского «Кола» д-ръ Козловскій объѣжджаетъ всѣ русскіе повѣты и организуетъ всѣхъ поляковъ и русскихъ перекинчиковъ противъ русиновъ. И при всемъ томъ говориться въ отзывѣ польского «народового Комитета» о чѣмъ разъ большихъ стремленіяхъ къ «руссификаціи польского народа».

Такъ перекручивать правду значитъ — плевать правдѣ въ лице. То и принуждаетъ насъ указать на правдивое состояніе вещей. При томъ ссылаемся на всѣхъ тѣхъ, которые хотя немного знаютъ отношенія въ Восточной Галиціи, тѣхъ же, которые не знаютъ, просимъ убѣдиться наочно въ правдѣ.

Когда же польскій комитетъ хотѣлъ — быть можетъ — тѣми словами сказать, что считаетъ Восточную Галицію польскимъ краемъ, защиту же противъ дальшей ея полонизаціи опасностью для Польши, въ виду чего вызываетъ весь польскій народъ и всѣ польскія партіи къ подавленію той защиты, — то мы заявляемъ отъ имени

всѣхъ русиновъ края, что Восточная Галиція была русскою, есть русскою и должна остатись русскою!»

Подписали: Юл. Романчукъ, Вас. Яворскій, Д-ръ Андрей Косъ, Д-ръ Мих. Король, Д-ръ Эм. Гладишовскій, Ал. Барвинскій, Д-ръ Евг. Олесницкій, Д-ръ Андроникъ Могильницкій, Свящ. Оедоръ Богачевскій, Іосифъ Бурикъ.

Вотъ какъ говоритъ современное стихотвореніе на тему объ этой полонизаціонной и колонизаціонной работѣ поляковъ:

Наѣзднікамъ на Русь [1]).

Чому кружишъ ляцкій орле,
По-надъ русску хату,
Чому несешь въ русску землю
Польскую гакату?

Чи не знаешь свого гнѣзда,
Пяста и Кракуса?
Що тя вабить на Подолье:
Жиръ, или покуса?

Жиръ, несытый. Мы тя кормимъ
Кровію и тѣломъ,
Вже пять вѣковъ, ненасытный,
Въ вѣчность улетѣло...

Годѣ, алчный, жировати
На подольскомъ поли,
Тутъ не мѣсто ляцкимъ орламъ,
Тутъ русски соколы!

Тутъ Русь свята, а не Польща,
Тутъ слава гремѣла,
Тутъ владѣли—царствовали
Сыны Владиміра.

Тутъ искони земля русска,
Земля Ярослава,
Тутъ лигала и вставала
Наша русска слава

. . . . . .

[1]) Декламаціи съ иллюстраціями—Ивана Кума. Стр. 4—6.

Тутъ мы жили, жити будемъ
За ту землю мертву,
За пядь еи дамо тысячъ
Русскихъ сердецъ въ жертву
. . . . . .

Тому дармо посягаешъ
На ню Ляше-брате,
Мы не дамо, за нами Богъ.
За нами Русь мати!

IV.

Внутреннее состояніе Галицкой Руси.

І вийдемо з політики туману
Що голова потуманила нам
Що подала Ляхам нас ув оману
І учням іх, сѣпакамъ козакамъ!
П. А. Кулишъ: Словце до земляковъ.

1. Галицко-русская интеллигенція. 2. Партіи и ихъ взаимное отношеніе. 3. Трудъ ихъ въ области просвѣщенія: а) научное движеніе. б) просвѣщеніе народа. 4. Пособія областного сейма польскимъ и русскимъ просвѣтительнымъ обществамъ. 5. Экономическія общества.

Галицкая Русь во всѣхъ областяхъ своей общественной жизни ведетъ впервые единодушно борьбу за свое существованіе. Всѣхъ одушевляетъ лишь одно стремленіе—борьбой добиться правъ или, по крайней мѣрѣ, сохранить себя передъ угрожающей волной польской стихіи. Между тѣмъ, уже прошло пять лѣтъ, какъ борьба эта непрерывно продолжается и поглощаетъ много жертвъ, а до осуществленія самыхъ основныхъ правъ и жизненнѣйшихъ требованій галицко-русскаго населенія еще очень далеко.

Имѣетъ ли наша часть русской земли достаточно въ себѣ силъ, чтобъ выдержать этотъ напоръ латинизаціи и колонизаціи, сохранитъ ли она завѣты своихъ отцевъ или, можетъ быть, ее ожидаетъ погибель?

Силу галицко-русскаго населенія составляетъ средняя интеллигенція: чиновники, адвокаты, врачи и, по преимуществу, священники. Большая часть этой интеллигенціи вышла или прямо изъ простонародья или по крайней мѣрѣ въ трехъ-четырехъ поколѣніяхъ принадлежала къ нему. Отсюда ее характеризуетъ и по крайней мѣрѣ младшую ея генерацію полный демократизмъ и любовь къ простонародью. Все для народа и чрезъ народъ—вотъ главный принципъ, которымъ руководятся русскіе галичане, чтобы добыть народную силу чрезъ миры простонародья—посредствомъ организаціи ихъ и просвѣщенія.

Составъ этой интеллигенціи представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

Студенты львовскаго университета въ зимнемъ семестрѣ 1905—6 г.:

Русскіе	Поляки	Жиды	Общее число поляковъ крак. и львов. унив—та.
856	1601	758	около 3.000 а съ жидами свыше 4.000

Изъ 856 русскихъ студентовъ посѣщаютъ факультеты:

Богословскій.	Философскій.	Медицинскій.	Юридическій.
296	219	13	328

Понятно, русскіе студенты посѣщаютъ еще другіе университеты въ Краковѣ, Вѣнѣ, Прагѣ и пр., но число такихъ не больше 100, такъ что русская молодежь количествомъ своимъ стоитъ далеко позади польской.

Ученики среднихъ учебныхъ заведеній (училища реальныя и гимназіи) [1]):

	Римско-катол.	Греко-катол.	Жиды.
1890—1 года.	7.853 уч.	2.255 уч.	2.326 уч.
1902—3 »	14.479 »	4.373 »	4.694 »

Съ начала 1904 г. было 5.290 учениковъ русскихъ, и изъ нихъ 2.769 посѣщало русскія гимназіи, а 2.521 чел посѣщало польскія гимназіи. Выходитъ, что одна польская гимназія приходится на 120.000 чел. населенія польскаго, а одна малорусская на 800.000 чел. населенія русскаго.

Университетская молодежъ группируется въ своихъ студенческихъ обществахъ: русско-народной партіи въ обществѣ «Другъ», украйнофильской въ «Академічна Громада». Въ народной жизни эта молодежъ принимаетъ живое участіе: въ митингахъ, при открытіи читаленъ и т. д. и всюду даетъ толчокъ къ живому національному движенію въ гал.-русскомъ обществѣ.

Утѣшительное явленіе представляетъ постепенное пробужденіе національного самосознанія и подъемъ умственнаго уровня у гал.-русской женщины, которая до недавна не выходила было изъ своего тѣснаго семейнаго кружка. Впервые въ 70 годахъ XIX ст. учреждено первое «Общество русскихъ дамъ (1878 г.) во Львовѣ. Впослѣдствіи ихъ было учреждено болѣе; явилась писательница и организаторша женскаго пола Наталія Кобрынъская. Живѣйшее женское движеніе совпало съ разгаромъ борьбы въ XX

[1]) Sprawozdania ck. Rady Szkolnej Krajowej o stanie szkół średnich galizyjskich.

вѣкѣ. 2 февраля 1903 г. появился отзывъ группы предпріимчивыхъ лицъ, въ которомъ между прочемъ сказано слѣдующее: «Многострадательная родина наша Червоная Русь переживаетъ нынѣ лютое время внутреннихъ и внѣшнихъ невзгодъ. Въ этой тяжелой борьбѣ за свои священныя права, за свое существованіе и свою народную душу, она не можетъ расчитывать ни на какую постороннюю помощь, но должна опираться только на свои собственныя силы... Пора же, крайняя пора очнуться ей, червонорусской женщинѣ, изъ вѣкового сна, войти въ народную жизнь и вникнуть въ ея суть и нужды, понять свои обязанности относительно родного народа и воодушевиться народно-русскими идеалами, изыскать пути и средства для саморазвитія и самообразованія и приняться, наконецъ, всей душой, всѣми силами своими за сознательный народный трудъ». 12 марта 1903 г. состоялся съѣздъ гал.-русскихъ женщинъ и послѣдствіемъ его было основаніе «Общества русскихъ женщинъ», которое съ начала 1904 г. вошло въ жизнь.

Не прошло и двухъ лѣтъ, а это новое юное общество можетъ похвалиться уже добрыми дѣлами и сказать себѣ, что пустыя фразы къ нему не относятся, что мысль дѣйствительно претворилась въ дѣло. «Вѣночекъ», газетка для дѣтей (3 кор. въ годъ), выходящая 2 раза въ мѣсяцъ, школа кройки и шитья, пансіонъ для бѣдныхъ дѣвушекъ—вотъ реальные плоды этого Общества, руководимаго его иниціаторшей и неутомимой предсѣдательницей Маріей Лѣсковацкой, не говоря уже о нравственномъ его значеніи, о пробужденіи имъ національного чувства и охоты къ народной работѣ у коснѣвшей до этой поры въ невѣжествѣ гал.-русской женщины.

Въ этомъ направленіи еще дѣйствуютъ во Львовѣ «Общество русскихъ дамъ» и «Клюб русских женщин» (украйнофильскій). При нихъ имѣются: «Кружокъ русскихъ дѣвушекъ» (при Обществѣ русскихъ женщинъ) и «Кружок українских дівчат».

Правда, это движеніе обнимаетъ, пока, небольшіе круги, но оно все-таки подаетъ надежду, что гал.-русская женщина станетъ въ недалекомъ времени сознательной русской гражданкой и будетъ работать на поприщѣ національнаго возрожденія Галицкой Руси.

Эта-то интеллигенція ведетъ народное дѣло, борется за народныя права, за поднятіе гал.-русскаго простонародія изъ крайней нужды. Но несмотря на это общее стремленіе, имѣющее своей цѣлью благо народа, среди гал.-русскаго общества господствуетъ во взглядахъ на націонализмъ и будущность гал.-русскаго населенія такое великое разногласіе, что едва кто вступитъ въ предѣлы Галиціи, сейчасъ увидитъ, что этимъ, недавно къ жизни пробужденнымъ обществомъ весьма руководятъ различныя стремленія и

и идеи. Русскихъ галичанъ прежде всего можно раздѣлить на двѣ группы: поклонниковъ идеи единства всей Руси и мечтателей о свободной, независимой Украйнѣ, отдѣльной отъ польской и «московской». Первые считаютъ себя членами русско-народной партіи, вторые же причисляютъ себя къ партіи украйнофильской.

Возрожденная Галицкая Русь очутилась, какъ мы видѣли, между сознаніемъ своего національнаго единства съ прочимъ русскимъ міромъ и стремленіемъ правительства ввести Галицкую Русь въ русло австрійской политики и или совсѣмъ порвать всякія нити, связывающія ее съ державной Русью (въ этомъ случаѣ австрійскіе чиновники считали и хотѣли считать русскихъ галичанъ частью польскаго народа), или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать галицко-русское движеніе безвреднымъ для Австрійской имперіи, но опаснымъ для сосѣдняго государства.

На почвѣ этого противорѣчія между государственной идеей и инстинктивнымъ, впослѣдствіи же вполнѣ сознательнымъ стремленіемъ передовыхъ дѣятелей Галицкой Руси развились въ ней, еще слабой и въ высшей степени податливой на вліяніе правительства, два теченія, которыя, несмотря на различныя видоизмѣненія, волнуютъ Галицкую Русь донынѣ. Полвѣка работаетъ Галицкая Русь надъ вопросомъ на первый взглядъ платоническимъ, но, однако, имѣющимъ великое значеніе: существуетъ ли единая недѣлимая Русь или двѣ *совсѣмъ* отдѣльныя, «отрубныя». Вопросъ этотъ только на первый взглядъ кажется платоническимъ, ибо въ сущности онъ долженъ рѣшить, будетъ ли Галицкая Русь развиваться въ тѣсной духовной связи съ прочимъ русскимъ міромъ, или она отчуждится отъ него въ духовномъ, религіозномъ и пр. отношеніяхъ.

Защитники единства Руси или, лучше сказать, сторонники развитія Галицкой Руси соотвѣтственно исторіи, составляютъ русско-народную партію, которую ея противники называютъ «святоюрской» (движеніе 1848 г. имѣло свой центръ при каѳедрѣ св. Юрія во Львовѣ), «старорусской» въ противоположность «младорусской» (украйнофильской) партіи, и наконецъ «москалефильской» (названіе это употребляютъ теперь какъ поляки, такъ и галицкіе «украинцы»). Принципы, которые исповѣдуетъ эта партія, опубликовала «Русская Рада» второй разъ (первый въ 1866 г.) $^{22}/_{XII}$ 1899 года. «Русско-народная партія въ Галичинѣ исповѣдуетъ, на основаніи *науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія, національное и культурное единство всего русскаго народа*, а посему признаетъ *своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа*. Русско-народная партія въ Галичинѣ твердо убѣждена въ необходимости для русскаго

населенія Австріи образованія и развитія *безъ разрыва связи съ традиціонными основами русскаго народа и вѣритъ, что только на культурно-исторической почвѣ лежатъ пути къ развитію и возвышенію нашего тѣснѣйшаго отечества.*

Задача русско-народной партіи состоитъ въ стремленіи и стараніи не только защитить русское населеніе въ Австріи отъ его національныхъ противниковъ и отъ убійственнаго для русской народности и церкви соціализма, но и путемъ просвѣщенія самой себя и народа, въ духѣ и направленіи, указанныхъ исторіею, развивать его національныя силы.

Принимая во вниманіе принадлежность русскаго населенія въ Галичинѣ къ малорусской отрасли русскаго народа, а также мѣстныя условія, русско-народная партія признаетъ природную необходимость и цѣлесообразность просвѣщать русское населеніе въ Галичинѣ на его собственномъ гал.-русскомъ нарѣчіи, не отказываясь однако отъ помощи, какую русскому народу въ Австріи могутъ дать и дѣйствительно даютъ общерусскій языкъ и общерусская литература, представляющіе національное и культурное выраженіе и сокровище всего русскаго народа» [1]).

Червонороссъ, Великороссъ
Бѣлъ- и Малъ-Россъ—всѣ братья.
Насъ родила одна матерь,
Родна матерь— Русь свята!..

Но не дѣлѣмъ и мы сѣ
Родны братя и сестры,
Бо Русь одна, якъ Богъ одинъ
А не больше, не двѣ-три [2]).

Вотъ главные принципы и мысль этой партіи.

Положеніе русско-народной партіи весьма тяжелое. Съ 1849 г. она находится въ безпрерывной борьбѣ съ правительствомъ, поляками и своими собратьями. Когда въ 1890 г. въ сеймѣ было брошено на нее подозрѣніе въ нелояльности по отношенію къ габсбургской династіи, она совсѣмъ была оттѣснена отъ школъ, такъ что непосредственное вліяніе ея на воспитаніе молодежи было прервано. Любопытное свидѣтельство о томъ далъ проф. университета Михаилъ Бобржинскій, бывшій вицепрезидентъ Рады Школьной Краёвой, который, какъ посолъ, давалъ въ 1901 г. реляцію о своей дѣятельности передъ выборщиками и не замедлилъ при этомъ

[1]) Галичанинъ. 1899 н. 287.
[2]) Иванъ Кумъ. Декламаціи, стр. 17 и 19.

похвастаться плодами своей политики на посту вицепрезидента: «Я встрѣтился съ русскимъ вопросомъ—говоритъ онъ [1])—какъ разъ въ то время, когда намѣстникъ Бадени прекратилъ прежнюю политику относительно русиновъ, преимущественно отпорную, и всю поддержку правительства далъ народовецкой партіи противъ москалефильства... Сообразно оцѣнкѣ русскихъ отношеній при замѣщеніи оффиціальныхъ должностей и мѣстъ, выходящихъ изъ выбора, русины-народовцы получили рѣшительный голосъ, первенство и поддержку. По указаніямъ Краёвой Школьной Рады было исполнено составленіе и изданіе всѣхъ русскихъ книжекъ въ чисто (!) русскомъ языкѣ (смѣсь польскаго), съ научною терминологіею въ національномъ (польскимъ) направленіи и духѣ... Плоды этой политики не пропали даромъ. Москалефильское направленіе, которое безусловно преобладало раньше въ русскомъ обществѣ, утратило свой перевѣсъ—дастъ Богъ безвозвратно,—а новое поколѣніе образуется и развивается въ національномъ направленіи. Чего однакожъ мы не дождались—это тѣни, если ужъ не благодарности, то признательности за то, что мы сдѣлали въ пользу русиновъ (что за претензіи!) прежде всего у народовцевъ. Они сердятся изъ-за того, что мы безотлагательно не исполняемъ каждой ихъ претензіи... Не имѣя, кажется, довѣрія къ собственному труду въ національной области, не желая терпѣливо ждать его плодовъ, развитія своей науки и литературы, они стараются придать ей оригинальность посредствомъ отдѣленія ея отъ польской, посредствомъ внесенія въ нее антипатіи, чтобъ не сказать ненависти, ко всему, что польское. На Школьную Раду, а на меня въ особенности падаютъ громы, ибо *въ школьныхъ книжкахъ* мы не пропустили *историчвскихъ фактовъ, доказывающихъ историческую связь Польши и Руси и не заполнили ихъ описаніемъ братоубійственныхъ козацкихъ войнъ*... Но ихъ національное направленіе мы обязаны поддерживать изъ убѣжденія, что въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ оно выгодно для державы и края» [2])...

Эти искреннія слова вицепрезидента, которыми онъ похвалился лишь нредъ своими выборщиками, характеризуютъ намъ ясно политику польскаго правительства въ Галиціи и объясняютъ въ полной мѣрѣ отношеніе его къ русско-народной партіи.

Чтобы дать нѣсколько свѣжихъ примѣровъ того, съ какими препятствіями встрѣчается эта партія въ Австріи, приведемъ рядъ фактовъ. Учиться русскому литературному языку и писать на немъ признается чуть-ли не государственной измѣной. Въ 1899 г. два ученика черновецкой гимназіи были исключены изъ всѣхъ галицкихъ

[1]) Czas, 1901. n. 213.
[2]) Czas, 1901 n. 213.

и буковинскихъ гимназій, а 3 ученика изъ мѣстной гимназіи—за чтеніе русскихъ книгъ и за распространеніе русскаго литературнаго языка [1]).

Въ юбилейномъ торжествѣ въ честь Пушкина, происходившемъ во Львовѣ, приняли участіе русскіе священники лично или посредствомъ привѣтственныхъ телеграммъ. Администраторъ вдовствующаго тогда греко-катол. Львовскаго капитула о. А(ндрей) Б(ѣлецкій) привлекъ къ отвѣтственности этихъ священниковъ въ оправданіе себя: 1) какъ они могли участвовать въ чествованіи схизматика? 2) какъ они, какъ русины, т. е. малороссы, могли чествовать россіянина, т. е. великоросса [2])? Львовское намѣстничество два раза отклонило уставъ Общества им. А. С. Пушкина, которое должно было открыть курсъ преподаванія русскаго литературнаго языка для своихъ членовъ.

Но несмотря на чувствительные удары, нанесенные русско-народной партіи впродолженіе XIX в. правительствомъ, поляками и собратьями изъ народовецкой партіи, она существуетъ уже полвѣка, дорожа своими народными святынями и непоколебимо стоя при своихъ убѣжденіяхъ, развивается (въ 1903 г. предпринята—главнѣйше покойнымъ О. А. Мончаловскимъ—ея тѣснѣйшая политическая организація) и продолжаетъ усердно работать надъ просвѣщеніемъ крестьянства. Будучи оттѣснена отъ народныхъ школъ, она посредствомъ бурсъ (въ самомъ Львовѣ есть три большія бурсы: Народнаго Дома, содержащая свыше 80 учениковъ, Ставропигійская и крестьянская Св. Владимірскаго Общества) распространяетъ знаніе русскаго языка и русской исторіи между молодежью и укрѣпляетъ ее въ истинно-русскомъ духѣ.

Вторую, украинафильвскую партію составляютъ поклонники сепаратизма Южной Руси и Сѣверной. Пережила она впродолженіе полувѣка своего существованія различныя стадіи развитія, пока наконецъ не сформировалась въ нынѣшнюю фракцію, стремящуюся къ созданію «Украины безъ хлопа, пана и попа». Ея члены стремились сначала развивать Галицкую Русь на почвѣ мѣстной галицкой, провозглашая принципомъ живой мѣстный языкъ, обработывали его въ духѣ воззрѣній правительства и поляковъ и въ тѣсной связи съ польскимъ языкомъ [3]). До 1894 г. они были видными

---

[1]) Галичанинъ. 1899, н. 119 и 120.
[2]) Галичанинъ. 1899, н. 183.
[3]) Нельзя не вспомнить объ *очень тенденціозномъ* изображеніи русско-народной партіи проф. Грушевскимъ, который въ своемъ «Очеркѣ украин. народа» (Спб. 1904.) пишетъ, что партія эта *пользуется поддержкой польской шляхты*, что она старается въ угоду ей вліять *на народныя массы въ духѣ интересовъ шляхты*! Это—ложь, которую проф. Грушевскій привелъ по своему политическому пристрастію! Которая изъ партій пользовалась до недавна поддержкой шляхты, проф. Грушевскій знаетъ прекрасно.

орудіемъ въ рукахъ польскихъ политиковъ, принимая на себя задачу, подобно ославленной «новой эрѣ» 1890 г., дѣйствовать противъ «москвофиловъ». И эту драконовскую задачу украинцы вѣрно исполняли съ княземъ церкви, митрополитомъ Сильв. Сембратовичемъ, цѣлые три года. Называла она себя партіей народовецкой.

Въ эту-то деморализованную массу, выслуживающуюся у поляковъ и правительства, принципами которой были: «католицизмъ, связь съ западомъ, лояльность не только по отношенію къ правительству, но и къ полякамъ, и непримиримая вражда къ Россіи и «москвофиламъ»,—массу, у которой головой былъ А. Барвинскій, прославленный авторъ школьныхъ учебниковъ, имѣющій теперь претензію къ славѣ піонера цивилизаціи Галицкой Руси, личность ищущая выгодъ лишь для себя,—влили новаго, болѣе гуманнаго духа, хотя основаннаго на сепаратизмѣ, но все-таки по крайней мѣрѣ имѣющаго цѣлью благо простонародья, всего народа, хоть и своеобразно понимаемое. Здѣсь дѣятелями на первомъ мѣстѣ стоятъ М. Драгомановъ и Мих. Грушевскій, оба профессора изъ Кіева. Первый изъ нихъ работалъ среди галичанъ, желая найти здѣсь поклонниковъ своихъ демократическихъ идей, и исключительно выходя изъ этой точки зрѣнія. Къ нему примкнули молодые члены «народовецкой» партіи, какъ Иванъ Франко и М. Павликъ, и создалась так. обр. радикальная партія. Второй, проф. М. Грушевскій, былъ приглашенъ на новоосновванную каѳедру малорусской исторіи во Львовѣ въ 1894 году. Съ молодымъ жаромъ и необыкновенной энергіей принялся онъ за осуществленіе своей идеи развитія всего малорусскаго племени отдѣльно отъ прочаго русскаго міра. Онъ оказался замѣчательнымъ организаторомъ, собралъ вокругъ себя молодыя силы и при необыкновенномъ трудолюбіи, рѣдкомъ между русскими галичанами, былъ въ состояніи впродолженіе десяти лѣтъ не только пересоздать въ своемъ духѣ народовецкую партію, но—еще болѣе—до извѣстной степени вытравить изъ нея польско-державные пороки и подвигнуть ее къ добыванію правъ для гал.-русскаго населенія. Поэтому личность этого профессора, несмотря на его сепаратистическія идеи и убѣжденія, заслуживаетъ признанія. Когда на засѣданіяхъ университетскаго собранія профессоровъ польскіе профессора не дозволили ему говорить по-русски, онъ рѣшилъ не принимать участія въ этихъ засѣданіяхъ. [1]) Нынѣшней «національно-демокра-

Точно также если онъ хотѣлъ доказать, что русско-народная партія ничего не работаетъ, что члены ея въ 1866 г. ходили на Высокій Замокъ ожидать прибытія русскихъ войскъ въ Галицію, въ такомъ случаѣ проф. Грушевскій, какъ объективный историкъ, долженъ былъ сказать правду и о народовецкой (украин.) партіи, члены которой въ то же время надѣвали казацкую шляпу на голову, ходили по улицамъ съ пѣсней казацкой на устахъ и ничего не работали, а лишь мечтали о казацкихъ временахъ.

[1]) См. 2 письма его къ Декану унив. (Літер.-наук. Вѣстникъ 1901 г.).

тической» партіей, которая возникла изъ сліянія народовецкой фракціи (М. Грушевскаго) съ группой умѣренныхъ радикаловъ (Ив. Франко и М. Павликъ) на съѣздѣ ихъ 26 декабря 1899 г., руководятъ идеи Драгоманова и М. Грушевскаго, а выраженіемъ ихъ является программа этой «національно-демократичной» партіи отъ 1899 года.

«Идеаломъ нашимъ—гласитъ «водозва Народного Комітета»—повинна бути незалежна (независимая) Русь-Украина, въ якой бы всѣ частины нашой націи з'єднилися въ одну новочасну культурну державу. Але всѣ наши политичны, экономичны и культурны здобутки повинни выходити на корысть цѣлого зачалу нашого народу, на добро широкихъ масъ: нашъ націонализмъ мусить бути наскрозь демократичный. Та поки осягнемо сей нашъ идеалъ: Русь-Украина «безъ хлопа и безъ пана», мусимо на грунтѣ теперѣшныхъ водносинъ и въ рамкахъ австрійской держави працювати въ томъ напрямѣ, щобы здобути для нашой націи якъ найширшу автономію.

Що до россійской Украины—

1) Будемо поддержувати, скрѣпляти та развивати почутье національной едности зъ россійскими Украинцями, та змагати до вытвореня разомъ зъ ними культурной одноцѣльности.

2) Будемо середъ россійскихъ Украинцевъ поддержувати таки змаганя (стремленія), котри ведутъ до перетворенія россійской держави зъ абсолютной и централистичной въ державу конституційно-федералистичну, оперту на автономіи народностей» [1]).

Особую группу въ составѣ украйнофильской партіи составляютъ крайніе радикалы подъ предводительствомъ д-ра Трилёвскаго, которыхъ основной идеей есть «Украина безъ хлопа, попа и пана», и фракція Ал. Барвинского съ печатнымъ органомъ «Руслан», стремленіемъ которой есть: «заботиться о всестороннѣмъ развитіи русского народа въ Галиціи, *яко самостоятельной словенской* народности, отдѣльной отъ польской и московской, и о вскрѣпленіи его силъ во всѣхъ направленіяхъ, а то на народныхъ и на религійно-моральныхъ основаніяхъ». Это—калѣки «народовецкой» правительственной партіи, групирующіеся вокругъ піонера Галицкой Руси и притомъ съ польскимъ лакейскимъ направленіемъ, Ал. Барвинскаго.

Такимъ образомъ, въ составѣ украйнофильской партіи образовались, начиная съ декабря 1899 г., три главныя фракціи: 1) національно-демократическая (передовая партія) съ ея кличемъ: «Украйна безъ хлопа и пана», 2) радикальная съ кличемъ: «Украйна

[1]) Программа напечатана въ «Дѣло» 1899. н. 128.

безъ хлопа, попа и пана» и 3) Барвинчуковская съ кличемъ: Украйна на католическихъ началахъ и въ связи съ Западомъ.

Въ началѣ XX в., послѣ завершонной группировки этой партіи, все зашевелилось въ Галиціи. Покинуты названія «русскій», «Галицкая Русь» «Червоная Русь», а водворились названія «Украина» «украйнскій». Молодежь, будучи (во время своего удаленія) въ университетахъ въ Прагѣ, Вѣнѣ и т. д., подавала опроверженія въ чешскія газеты, которыя осмѣливались называть эту молодежь «русскими студентами»: они-де не «русскіе студенты», а «украинскіе» («Národní Listy» этого опроверженія не приняли). Вездѣ и на каждой страницѣ галицкихъ печатныхъ органовъ нынѣ насчитываются десятки словъ: «Украина, украинскій» и т. п., словомъ въ Галиціи въ началѣ XX в. водворилась «украинская» мода.

Не удивительно, что проф. Грушевскій, уроженецъ Кіева, центра Старой Руси, въ этой названной поляками Украинѣ преслѣдуетъ свою особую политическую цѣль и хочетъ расширить названіе «Украина» на всю южную Русь. Но русскіе галичане, которымъ Украина такъ же дорога, какъ Подолье, Волынь и т. д., дорожатъ и своимъ областнымъ названіемъ «Червоная Русь», древнѣйшимъ, чѣмъ названіе «Украины», и не такъ скоро перемѣнятъ его на «Австрійска Украина» [1]).

Этотъ новонарожденный *политическій* украинизмъ отличается крайнею нетерпимостью ко всему, что̀ ему препятствуетъ, что̀ съ нимъ не согласно. Поэтому, хотя онъ настроенъ противъ господства поляковъ въ Галиціи, однако считаетъ своей не меньшей обязанностью рѣзко выступать противъ всѣхъ, кто не мечтаетъ о «независимой Украинѣ безъ хлопа, попа и пана», и прежде всего и болѣе всего противъ русско-народной партіи, которая осмѣливается утверждать, что галичане должны придерживаться одного корня русскаго. «Наши змаганя — говорится въ ихъ программѣ — мають противниковъ не только середъ чужихъ, але на жаль также середъ своихъ. Поперед всего мусимо поборювати противни змаганя тихъ, що хочь належать до нашей спѣльности, нечують самостойность нашой народности и подъ покрывкою руского имени силуються вынародовити (!) нашъ народъ въ корысть московщины» [2]).

Конечно, всякія стремленія отдѣльныхъ фракцій въ каждомъ обществѣ оспариваютъ себя взаимно. Точно такъ и украйнофильская партія въ Галиціи, желая распространить свое вліяніе на широкіе круги, должна была наткнуться не на одну преграду и препятствія и вступить въ борьбу съ другими партіями. Но подобное тому,

[1]) Такъ называетъ ее проф. Грушевскій (Литер.-наук. Вістник 1906, апрѣль.).
[2]) Водозва. Дѣло. 1899 г. 288.

что дѣлалось въ Галиціи въ первыхъ годахъ XX в., не часто встрѣчается у другихъ народовъ. Какъ уже было отмѣчено, всѣ оттѣнки украйнофильской партіи поставили себѣ задачею преслѣдовать «Москвофильскую партію». «Болячкою на нашім организмі есть москвофільство. Ся болячка не дасть ся загоіти, ії треба *вирізати и випечи*, інакше наш організм народний безнастанно ярити меѣ ся, поки не дійде до цѣлковитого затроєння».—Такой совѣтъ давала «Правда» еще въ 1893 г. [1]). Исполнить же его приняла на себя молодежь, цвѣтъ украинской интеллигенціи въ Галиціи. Галицкая Русь въ нач. XX в. представляла какой-то неимовѣрный образчикъ сумасбродства. За сѣдовласыми стариками шла толпа студентовъ и ругала ихъ: «кацапъ» и др. Студенты обѣихъ партій порвали между собой дружескія отношенія. Во время преподаванія «украйноруськаго» языка во Львовскомъ университетѣ студенты оставили аудиторію, заявивъ, что не хотятъ сидѣть рядомъ съ «москвофилами». Понятно, что профессоръ Колесса, хотя имѣлъ достаточно слушателей, оставилъ аудиторію, удовлетворяя этимъ требованіе «украинскихъ» студентовъ. Цѣлыя страницы газетъ были переполнены взаимными ругательствами изъ-за мѣстной политики. И все это чинилось во имя «будущей независимой Украйны безъ хлопа и пана». Замѣчательно, что сумятица эта происходила въ моментъ общей борьбы съ польскимъ господствомъ въ краѣ. Къ чести русско-народной партіи надо сказать, что она даже въ самый наибольшій разгаръ борьбы не упускала своей главной цѣли: блага народа, нападки же опровергала бодро и съ мужествомъ.

Между резолюціями, принятыми на общемъ собраніи «Русской Рады» 29 мая 1902 г., находились, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя постановленія: (10) «Общое собраніе, стоя непоколебимо на общенародной точкѣ зрѣнія и при убѣжденіи, що несмотря на возникновеніе и существованіе партій въ организмѣ русского народа въ Австро-Угорщинѣ, мирное содѣйствіе существующихъ партій желательно, возможно и необходимо для успѣшной общенародной дѣятельности, для защиты народныхъ правъ, отстаиванія народного достоянія и дальшихъ народныхъ пріобрѣтеній, сожалѣетъ о томъ, що въ такъ называемой національно-демократической партіи захватили правленіе, печать и руководство крайніи алементы, привели ту партію въ просто хаотическое состояніе и придаютъ ея дѣятельности очевидно болѣзненное направленіе, угрожающее культурнымъ паденіемъ русскому народу въ Австро-Угорщинѣ, направленіе, съ которымъ не соглашается даже громадное большинство привержнцевъ той партіи и которое поборивати считаетъ русско-народная партія своимъ священнымъ долгомъ въ виду русского народа.

[1]) Правда 1893 за октябрь, стр 576.

Общее собраніе полагаетъ однако, що теперѣшнее болѣзненное направленіе такъ называемой національно-демократичной партіи лишь временно и що теперѣшнее ея состояніе просто пароксизмъ, противъ котораго въ самой же партіи послѣдуетъ надлежащая реакція со стороны болѣе опытныхъ и благоразумныхъ алементовъ, которыи дорожатъ народнымъ, спокойнымъ, послѣдовательнымъ и успѣшнымъ развитіемъ своего народа. Тогда и лишь тогда можно будетъ опять думать о якой либо совмѣстной общенародной акціи съ нац.-дем. партіею.

(11) признавая чрезвычайно трудное положеніе русско-народной печати въ виду крайне грубого тона и дикихъ выходокъ печати противныхъ партій, свидѣтельствующихъ о полномъ одичаніи нравовъ и усилившихъ партійный антагонизмъ до небывалыхъ, просто чудовищныхъ размѣровъ, общое собраніе взываетъ русско-народную печать, при всей рѣшительности и положительности рѣчей, своимъ обычнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ содѣйствовать умиротворенію страстей, столь необходимому для успѣшной народной дѣятельности».

Борьба эта длится и донынѣ, хотя она происходитъ теперь внутри гал.-русскаго общества. Впрочемъ депутаты обѣихъ партій въ сеймѣ и парламентѣ составляютъ одинъ общій русскій клубъ.

Въ послѣднее время взаимная партійная вражда нѣсколько заглохла, нападки газетъ вдругъ умолкли, такъ какъ приходится съ напряженіемъ ожидать послѣдствій важной реформы выборной системы и охранять свои посты передъ сильнымъ наступленіемъ поляковъ.

Обѣ главныя партіи, такъ расходящіяся въ своихъ взглядахъ, работаютъ однако неустанно надъ просвѣщеніемъ и поднятіемъ гал.-русской населенія, конечно, каждая сообразно своей программѣ.

Въ настоящее время Львовъ—главное средоточіе всей культурной, политической, экономической и т. д. жизни Галицкой Руси. Здѣсь, между прочимъ, находятся общества обѣихъ партій, въ которыхъ объединяются интеллектуальные интересы многихъ гражданъ. Поддерживаемыя пожертвованіями немногочисленной гал.-русской интеллигенціи, общества эти удовлетворяютъ самымъ насущнымъ потребностямъ духовной жизни гал.-русскаго населенія.

Главныя общества во Львовѣ—слѣдующія:

Русско-народной партіи:

1) Галицко-русская Матица учр. 1848 г.
2) Общество им. Качковскаго.

Украйнофильской:

1) Товариство наукове ім. Шевченка (1873)
2) Просьвіта. (1869).

(1874 г.).
3) Пѣвческое общество «Муза».
4) Общество русскихъ дамъ.
5) » » женщинъ. (1903 г.).
6) Русское Касино.
7) Народный домъ.
8) Ставропигійскій Институтъ.
9) «Русская Рада» (полит. общество. 1871 г.).
10) Общество русскихъ студентовъ «Другъ».

3) Пѣвческое общество «Боян» (1891).
4) Клюбъ Русинокъ (1892).
5) Руска Бесіда (1861).
6) Товариство педагогічне.
7) Общество студенческое «Академічна Громада».
8) «Народный Комітетъ» (политическое общество).

Печатные органы этихъ партій:

Русско-народной:

1) Галичанинъ (ежедневная газета).
2) Русское Слово (еженедѣль.). } для народа.
3) Наука. }
4) Страхопудъ (юмористич. журналъ).

Украйнофильской:

1) Діло. } ежеднев. газеты.
2) «Руслан.» }
3) Свобода. Гайдамаки. Руска рада и пр. } для народа.
4) Комаръ (юмористическій журналъ).

На научномъ поприщѣ дѣйствовала «Галицко-русская Матица», старѣйшее общество, основанное въ 1848 г. Изданіе его «Научный Сборникъ» отличался когда-то (1864) большимъ разнообразіемъ научныхъ статей. Не получая никакой поддержки для научныхъ изданій отъ сейма, когда школы были отданы въ руки народовецкой партіи, вслѣдствіе недостатка силъ научныхъ и средствъ матеріальныхъ небыло у Общества возможности поддерживать это изданіе на надлежащей высотѣ. Преобразованное въ 1900 г., Общество издаетъ на литературномъ русскомъ языкѣ «Научно-литературный Сборникъ» (4 книги въ годъ).

«Наукове Товариство им. Шевченка» представляетъ нынѣ выдающійся очагъ научнаго движенія въ Галицкой Руси. Общество это было основано въ 1873 г. во Львовѣ на деньги присланныя изъ Украйны въ цѣляхъ содѣйствія развитію малорусской словесности. Общество долго не проявляло замѣтной дѣятельности. Впервые въ 1892 г. оно принимаетъ названіе «ученаго общества» (Наукове Товариство імени Шевченка) и начинаетъ издавать научный органъ «Записки». Самая коренная перемѣна въ обществѣ наступила съ прибытіемъ въ 1894 г. во Львовъ Мих. Грушевскаго на вновь основанную здѣсь каѳедру малорусской исторіи. Избранный предсѣ-

дателемъ («головой») Общества, онъ успѣлъ втеченіе перваго десятилѣтія дать ему отличную организацію и, благодаря неусыпному своему труду и рѣдкой энергіи, поставить это общество на ту высоту, на какой оно теперь находится. Секцій въ немъ три: историко-философская, филологическая и наукъ матем.-естественныхъ и медицинскихъ. Органъ исторической и филологической секціи «Записки», въ которыхъ печатаются диссертаціи изъ области малорусской исторіи, литературы и этнографіи.

Донынѣ издано 69 томовъ Записокъ. Въ нихъ печатаются преимущественно статьи по малорусской исторіи и почти всѣ онѣ принадлежатъ перу М. Грушевскаго (отчасти Франко и Студинльскаго) и его учениковъ, работающихъ подъ его руководствомъ въ исторической университетской семинаріи. Присылаются статьи и авторами (украйнофилами) изъ Россіи. Кромѣ того ежегодно издается одинъ томъ «Збірник історично-філософічної секціи» (Сборникъ) и филологическій. Здѣсь печатается предпринятый въ большихъ размѣрахъ трудъ М. Грушевскаго: «Історія Украіни-Руси», и уже напечатано 5 томовъ, доведенныхъ до XVI (в. второго изданія вышло три тома и одинъ по-нѣмецки: Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes. Leipzig 1906). Это серіозный историческій трудъ. Онъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ новыхъ изслѣдованій автора, обстоятельный обзоръ всего, что сдѣлано въ этой области.

Изъ вышедшихъ отдѣльныхъ изданій заслуживаютъ особеннаго вниманія:

1) Этнографічной Сбірникъ (Этнографическіе матеріалы).

2) Жерела до істориі Украіни-Руси.

3) Памятки Украінской мови і літератури.

4) Часопись Правнича и Экономічна (Юридическій журналъ).

5) Літературно-науковий Вістникъ (съ 1898). Ежемѣсячный журналъ.

6) Руська історична Библіотека (по преимуществу переводы).

7) Украінсько-руська библіотека издаетъ украинскихъ классиковъ.

Благодаря «Науковому Товариству ім. Шевченка» поддерживается въ Галиціи и научное движеніе, хотя этому обществу приходится немало бороться съ недостаткомъ научныхъ силъ. Еслибы въ изданіяхъ Товарищества было больше объективности и они освободились бы отъ политической тенденціи, которая замѣчается во многихъ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ (теорія отрубности «украинскаго» народа отъ великорусскаго внушаетъ авторамъ *вездѣ* искать аргументовъ для этой цѣли), то значеніе этого общества для Галицкой Руси и *вообще для науки* было бы несомнѣнно.

Для культурной исторіи Галицкой Руси большое значеніе

имѣетъ Библіотека, содержимая «Народнымъ Домомъ» и доступная (съ 1903 г.) для широкой публики: за время 1903—1905 гг. былъ значительный наплывъ читателей въ эту библіотеку, о чемъ свидѣтельствуютъ цифровыя данныя за этотъ періодъ выдано 23.404 книги. Библіотека посѣщается преимущественно унив. студентами и гимназистами. Библіотека имѣетъ 52.118 книгъ и брошюръ въ 81.785 томахъ, рукописей 665, и располагаетъ сочиненіями по богословскимъ наукамъ, исторіи и языковѣдѣнію, особенно по славистикѣ, австро-русской словесности и областной исторіи; недостаетъ же ей новѣйшихъ сочиненій по законовѣдѣнію, медицинѣ и техникѣ [1]).

Кромѣ того «Народный Домъ» содержитъ «Археологическій музей и естественный кабинетъ» (509 предметовъ). Пока это лишь только зачатки учрежденій этого рода. Археологическій музей имѣется также при Ставропигійскомъ Институтѣ, а «Товариство» содержитъ библіотеку (около 7000 соч.).

Культурнымъ потребностямъ гал.-русской интеллигенціи имѣетъ удовлетворить въ будущемъ и малорусскій театръ, на созданіе котораго собираются пожертвованія. Замѣчательно, что сеймъ, который помогаетъ польскимъ театрамъ, давалъ на созданіе малорусскаго театра пособіе въ 300,000 коронъ, но съ такими тяжелыми и обидными условіями, что въ устроенномъ малорусскомъ театрѣ хозяевами были бы одни поляки. Поэтому комитетъ по постройкѣ театра сеймоваго пособія (выдаваемаго изъ подлежащихъ областныхъ фондовъ) не принялъ.

Книжныхъ магазиновъ во Львовѣ 2; они содержатся Ставропигійскимъ Институтомъ и Товариствомъ, такъ что теперь уже нельзя жаловаться на затрудненія въ пріобрѣтеніи книгъ. Научное движеніе въ Галиціи является продуктомъ дѣятельности лишь незначительнаго круга лицъ. Среди молодого поколѣнія замѣчается большое рвеніе къ наукѣ и жажда къ культурнымъ новостямъ.

Въ настоящее время научное движеніе въ Галиціи почти всецѣло находится въ рукахъ украйнофильской партіи, такъ какъ украйнофилы располагаютъ университетскими каѳедрами и учащаяся молодежь работаетъ подъ ихъ руководствомъ. Кромѣ того, лишь эта партія получаетъ пособіе изъ сейма, тогда какъ русско-народная партія на свои изданія не получаетъ ни копѣйки.

Но въ области народнаго просвѣщенія обѣ главныя партіи наравнѣ развиваютъ живую дѣятельность, которая, однако, еще не можетъ и въ самой малой части удовлетворить нуждамъ гал.-русскаго крестьянства.

40-лѣтняя (съ 1867 г.) дѣятельность Совѣта Школьнаго Краё-

[1]) Вѣстникъ Народнаго Дома.

ваго (Rada Szkolna Krajowa) не принесла замѣтной пользы всему населенію въ Галиціи, но фатально отразилась на гал.-русскомъ простонародіи.

Послѣ переписи 1901 г. въ Галиціи всѣхъ анальфабетовъ (т. е. неграмотныхъ) было 3.437.844 (выше 6 лѣтъ жизни), т. е. въ сравненіи со всѣмъ населеніемъ Галиціи этого возраста: 56. 58%.

На мужчинъ приходится 25. 55% на женщинъ 31. 03%

Поляковъ:	Русскихъ:
анальфаб. 1. 413. 349 (41. 4%)	2. 098. 584 (67%)

На молодежь обоего пола отъ 13—21 годовъ жизни приходится:

Поляковъ:	Русскихъ:
аналфаб. 29. 1%	анальфаб. 63. 2%. (2 раза больше!)

Поляки, впрочемъ, возражаютъ, что въ данномъ случаѣ виноваты сами русскіе галичане, ибо они имѣютъ столько же школъ народныхъ, какъ и поляки, и доказываютъ правдивость своихъ словъ цифрами:

Въ $190^2/_3$ г. было народныхъ *дѣйствующихъ* школъ:

Польскихъ	Русскихъ
2. 131.	2, 035.

Но надо имѣть въ виду, что польскія школы по большей части двухъ-трехъ-классныя. Русскія же почти всѣ одноклассныя. Далѣе гал.-русскія дѣти должны обучаться польской грамотѣ, которой напрасно посвящается очень много времени, такъ какъ училищный инспекторъ-полякъ, при посѣщеніи школъ, обращаетъ особенное вниманіе на то, умѣютъ ли русскіе дѣти правильно говорить по-польски. Поэтому-то и явился такой громадный процентъ неграмотности среди гал.-русской молодежи въ 13—21-лѣтнемъ возрастѣ.

Два главныя общества посильно дѣйствуютъ въ интересахъ просвѣщенія гал.-русскаго крестьянства: «Общество им. Качковскаго» (русско-народной партіи) и «Просьвіта» (украйнофильское). Общество им. Качковскаго, учрежденное въ 1874 г. Иваномъ Наумовичемъ, просвѣтителемъ Галицкой Руси, дѣйствуетъ и понынѣ и уже имѣетъ за собой большія заслуги. На знамени этого общества написанъ слѣдующій эпиграфъ: «Молися, учися, трудися, трезвися» и во имя его Общество энергически работаетъ. «Задача, которую общество себѣ поставило, есть расширять между русскимъ народомъ въ Австріи науку, любовь къ праведному церковному обряду, религійность по правильному своему обряду, обычайность, трудолюбіе, трезвость, бережливость» и пр.

Для достиженія задачи общества служатъ слѣдующія средства:

а) изданіе популярныхъ, поучительныхъ и дешевыхъ книжечекъ и газетъ;

б) основаніе стипендіальныхъ фондовъ для русско-народной учащейся молодежи;

в) основаніе бурсъ,

г) » читаленъ.

Въ задачи общества также входятъ:

Публичные отчеты, музыкальные вечера, театральныя представленія и основаніе: обществъ тверезости, земледѣльско-промышленныхъ кружковъ, сполокъ молочарскихъ (молочныхъ фермъ), ссыповъ сбожа (складовъ зерна), крамницъ и купеческихъ лавокъ (магазиновъ и лавокъ), пожичковыхъ кассъ (сберегательныхъ кассъ), доброохотныхъ пожарныхъ дружинъ и пр. Кромѣ того, Общество ежегодно устраиваетъ во Львовѣ для крестьянъ вольные курсы садоводства. Въ послѣднее время Общество завязало сношенія съ чешскимъ «Господарскимъ Союзомъ» и послало туда на первый разъ пять крестьянъ на курсы земледѣлія, которые, навѣрное, въ непродолжительномъ времени получатъ у народа довѣріе и несомнѣнно послужатъ къ пріумноженію свѣдѣній у гал.-русскаго крестьянина.

Для народа ежемѣсячно издаются книжечки, въ которыхъ помѣщаются статьи различнаго содержанія: историческаго, патріотическаго, юридическо-экономическаго, медицинскаго и пр. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и «Просьвіта» (учрежденная въ 1869 г.).

Всѣхъ читаленъ Общества Качковскаго и «Просьвіты» насчитывается около 3000, читаленныхъ кассъ до 250, складовъ хлѣба около 150 и деревенскихъ лавочекъ около 600. Число членовъ у обоихъ обществъ до 17.000 [1]).

Для народа обѣ партіи издаютъ также газеты, а именно: Русско-народная партія: «Русское Слово» (еженедѣльно) и «Наука». Украйнофильская всѣхъ группъ: 1) «Гайдамаки», 2) «Свобода», 3) «Руска Рада», 4) «Хлопска Правда» (радикальная) 5) «Поступ», 6) «Міссіонаръ» (изд. Василіанъ—направленіе клерикальное), «Наука і Розвага» (соціалистическая).

Хотя дѣятельность этихъ обществъ не можетъ быть сравниваема съ такими богато обставленными польскими обществами, какъ «Towarzystwo Srkoły Ludowej», «Macierz Polska», «Towarzystwo kòłek rolnicznych», но все-таки, она представляла бы весьма утѣшительное явленіе, еслибы русскіе галичане въ эту область, по крайней мѣрѣ, не вводили политики. Къ великому сожалѣнію, и въ этой области несчастная политика занимаетъ если не первое,

[1]) Срв. Д-ръ Ил. Святицкій: Итоги культурно-національной жизни Гал. Руси въ 1903 году (Живая Мысль 1904, стр. 228).

то весьма замѣтное мѣсто: узко-партійные интересы и взаимная вражда и здѣсь выступаютъ постоянно и тормозятъ важнѣйшую работу надъ истиннымъ просвѣщеніемъ гал.-русскаго крестьянина.

Вообще, въ галицкой литературѣ, и даже въ научныхъ разсужденіяхъ вездѣ рѣзко выступаетъ политическая тенденція, что̀ самымъ пагубнымъ образомъ вліяетъ на общій уровень просвѣщенія и культурности гал.-русскаго народа. Изъ виднѣйшихъ современныхъ гал.-русскихъ беллетристовъ болѣе извѣстны: Ив. Франко и Василій Стефаникъ (правдивый художникъ въ изображеніи тяжелой доли русскаго крестьянина), Василій Залозецкій, полное изданіе сочиненій котораго выйдетъ въ непродолжительномъ времени на литературномъ русскомъ языкѣ.

Движеніе въ литературно-научной области зависитъ, понятно, въ большой степени отъ матеріальныхъ средствъ. Интересны сравнительныя данныя о томъ, какъ помогаетъ сеймъ польскимъ и русскимъ обществамъ, преслѣдующимъ цѣли культурно-просвѣтительной дѣятельности.

I. Частнымъ школамъ и воспитательнымъ заведеніямъ сеймъ назначилъ на 1905 годъ пособія:

Польскимъ:	*Русскимъ:*
60.490 коронъ	12.200

II. Обществамъ для поощренія науки и просвѣщенія:

Польскимъ обществамъ:	*Русскимъ:*
118.400 коронъ.	32.900.
Изъ этой суммы Академіи наукъ въ Краковѣ 79.000 коронъ	Изъ этой суммы Науковому Тов. им. Шевченко 11.000 коронъ

III. Театрамъ:

Польскимъ (въ Краковѣ и Львовѣ)	*Малорусскому* театру, содержимому «Русской Бесѣдой»
126.696 коронъ	18.500 коронъ

IV. Учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и др.

Польскимъ:	*Русскимъ:*
46.600 коронъ	Ничего. Опредѣлено лишь 3500 кор., которыя имѣютъ быти Выдѣломъ Краёвымъ раздѣлены между польскими и русскими обществами: «Lutnia», «Echo», «Harmonia» (польскія) и «Боянъ» (русское общество).

V. *Поддержаніе историческихъ памятниковъ* [1]).

Польскихъ:	*Русскихъ*:
104.140 коронъ	*500* коронъ на реставрацію церкви въ Ляшкахъ и на реставрацію *жидовской* божницы въ Жолквѣ *1000* коронъ.

Общая сумма сеймовыхъ субсидій на просвѣтительныя цѣли

польскихъ:	*русскихъ*:
456.326 коронъ.	64.100 коронъ.

Вотъ въ цифрахъ доброжелательство поляковъ къ русскимъ галичанамъ!! Припомнимъ, что субсидіи получаетъ только украйнофильская партія, и то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, притомъ съ предупрежденіемъ, что субсидія будетъ выплачена лишь въ томъ случаѣ, если изданія окажутся полезными и не будутъ содержать вредныхъ тенденцій (понятно: для поляковъ). Такъ, имѣется такое предупрежденіе относительно «Просвіты», изданія которой пересматриваются Выдѣломъ Краевымъ и уже послѣ цензуры Выдѣла выплачивается сумма въ 6000 коронъ.

Русско-народная партія не получаетъ отъ сейма ни копѣйки какъ на свои изданія, такъ и на научныя и просвѣтительныя цѣли, почему ограничивается въ своемъ бюджетѣ пожертвованіями своихъ сочленовъ. Въ 1906 г. смягчилось политическое сердце поляковъ и они — о чудо! — опредѣлили Обществу им. Качковскаго, противъ котораго въ сеймѣ многіе годы не прекращались между русскими и польскими послами ожесточенные споры, — 6.000 коронъ! Всѣ другія общества не получаютъ, по прежнему, ни копѣйки, хотя члены русско-народной партіи также вносятъ податные оклады и всякіе мѣстные сборы, которыми располагаетъ областной сеймъ почти исключительно для просвѣтительныхъ польскихъ и «украинскихъ» цѣлей и потому, казалось-бы, имѣютъ полное право пользоваться этими средствами на общественную пользу. Между тѣмъ, изданія этой партіи проявляютъ лишь одинъ грѣхъ: признаютъ единство всей Руси, отличаясь объективностью, безпристрастіемъ и умѣренностью въ большей степени, чѣмъ украйнофильская партія.

Всѣ стремленія русскихъ галичанъ должны быть, конечно, направлены къ тому, чтобы поднять себя въ экономическомъ отношеніи и добыть для себя нужныя матеріальныя средства, такъ какъ лишь съ подъёмомъ экономическаго благосостоянія возможна продуктивная культурно-просвѣтительная работа независимо отъ доброй воли польскаго сейма. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи

[1]) Всѣ цифры заимствованы изъ: Allegaty do sprawozdań stenograficznych Sejmu Krajowego z II sesyi VIII Peryodu 1904 r. Al. 36—37.

Галицкая Русь только положила начало. По изслѣдованію д-ра Ил. Святицкаго [1]) въ 1902—3 году у Галичанъ работало 62 экономическихъ общества, а именно: 53 кредитныхъ, 8 торговыхъ, 1 хозяйственное, 2 промышленныхъ, 2 продуктивно-торговыхъ и 1 страховое. Годовой оборотъ всѣхъ этихъ обществъ достигъ 26.146.639 коронъ при 24.204 членахъ. Изъ этихъ обществъ товарищество «Народная торговля» во Львовѣ съ 16 своими провинціальными отдѣленіями имѣло наибольшій годичный оборотъ. . 6.965.883 коронъ.

Кредитное т-во «Днѣстеръ» во Львовѣ	1.599.172 коронъ	съ 2.392 членами.
Т-во «Краёвый союзъ Кредитовый»	1.477.066 »	
Т-во «Вѣра» въ Перемышлѣ.	1.450.321 »	съ 1.357 членами.
Задатковая (учетная) касса въ Радымнѣ	1.064.850 коронъ	съ 1.168 членами.
Страховое т-во «Днѣстеръ» во Львовѣ	ок. 250.000	страховыхъ полисъ.

Итакъ, Галицкая Русь, несмотря на многочисленность своего населенія (свыше 3 милліоновъ), располагаетъ, однако, весьма небольшими наличными средствами и, въ виду несравненно большихъ наличныхъ средствъ, накопленныхъ въ рукахъ поляковъ и евреевъ, она ужасающе бѣдна и безсильна [2]).

Пора же образумиться русскимъ галичанамъ и отъ внутренней «политики тумана» и ожесточенной взаимной борьбы перейти на путь реальнаго плодотворнаго труда къ экономическому подъему своей страны, и такимъ образомъ обезпечить и свое политическое существованіе.

---

[1]) См. Д-ръ Ил. Святицкій: Итоги культурно-національной жизни Галицкой Руси 1903 г. (Живая Мысль 1904, стр. 295).

[2]) Тамъ-же, стр. 298.

V.

Послѣдній годъ [1]).

Прошелъ годъ по написаніи этого очерка. Атмосфера въ Галицкой Руси съ тѣхъ поръ не только не очистилась, но стала еще болѣе тяжелой и душной, пропасть между польскимъ и русскимъ населеніемъ Галиціи еще углубилась. Борьба кипитъ все по прежнему, неустанно, поглощаетъ всѣ наилучшія силы русскихъ галичанъ, приводитъ ихъ въ нѣкоторыхъ своихъ эпизодахъ къ отчаянію въ такой степени, что приковываетъ къ себѣ вниманіе европейскаго міра, занятого и безъ того столь важными злободневными вопросами.

Какъ прежде, такъ и въ послѣднемъ году, русскіе галичане добиваются своихъ правъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ: политическомъ, культурномъ и административномъ. Предпринятая австрійскимъ правительствомъ реформа выборной системы, на которую галицкіе русскіе возлагали столько надеждъ, уже доведена до конца и 26 января 1907 г. получила императорскую санкцію. Правда, она вводитъ прямое общее, тайное и равное право выборовъ, опирается на демократическія начала, даетъ возможность принимать активное участіе въ политической жизни широкимъ кругамъ общества. Но мыслимо ли, чтобъ Галицкая Русь получила соотвѣтственное ея населенію количество депутатовъ и, по крайней мѣрѣ въ началѣ XX в., дождалась лучшей доли за столько испытанныхъ ею кривдъ и бѣдствій?! Нѣтъ, это рѣшительно невозможно, ибо это означало бы нарушеніе «stanu posiadania (status possidendi) поляковъ въ русской части Галиціи, ergo противорѣчило бы этикѣ польской! И «польское коло» депутатовъ такъ долго грозило правительству крушеніемъ внесеннаго проекта выборной реформы, *пока измѣненіе выборной системы не связалось тѣсно съ обезпеченіемъ польскаго господства въ Галиціи.* И вотъ въ отношеніи къ одной только *русской* части Галиціи правительство приняло особенную мѣру, т. е. ввело пропорціональную систему, которая по словамъ поляковъ имѣетъ цѣлью обезпечить польское населеніе въ Восточной Галиціи, на дѣлѣ же удержать гегемонію поляковъ въ этой территоріи.

[1]) Это дополнительная глава написана въ апрѣлѣ сего 1907 г. *Ред.*

Новая выборная система представляется въ общихъ чертахъ таковою: устранены выборныя куріи, а введены выборные округи: а) городскіе (посылаютъ, за исключеніемъ столичныхъ городовъ, по 1 депутату) и б) сельскіе (по 2 депутата изъ одного округа). На общее число 516 депутатовъ Галиція посылаетъ 106.

Въ Восточной русской Галиціи польскій элементъ *(вмѣстѣ съ евреями,* причисляющимися къ польской національности) группируется въ городахъ и тамъ имѣетъ перевѣсъ надъ русскимъ элементомъ. *Къ обезпеченію интересовъ меньшинства русскаго населенія* въ городахъ Восточной Галиціи не принято никакихъ мѣръ; тамъ можетъ быть избранъ лишь депутатъ-полякъ.

Въ сельскихъ же округахъ русское населеніе имѣетъ огромный перевѣсъ надъ польскимъ элементомъ. Но тутъ *польское меньшинство обезпечено* такимъ образомъ, что округа чисто русскіе отдѣлены отъ смѣшанныхъ—съ русскимъ и польскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ русскіе галичане могутъ избрать при благопріятныхъ обстоятельствахъ:

а) въ 9 чисто русскихъ округахъ (по 2 депутата) = 18,

б) въ 10 смѣшанныхъ (1 русскій и 1 польскій депутатъ) = 10, итого 28 русскихъ депутатовъ, между тѣмъ какъ польскихъ депутатовъ Галиція посылаетъ въ перламентъ 78, или въ общихъ цифрахъ получается такая пропорція:

110.000 русскихъ Галичанъ имѣютъ 1 депутата
50.000 поляковъ » также 1 депутата, т. е. 1 полякъ значитъ столько, сколько 2 русскихъ! Вотъ эта новая демократическая выборная реформа!

Если же принять во вниманіе, что при прежнихъ выборахъ пускались въ ходъ съ польской стороны всякія средства и репрессіи, то нельзя не сомнѣваться, будетъ ли избрано въ смѣшанныхъ округахъ даже и 10 русскихъ депутатовъ и дойдетъ ли число всѣхъ русскихъ депутатовъ изъ Галиціи при настоящихъ выборахъ въ маѣ с. г. до 28? [1]).

Жестокая борьба кипитъ и въ области культурной. Университетскій вопросъ снова на очереди; русскіе студенты въ началѣ 1907 года вслѣдствіе пренебреженія правъ русскаго языка пришли въ столкновеніе съ университетскими властями, въ стѣнахъ университетскаго зданія дѣло дошло до кровопролитія, до кулачной расправы, до разгрома университетскаго зала; польская пресса, польскіе университетскіе профессоры взываютъ къ польскимъ властямъ въ Галиціи, приглашая ихъ къ подавленію силой студентскаго движенія; происходятъ массовые аресты—свыше 70 русскихъ студентовъ (изъ украйнофильскаго лагеря), которыхъ помѣщаютъ въ нездоровыхъ казаматахъ, польскія судеб-

[1]) Въ дѣйствительности выбрано 27. *Ред.*

ныя власти продолжаютъ слѣдствіе въ теченіе 3 недѣль, заключенные студенты воздерживаются отъ пищи, начинаютъ «голодную забастовку», европейская пресса бьетъ въ набатъ, и лишь подъ давленіемъ европейскаго общественнаго мнѣнія и центральнаго вѣнскаго правительства студентовъ освободили и вѣнскій судный трибуналъ долженъ теперь заняться дѣломъ о преступленіи русскихъ студентовъ. Разрывъ произошелъ не только между русской и польской молодежью, но также между польскими и русскими профессорами Львовскаго университета. Когда польскіе профессора издали заявленіе, въ которомъ высказались за польскій характеръ университета и выслали для передачи этого заявленія правительству депутацію въ Вѣну, сдѣлано было и со стороны русскихъ профессоровъ Львов. унив. *безъ различія партій* заявленіе въ защиту правъ русскихъ галичанъ во Львовскомъ университетѣ. Правительство пока что ничего еще не сдѣлало къ устраненію анормальныхъ отношеній въ университетѣ; депутаціи русскихъ профессоровъ, которая на дняхъ передала ему свое заявленіе, оно повторило старую пѣсенку: теперь не настало время для учрежденія особаго русскаго университета; русскіе должны удовлетворять свои культурныя потребности во Львовскомъ университетѣ; итакъ положеніе все безъ перемѣны, грозное...

Въ области административной пренебреженіе правъ русскаго языка снова на очереди; сеймъ принялъ въ мартѣ с. г. рядъ резолюцій, которыя расширяютъ автономію Галиціи, и тѣмъ самымъ укрѣпляютъ господство поляковъ въ цѣлой Галиціи. Къ такимъ резолюціямъ принадлежитъ резолюція о должностномъ языкѣ въ автономныхъ органахъ (на дняхъ она получила императорскую санкцію), резолюція о расширеніи власти «Рады (Совѣта) Школьной Краёвой» и пр. и пр.

Но все-таки балансъ этой годичной борьбы, въ сравненіи съ прошлыми годами, представляется нѣсколько лучшимъ. Выборная реформа, хотя столь несправедливо примѣненная, даетъ бо́льшее число депутатовъ (вмѣстѣ съ Буковинскими будетъ 33), которые при солидарности и въ союзѣ съ другими партіями могутъ представлять нѣкоторую силу въ думѣ державной; затѣмъ она дала возможность на тысячахъ вѣчь (собраній) освѣдомить народъ и втянуть широкіе круги въ сферу народной работы; университетскій вопросъ сталъ злободневнымъ и обратилъ вниманіе всей Европы на Галицкую Русь, вызвалъ сочувствіе такихъ богатырей мысли, какъ наприм. Бьернсонъ, придалъ гал.-русскому населенію энергіи къ борьбѣ, на глазахъ нашихъ съ каждымъ днемъ усиливающейся и представляющей единственный выходъ изъ невыносимаго положенія.

VI.

Общій выводъ. Значеніе Галицкой Руси для русскаго міра.

А теперь вмѣсто предисловія—послѣсловіе.

Не одному, можетъ быть, русскому читателю предложенная картина печальнаго состоянія Галицкой Руси покажется начертанной въ очень черныхъ краскахъ и потому мало вѣроятной и односторонней. Вотъ нашъ отвѣтъ.

Если въ это картинѣ много горечи, то пускай отвѣчаютъ тѣ, кто является виновниками всѣхъ бѣдъ Галицкой Руси. Мы съ своей стороны можемъ смѣло сказать одно: что картина наша, нарисованная по первоисточникамъ, такова, *какою она есть* на самомъ дѣлѣ. Еслибы у насъ былъ подъ руками полный матеріалъ для нея, когда бы мы могли узнать всѣ интриги польскихъ министровъ въ Вѣнѣ, какъ уже знаемъ интриги А. Голуховскаго изъ сочиненія Лозинскаго, изъ коихъ лишь немногія доходятъ до свѣдѣнія широкой публики и лишь послѣдствія которыхъ мы отчасти можемъ теперь видѣть,—несомнѣнно нашъ очеркъ представилъ бы еще болѣе ужасную картину.

Галицкая Русь—это страна, которая, должна привлекать къ себѣ взоры всего русскаго міра по разнымъ важнымъ вопросамъ. Вопросы эти не могутъ быть для русскаго гражданина безразличны, особенно въ ту пору, когда Державная Русь сама переживаетъ эпоху великихъ реформъ. Галицкая Русь—это микрокосмъ, въ которомъ сосредоточилась вѣковая борьба двухъ элементовъ: русскаго и польскаго, и двухъ теченій: восточнаго и западнаго. Борьба эта, несмотря на то, что измѣнились первоначальныя отношенія двухъ борющихся сторонъ, продолжается на Галицкой территоріи и ведется все болѣе ожесточенно. Вѣковые антагонизмы, національные и религіозные, ожили со всей силой, и надъ ними господствуетъ одно стремленіе—создать Польшу въ границахъ Ягеллоновъ «od morza do morza» съ Литвой и Южной Русью [1]).

---

[1]) Характеристичны въ этомъ отношеніи резолюціи польскихъ университ. студентовъ на митингѣ ихъ во Львовѣ въ мартѣ 1906 г., въ которыхъ они мотивируютъ свои права по отношенію къ львовскому университету тѣмъ, что Галицкая Русь—это часть Рѣчи Посполитой («to część Rzeczy pospolitej polskiej»). Срав. Примѣчанія къ этому рѣшенію польскихъ студентовъ: проф. Грушевскаго «Із Австрійской Украіни» (Літературно-наук. Вістник—апрѣль 1906 г.).

Борьба эта представляетъ намъ печальное зрѣлище: непримиримую вражду двухъ стихій,—вражду, которую не ослабили ни вѣковыя страданія, ни трагическое паденіе Польши. Эти «свободолюбивые» поляки, эти «мученики за идеи вольности, братерства и рувности», которые сами и посейчасъ ведутъ упорную борьбу за свое политическое существованіе и за сохраненіе своего національнаго облика, а всѣ препятствія, встрѣчающіяся на пути ихъ народному движенію въ Россіи и Пруссіи, ославляютъ на весь міръ, какъ варварство,—эти самые поляки показали себя въ Галиціи во всей наготѣ своего народнаго характера....

Всѣ воззванія объ общечеловѣческихъ правахъ, во имя которыхъ поляки не перестаютъ аппелировать къ русскому правительству, звучатъ въ ихъ устахъ фальшиво и вѣроломно, пока они здѣсь, въ Галиціи, не дадутъ очевидныхъ доказательствъ того, что они считаютъ эти общечеловѣческія основныя права не за пустыя фразы, но за дѣйствительныя правовыя начала, которыми они будутъ руководствоваться относительно слабѣйшаго русскаго элемента въ Галиціи.

Польско-русскія отношенія въ Галиціи — это неоцѣненная наука и для Державной Руси. Послѣдняя должна наконецъ обезпечить слабѣйшій элементъ русскій въ Южной Руси, если не желаетъ, чтобъ поляки посредствомъ искусно разставленныхъ здѣсь топкихъ сѣтей конституціонной формы правленія закрѣпостили его и захватили въ сферу своего губительнаго вліянія и власти, какъ это произошло въ Галиціи.

Исторія Галицкой Руси въ новѣйшее время имѣетъ также далеко не второстепенное значеніе для Россіи и по другому вопросу. Здѣсь ведется еще другая борьба, внутренная, въ самомъ гал.-русскомъ обществѣ, глубоко затрагивающая весь русскій организмъ,—борьба, быть можетъ, имѣющая великое значеніе для будущности всей Руси. Здѣсь уже свыше полувѣка не погасаетъ борьба за одинъ принципъ: существуетъ ли одна недѣлимая святая Русь, и будетъ ли въ будущемъ Русь составлять одинъ, хотя разнообразный, но сильно сплоченный въ себѣ организмъ, или Русь распадется на дробные атомы? Исторія Галицкой Руси со второй половины XIX в. даетъ утѣшительный отвѣтъ: что сознаніе племенного единства Руси еще очень сильно, и тѣмъ не менѣе однако, надъ укрѣпленіемъ этого сознанія надо еще много работать. Полвѣка, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны правительства, поляковъ и своихъ собратій, бо́льшая часть галицкаго общества заявляетъ громко эту идею единства. Исторія Галицкой Руси со второй половины XIX в. поясняетъ намъ, что вражда къ Россіи, какой отличается нынѣ политическая украйнофильская партія съ своимъ сепаратизмомъ, коренится отчасти въ

беззаботномъ отношеніи самого русскаго правительства къ малорусскому племени. Еще въ 1870 г. Н. И. Костомаровъ обратилъ вниманіе на то, какъ этотъ народъ долгіе вѣка тянулъ къ Россіи и, отдавшись въ XVII вѣкѣ добровольно русскому государству, жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ, бывъ оставленъ Россіей подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія.

И теперешній моментъ рѣшаетъ, какъ кажется, судьбу южнорусскаго и бѣлорусскаго населенія. Сложныя формы конституціоннаго правленія представляютъ великую опасность для Южной Руси и, прежде всего, для бѣлорусскихъ округовъ, въ которыхъ преобладаетъ польскій интеллигентный элементъ. Обезпечить злополучную долю южно-русскаго простонародья съ самаго начала, когда представляется къ тому самое удобное время, не отдать изъ него ни одной русской души на произволъ судьбы, «въ неволю ляховъ-пановъ», и не допустить осуществленія притязаній Поляковъ на южно-русскія земли (чему уже даны доказательства: обращеніе уніатовъ въ католиковъ въ холмскомъ краѣ, прошлые думскіе выборы и польскія заявленія въ этомъ дѣлѣ), а *прежде всего заботиться о просвѣщеніи и экономическомъ подъемѣ южно-русскаго и бѣлорусскаго крестьянства* [1])—вотъ нынѣ самый священный долгъ политически-обновленной Россіи. Лишь при такихъ условіяхъ станетъ въ Россіи немыслимъ украйнофильскій сепаратизмъ и раздастся кличъ, который, какъ нѣкогда заявленіе «Переяславской Рады» посламъ московскаго царя, будетъ гремѣть по всей южной Руси: «*Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобы мы на вѣки были едино*»!

[1]) Полезной можетъ быть тутъ брошюра: прив.-доцента Григорьева, который, изучивъ отношенія въ Галиціи, даетъ совѣтъ, какъ надо заботиться о просвѣщеніи южно- и бѣлорусскаго племени. Брошюра носитъ заглавіе: «Ближайшія культурныя задачи въ Привислянскомъ краѣ» 1906 г. (Оттискъ изъ фельетоновъ «Галичанина» за 1905 г.).

Приложеніе 1

МАДЬЯРЫ и СЛАВЯНЕ
ВЪ ПРОШЛОМЪ.

Историческія справки о славизмѣ въ государственной жизни Угріи

„Соедините ваши сердца съ Славянами соедините съ ними вашъ трудъ. Среди сла-; вянскаго міра нашлось мѣсто для вашего доблестнаго и своеобразнаго народа: найдется мѣсто и для вашего доблестнаго, своеобразнаго труда въ великомъ подвигѣ, который долженъ быть предпринятъ славянскимъ міромъ для всего человѣчества".

А. Гильфердингъ, Собр. Соч., т. II, 1868.

Мм. Гг.

Въ ископной многовѣковой борьбѣ славянскаго міра съ германскимъ за свою національную самобытность и политическую независимость, за свою культурную индивидуальность и религіозныя вѣрованія— силою вещей приняли то или другое участіе многія племена инородческія, были ли то временные непрошеные гости Европы, искавшіе боевой славы и добычи, или народности искони прочно осѣвшія въ границахъ грекославянскаго міра, преимущественно на его западныхъ окрайнахъ. Многимъ изъ нихъ приходилось играть немаловажную роль въ исторіи этой великой борьбы, справедливо названной „главною осью, около которой обращается историческое колесо многовѣковой богатой и разнообразной жизни христіанско-арійскихъ племенъ Европы и Азіи" [1]). Но

[1]) В. Ламанскій, объ истор. изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ (СПб., 1871).

никому изъ этихъ инородцевъ, ни Литовцамъ, ни сѣверозападнымъ Финнамъ, ни Румынамъ, ни тѣмъ менѣе Албанцамъ, ни разнымъ азіатскимъ пришельцамъ, начиная съ Гунновъ и кончая Монголами, даже самимъ Туркамъ не выпало на долю такой постоянной, дѣятельной и видной роли въ этихъ германославянскихъ отношеніяхъ, какъ народности *мадьярской*, и это конечно объясняется прежде всего географическимъ положеніемъ, занятымъ Мадьярами въ Европѣ и условіями ихъ историческаго развитія, а также конечно и нѣкоторыми выдающимися свойствами ихъ національнаго характера.

Въ виду современнаго, такъ сказать, обострѣнія этого активнаго участія мадьярства въ сказанной борьбѣ, и именно въ смыслѣ антиславянскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду приближающагося чествованія Мадьярами тысячелѣтія своей исторической жизни въ Европѣ, — я позволю себѣ, Мм. Гг., остановить Ваше благосклонное вниманіе на любопытномъ и поучительномъ, но, какъ мнѣ кажется, мало донынѣ оцѣненномъ, по крайней мѣрѣ въ общественномъ сознаніи, вопросѣ объ отношеніяхъ мадьяро-славянскихъ въ старыя времена, о томъ, чѣмъ Мадьяры обязаны Славянамъ и чѣмъ они съ другой стороны сами были для послѣднихъ въ продолженіи почти всей своей тысячелѣтней исторіи. Только этимъ путемъ мы добудемъ твердое историческое основаніе и правильную точку зрѣнія для оцѣнки современной роли этого маленькаго туркофинскаго народца во всемірно-исторической борьбѣ двухъ могущественнѣйшихъ арійскихъ племенъ.

Правда, вопросъ внутренней исторіи угорскаго государства и въ частности вопросъ объ отношеніяхъ народностей въ немъ представляются далеко еще не разработанными и во многомъ не выясненными — такъ что въ этой области наукѣ предстоитъ самое широкое и чрезвычайно заманчивое поле для разносторонніхъ изслѣдованій — тѣмъ не менѣе и въ настоящее время можно на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи историческихъ данныхъ, если не въ подробностяхъ и частностяхъ, то хоть крупными штрихами охарактеризовать мадьяро-славянскія отношенія въ старину и до половины прошлаго вѣка, когда въ нихъ впервые стала обнаруживаться со стороны мадьярской измѣна прежнимъ началамъ и традиціямъ.

Для болѣе полнаго уясненія этническаго характера и внутренняго строя старой Угріи, припомнимъ прежде всего обстоятельства поселенія

Мадьяръ въ среднедунайской равнинѣ и условія образованія угорскаго государства. Изъ этого вмѣстѣ съ тѣмъ должна выясниться и историческая роль Мадьяръ въ эпоху ихъ выступленія, какъ новаго двигателя въ международныхъ отношеніяхъ Европы.

Равнины средняго Дуная, — эта историческая стоянка многихъ племенъ Европы и кочевыхъ полчищъ Азіи въ эпоху ихъ наступленія на древній грекоримскій міръ, эта арена ихъ непрерывныхъ столкновеній и кровавой борьбы,—еще въ IX в. давали пріютъ на своемъ степномъ просторѣ остаткамъ нѣкогда страшныхъ Аваровъ и оставались почти нетронутыми культурой сосѣднаго осѣдлаго населенія. Въ то же время Славяне, давно уже осѣвшіе и разселившіеся кругомъ — по всей карпато-дунайской, а съ другой стороны альпійско-дунайской территоріи, начинаютъ рѣшительно стремиться къ объединенію и къ политической организаціи: на территоріи нынѣшней Моравіи и отчасти сѣверовосточной Угріи и древней Паннониі, возникаетъ Велико-моравское государство, столь прославленное религіозно-культурною и просвѣтительною дѣятельностью славянскихъ Апостоловъ; держава князей Ростислава и Святополка распространяетъ свое политическое господство и культурное вліяніе на сосѣднія западнославянскія земли и племена, стремясь такимъ образомъ стать центромъ политическаго объединенія западнаго славянства и разсадникомъ національной христіанской культуры на почвѣ народной церкви. Но эти знаменательныя и отрадныя для Славянъ явленія связаны, къ сожалѣнію, съ другими — самыми для нихъ грозными и роковыми. Латино-германскій западъ уже началъ тогда свое послѣдовательное наступленіе на едва слагавшійся въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ славянскій міръ и, почуявъ серіозную опасность въ начинавшемся культурномъ и политическомъ сплоченіи и созидательной дѣятельности дунайскаго славянства, направилъ всѣ свои силы въ эту сторону, чтобы во-время сломить это препятствіе своимъ стремленіемъ и поглубже вбить въ этомъ важномъ и выгодномъ для него пунктѣ (на Дунаѣ) могучій нѣмецкій клинъ въ неплотное еще славянское тѣло. Послѣднія десятилѣтія IX-го в. ознаменованы этой упорной и отчаянной, но неравной борьбой только-что оперившагося дунайскаго славянства съ давно окрѣпшими силами германскаго запада въ союзѣ съ римскою церковью. Цѣлый рядъ прискорбныхъ явленій и невзгодъ во внутренней жизни Моравіи стали со-

юзниками ея внѣшнихъ враговъ и приближали надвигавшуюся роковую развязку борьбы. Довольно отмѣтить кончину Меѳодія (885) и послѣдовавшее за нею разрушеніе стараніями Рима и нѣмецкаго духовенства (Викингъ) его великаго дѣла созданія славянской церкви въ Моравіи, а затѣмъ смерть кн. Святополка и наступившія смуты и междоусобія, лишившія Моравію внутренняго политическаго единства и окончательно открывшія въ нее путь вліяніямъ и интригамъ внѣшнихъ враговъ, т. е. Нѣмцевъ, уже ранѣе успѣвшихъ свить себѣ въ ней прочное гнѣздо на почвѣ быть можетъ издавна осѣвшаго здѣсь германскаго элемента. Очевидно молодое, еще не окрѣпшее славянское княжество уже было потрясено въ своихъ основаніяхъ, и въ виду все усиливавшагося напора Нѣмцевъ, рѣшительно шедшихъ къ своей цѣли, можно сказать съ увѣренностью, что дни его уже были сочтены, а покореніе Моравіи латино-нѣмецкимъ западомъ должно было неминуемо отразиться роковымъ образомъ на судьбѣ и сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Такое заключеніе подкрѣпляется еще нашими свѣдѣніями объ одновременныхъ успѣхахъ нѣмецкаго мирнаго наступательнаго движенія въ земляхъ съ славянскимъ населеніемъ — на югъ отъ Дуная, въ восточно-альпійскомъ краѣ и въ Панноніи. Тутъ именно послѣдовательно умѣлыми руками вбивался нѣмецкій клинъ въ среду неплотную и не могшую представить сколько-нибудь серіозной силы сопротивленія. Въ теченіе цѣлаго вѣка (съ конца VIII-го) съ небольшими промежутками (особенно въ эпоху разцвѣта Велико-моравскаго княжества) нѣмецкій сосѣдъ въ лицѣ своихъ представителей — гражданскихъ и духовныхъ и многочисленныхъ колонистовъ—съ успѣхомъ велъ свое политическое и культурное дѣло колонизаціи и онѣмеченія славянскихъ краевъ, и къ концу IX-го вѣка нѣмецкая стихія прочно водворилась въ такъ назыв. Карантаніи, Восточной Маркѣ и наконецъ верхней и нижней Панноніи. Уже небольшое пространство отдѣляло передовые нѣмецкіе посты отъ центральной тиссодунайской равнины, почти не населенной и, какъ мы видѣли, еще ожидавшей своихъ хозяевъ и воздѣлывателей. Что могло задержать послѣ неудачи великоморавской объединительной попытки дальнѣйшее распространеніе нѣмецкой власти и культуры на востокъ—по среднему Дунаю и еще далѣе?

Въ это самое время, около 894 года, ставшаго роковымъ для Моравіи года смерти князя Святополка, слѣдовательно ровно тысячу лѣтъ

тому назадъ—въ историческую равнину рѣки Тисы и сред. Дуная хлынула неудержимо, по выраженію историковъ запада, „послѣдняя волна“ народныхъ переселеній, влекомая сюда силою обстоятельствъ и жаждою добычи и притомъ поощряемая даже одною изъ боровшихся на Дунаѣ политическихъ силъ, недальновидными на сей разъ Нѣмцами... То было сильно потуреченное еще въ уральской своей прародинѣ финское племя Мадьяръ (Угровъ), которые нашли себѣ здѣсь, на просторѣ дунайскихъ равнинъ, и новую родину и легко доставшееся имъ господство надъ сосѣднимъ мирнымъ и земледѣльческимъ славянскимъ и неславянскимъ населеніемъ. Этому-то чуждому всей Европѣ мадьярскому племени и суждено было рѣшить уже приближавшуюся къ развязкѣ международную распрю на Дунаѣ —конечно прежде всего въ свою пользу, подчинивъ мѣстное славянское населеніе и Моравію (ок. 904 года), исторгнутую ими такимъ образомъ изъ рукъ запада, но вмѣстѣ съ тѣмъ отбросивъ отъ средн. Дуная и уже Занятыхъ было здѣсь позицій на многіе вѣка ихъ исконныхъ враговъ и притѣснителей.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ историческихъ моментовъ и данныхъ выясняется, кажется намъ, съ достаточною опредѣленностью та роль, которую сыграли Мадьяры въ международной драмѣ, разыгравшейся на Дунаѣ на рубежѣ IX-го и X-го вѣковъ. Но эта роль, какъ увидимъ, еще болѣе опредѣляется и закрѣпляется за ними послѣдующимъ ихъ историческимъ развитіемъ и дѣятельностью, а именно основаніемъ въ пол. X-го вѣка самостоятельный угорской, въ существѣ своемъ мадьяро-славянской державы, которая, объединивъ дунайское славянство, хотя и подъ верховенствомъ чуждой и пришлой силы, до нѣкоторой степени не могла не унаслѣдовать историческихъ задачъ павшей Моравіи. Такой взглядъ нашъ на роль Мадьяръ кажется не нуждается здѣсь въ болѣе подробномъ разъясненіи [1]). Не соглашаясь смотрѣть на мадьярскій погромъ, какъ на безусловное бѣдствіе для славянства, мы напротивъ думаемъ, что Мадьяры, нанеся само собою разумѣется значительный ударъ дунайскимъ славянамъ, образовали за то для нихъ, слѣдовательно вообще для грекославянскаго міра — сильный оплотъ противъ

---

[1]) Подробное обоснованіе его см. въ нашемъ изслѣдованіи: „Моравія и Мадьяры съ пол. IX до нач. X в.“ СПб. 1881 г.

латино-германскаго запада, какавого само это славянство, предоставленное однимъ своимъ разрозненнымъ силамъ, въ то время образовать еще не могло.

Исторія угорскаго государства послѣдующихъ вѣковъ, до конца прошлаго вѣка, полна фактами, свидѣтельствующими именно о такомъ значеніи этого новаго политическаго двигателя въ исторіи средней Европы. За эту историческую услугу Славяне не остались въ долгу у Мадьяръ. Они, находясь на высшей степени культуры и подавляя ихъ также своею численностью въ новоосновавномъ государствѣ, дали имъ все то, что помогло имъ стать на ноги въ средѣ европейскихъ народовъ, главнымъ образомъ относительно западной Европы и сохранить свою индивидуальность: лишь съ помощью Славянъ, въ тѣсномъ союзѣ и сотрудничествѣ съ ними Мадьяры завоевали себѣ видную историческую роль и современное политическое значеніе.

Мы постараемся въ нашемъ небольшомъ очеркѣ собрать и выяснить наиболѣе крупные и осязательные элементы и факты *мадьяро-славянской взаимности* въ продолженіи по крайней мѣрѣ 900-лѣтняго мирнаго и дружественнаго историческаго сожительства двухъ коренныхъ стихій Угріи.

Выпавшая на долю Мадьяръ силою вещей роль въ славяно-нѣмецкой борьбѣ не замедлила вслѣдъ затѣмъ неминуемо отразиться на отношеніяхъ славяно-мадьярскихъ. Эти отношенія, получившія скоро характеръ дружественнаго сближенія въ силу общности интересовъ относительно западныхъ сосѣдей, должны были опредѣлиться и установиться уже въ полувѣковой періодъ хищническихъ набѣговъ Мадьяръ на привлекавшую ихъ добычею западную Европу (907 — 955), въ теченіе котораго Славяне привыкли видѣть въ нихъ желанный бичъ для ихъ собственныхъ исконныхъ враговъ, а въ свою очередь Мадьяры, познакомившись съ европейскими отношеніями, государственнымъ строемъ и политическими стремленіями запада, и особенно Нѣмцевъ, почуяли въ своихъ дунайскихъ Славянахъ надежныхъ союзниковъ и опору въ завоеваніи себѣ самостоятельной роли среди другихъ европейскихъ народовъ и государствъ. Дальнѣйшее сожительство только укрѣпило эти отношенія.

Какое огромное и исключительное участіе должна была принять славянская стихія въ образованіи угорской державы — это становится

само собою понятнымъ изъ обстоятельствъ поселенія Мадьяръ на новой родинѣ и изъ этнографическаго состава земель, государственно объединенныхъ ими. Не говоря уже о сильной примѣси славянской крови къ мадьярской, образовавшейся на первыхъ же порахъ (особенно послѣ истребленія Болгарами мадьярскихъ семействъ въ странѣ „Ателькузу“ передъ ихъ перекочеваніемъ въ дунайскую равнину) [1]), и со временемъ все увеличивавшейся, это участіе опредѣляется главнымъ образомъ причинами культурно-бытовыми. Кочевые полудикіе Мадьяры, хотя и завоеватели, не могли не подпасть всестороннему вліянію осѣдлаго культурнаго населенія и стали быстро усваивать себѣ бытъ, нравы, вѣрованія и понятія окружавшихъ ихъ Славянъ. Этотъ процессъ ославяненія Мадьяръ долженъ былъ въ теченіе перваго столѣтія ихъ исторической жизни (до конца X-го вѣка) подвинуться на столько впередъ, что къ эпохѣ основанія и устроенія угорскаго королевства Стефаномъ Святымъ (нач. XI в.) въ его народѣ имѣлись уже на лицо всѣ необходимые элементы и матеріалъ для сооруженія государственнаго зданія Угріи на чисто славянской основѣ, т. е. на основѣ славянскихъ политическихъ учрежденій и быта.

Если мы затѣмъ откроемъ страницы угорской исторіи съ X-го вѣка, прослѣдимъ ее до новаго времени и вникнемъ въ ея характеръ и особенности, если мы далѣе ознакомимся съ современнымъ типомъ Мадьяръ, ихъ жизнью и бытомъ, наконецъ ихъ языкомъ, то убѣдимся, что все это, и исторія и современный обликъ этого племени, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ славянской стихіи, слѣды ея воздѣйствія и опеки, и слѣдовательно подтверждаютъ справедливость всего вышесказаннаго.

Дѣйствительно, присутствіе напр. весьма значительнаго славянскаго элемента въ мадьярскомъ языкѣ (словарѣ) есть фактъ общеизвѣстный: обнаруженію и изслѣдованію этого элемента посвящены спеціальныя ученыя изысканія [2]); извѣстно далѣе, что народный типъ и характеръ Мадьяръ заключаетъ въ себѣ много чертъ славянскихъ, столь отличающихъ его напр. отъ типа германскаго и другихъ. Что же

---

[1]) Ср. „Моравія и Мадьяры“, стр. 315, 316.

[2]) Кромѣ извѣстнаго труда Фр. *Миклошича* „Die slavischen Elemente im Magyarischen“, Wien, 1871, и нов. изд. Dr. L. Wagner'a Wien u. Teschen, 1884, замѣтокъ *Сасинка* (въ Ж. М. Н. Пр., 1870 г.

касается народнаго быта Мадьяръ, ихъ домашней и соціальной жизни, ихъ нравовъ и обычаевъ (даже въ верхнихъ слояхъ общества, напр. быта помѣщичьяго), то всякій ближе знакомый съ ними не станетъ отрицать значительной доли присущаго имъ славизма.

Но оставивъ въ сторонѣ все это, относящееся болѣе къ области этнографіи, мы остановимся здѣсь лишь на фактахъ и данныхъ *историческихъ*, которые всего лучше выяснятъ намъ всю сущность мадьяро-славянскихъ отношеній въ старыя времена, къ сожалѣнію совсѣмъ забытыя и тенденціозно затѣмнившіяся въ сознаніи современныхъ Мадьяръ.

Дѣло внутренняго устроенія и созиданія Угріи на бытовыхъ началахъ, дѣйствовавшихъ въ подчиненныхъ Мадьярами земляхъ, — приспособленія къ этимъ славянскимъ учрежденіямъ и общественнымъ формамъ первобытной племенной организаціи кочевой орды—принадлежитъ всецѣло великому основателю угорскаго королевства Стефану Святому (997 — 1038), которому Угрія обязана и внѣшнимъ политическимъ объединеніемъ и сплоченіемъ. Учрежденія и законы Стефана Св. обнаруживаютъ его замѣчательную политическую мудрость и проницательность. Не легко было дать прочность и устойчивость вновь возникающему государству съ столь разнороднымъ населеніемъ, большинство котораго (и притомъ именно болѣе культурное), принадлежало племени, имѣющему еще иные центры тяготѣнія внѣ Угріи—въ самостоятельныхъ политическихъ организмахъ своихъ соплеменниковъ. Чтобы достигнуть этой устойчивости Стефанъ основалъ свое созидательное дѣло на двухъ главныхъ началахъ: въ 1-мъ онъ не навязывалъ своимъ подданнымъ чуждыхъ, издалека заимствованныхъ учрежденій и формъ, а мудро воспользовался тѣмъ, что въ этомъ отношеніи представляла народная жизнь туземнаго населенія, а во 2-хъ онъ провелъ въ своей державѣ тотъ принципъ, который одинъ могъ сплотить разнородные элементы Угріи и примирить ихъ интересы, именно принципъ полной племенной равноправности и широкой областной автономіи. Насколько сознатель-

---

CXLX, и его исторіи) и прежней работы *Оск. Ашбота* (Osk. Asbóth, Szlávság a magyar keresztény terminologiában, Budapest, 1884), послѣдній, какъ слышно, приготовляетъ новый значительный трудъ по этому предмету.

но дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ Стефанъ, видно между прочимъ изъ его извѣстнаго завѣщанія сыну, въ которомъ онъ и потомкамъ своимъ старался внушить убѣжденіе въ жизненности и обязательности этого начала для Угріи. Совѣтуя управлять народами по ихъ нравамъ и обычаямъ, Стефанъ мотивируетъ свои совѣты въ этомъ смыслѣ пресловутымъ изреченіемъ, что „государство одного языка и обычая безсильно и хрупко“ (nam unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est) [1]), причемъ онъ навѣрно признавалъ не столько безусловное значеніе этого принципа, сколько относительное — для его цѣлей: имѣя въ виду исключительное положеніе своего отечества, онъ для подкрѣпленія своей мысли ссылался даже на примѣръ Римской Имперіи съ ея терпимостью къ инородцамъ. И Стефанъ дѣйствительно достигъ того, что его государственная система стала несокрушимой жизненной силой Угріи вопреки всѣмъ послѣдующимъ частнымъ ея нарушеніямъ со стороны вторгавшихся съ запада феодальныхъ началъ и порядковъ. Предоставивъ своимъ подданнымъ —Мадьярамъ, Славянамъ и другимъ инородцамъ равноправность и самоуправленіе, вылившееся, какъ извѣстно, въ форму прочнаго, хотя и довольно разнообразнаго комитатскаго и градскаго (отъ слав. „града“) устройства съ его жупанами и палатиномъ („nádor“ = надворный?) на основѣ славянской жупной системы, Стефанъ въ то же время укрѣпилъ королевскую власть подавленіемъ власти прежнихъ племенныхъ старшинъ и раціональной военной организаціей (по комитатамъ). Не вдаваясь здѣсь въ подробности этого устройства, мы замѣтимъ лишь, что результатомъ его была дѣйствительная равноправность племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе всякаго національнаго антагонизма въ старой Угріи. Государственнымъ языкомъ изстари была нейтральная латынь, сохранявшая свою роль непрерывно до нынѣшняго столѣтія, хотя преобладающее значеніе славянской стихіи и культурныя причины не разъ выдвигали и поднимали славянскій языкъ до роли офиціальнаго, законодательнаго и дипломатическаго. Но такая неизбѣжная уступка силѣ обстоятельствъ и культурнымъ отношеніямъ нисколько не вела къ племенной враждѣ и соперничеству; общее патріотическое чув-

[1]) S. Stephani regis de morum institutione ad Emericum ducem liber въ Rer. Hungar. Monumenta Arpadiana, *Endlicher* (Sangalli, 1849), p. 306 и 307 (cap. VI и VIII).

ство было напротивъ очень сильно въ Угріи: каждый гражданинъ ея былъ прежде всего добрымъ патріотомъ —*угромъ*, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ мадьяромъ, славяниномъ, романцемъ, нѣмцемъ и т. д.

Благодаря всѣмъ уже отмѣченнымъ здѣсь условіямъ образованія угорской державы—она уже при первомъ выступленіи своемъ на европейской политической аренѣ является державою полуславянскою и затѣмъ удерживаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ этотъ характеръ и соотвѣтственное ему значеніе—и во всѣ послѣдующія фазы своей исторической жизни не только въ періодъ своей самостоятельности, но даже отчасти и послѣ ея потери. Славянская стихія Угріи увлекала ее очень часто на путь истинно славянскихъ политическихъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи были весьма знаменательные эпохи и моменты въ исторіи Угріи. Но такое ея направленіе опредѣлялось конечно не одними причинами и условіями ея внутренней организаціи, а также и внѣшними ея политическими связями и отношеніями, и тутъ первостепенную роль играло ея серединное положеніе въ западномъ славянствѣ, не разъ соблазнявшее ее, удачно объединившую въ себѣ представителей едва ли не всѣхъ племенъ славянскихъ, къ выполненію еще болѣе широкой задачи—политическаго объединенія всего по крайней мѣрѣ западнаго славянства!

Если мы пристальнѣе вглядимся въ тѣ элементы, которые постоянно питали и поддерживали славизмъ въ Угріи, — которые вмѣстѣ съ тѣмъ служили главными путями или проводниками его могущественнаго вліянія на внутреннюю жизнь и политику Угріи, то убѣдимся, что ихъ можно свести къ нѣсколькимъ главнымъ моментамъ; по сущности своей эти послѣдніе могутъ быть опредѣлены такъ: 1) этническій моментъ, 2) культурно-бытовой, 3) вѣроисповѣдный или церковный, 4) династическій и 5) политическій. Разсмотримъ же ихъ нѣсколько ближе.

Что касается перваго, *этническаго*, то онъ въ основныхъ чертахъ своихъ не требуетъ особенныхъ разъясненій. Подавляющая численность славянскаго населенія въ Угріи сравнительно съ Мадьярами, не бывшими, подобно другимъ пришельцамъ съ востока, особенно многочисленными [1]), съ постепеннымъ политическимъ развитіемъ и расши-

[1]) Срв. „Моравія и Мадьяры“, стр. 311.

реніемъ границъ Угріи все болѣе возраставшая, была разумѣется главнымъ всеопредѣляющимъ факторомъ въ отношеніяхъ мадьяро-славянскихъ и существенно обусловливала значеніе славизма въ Угріи. Занявъ, правда, наименѣе населенную территорію— центральную дунайскую равнину (тисскую и паннонскую), но всеже мѣстами уже занятую Славянами и окруженную со всѣхъ сторонъ въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ почти сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, некультурные Мадьяры сразу очутились подъ исключительнымъ вліяніемъ своихъ славянскихъ сожителей и сосѣдей и должны были неизбѣжно подвергнуться всѣмъ его послѣдствіямъ. Если мадьярская народность и была подкрѣплена въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ новопришлыми, подобно ей привлеченными на средній Дунай отчасти родственными элементами (турецкими), т. е. Печенѣгами и Половцами, поселявшимися на тисо-дунайскихъ равнинахъ разновременно въ довольно большомъ даже числѣ, то всеже съ теченіемъ времени—съ возрастаніемъ населенія численное отношеніе Мадьяръ къ Славянамъ, если и измѣнялось, то во всякомъ случаѣ никакъ не въ пользу первыхъ, а конечно всецѣло въ пользу послѣднихъ; къ этому присоединялись еще другъ за другомъ слѣдовавшія территоріальныя пріобрѣтенія Угріи (земель славянскихъ), начиная съ XI-го вѣка (именно вся Словачина, восточно-карпатскіе края, Срѣмъ, Хорватія съ Славоніей и Далмаціей, временно Галичъ, Босна и проч.), и славянская колонизація Угріи въ разные періоды ея исторической жизни (русская въ восточной Угріи, чешская въ сѣверной, особенно въ XV в. и въ XVII в. и главнымъ образомъ сербская на югѣ съ XIV—XV вв., главнѣйше же въ XVII и XVIII вв.). Въ теченіе долгихъ вѣковъ силою вещей значительная доля славянской крови примѣшалась къ мадьярской, и несомнѣнно именно этому обстоятельству Мадьяры много обязаны сохраненіемъ своей народности, ибо послѣдняя сама по себѣ не обладаетъ ни особенной живучестью, ни плодовитостью, и безъ примѣси крови молодого, сильнаго и плодовитаго славянскаго племени была бы навѣрно обречена на быстрое вымираніе, слѣдовательно и окончательную гибель [1]).

---

[1]) Постепенная убыль коренного мадьярскаго элемента всеже настолько замѣтна и въ современной Угріи, что служитъ предметомъ серіозныхъ опасеній и тревоги нынѣшнихъ Мадьяръ, которые

Но не только преобладаніе славянской стихіи въ самой Угріи было могучимъ факторомъ въ ея исторіи. Въ высшей степени важнымъ былъ фактъ сопленменности ея славянскихъ народностей съ непосредственно примыкавшимъ къ нимъ населеніемъ сосѣднихъ государствъ— Чехіи, Польши, Руси, наконецъ Сербіи и Болгаріи — то какъ державъ независимыхъ, то какъ подвластныхъ сперва Византіи, а потомъ Турціи. Въ этихъ государствахъ на сѣверо-западѣ, сѣверѣ, востокѣ и югѣ, находились, такъ сказать, племенные центры тяготѣнія угорскихъ Славянъ, и не удивительно, что послѣдніе, часто привлекаемые нравственно этими центрами, втягивали свое отечество въ дѣла и политику сосѣднихъ государствъ, заставляя ее то служить ихъ интересамъ, то пользоваться ими для защиты своей самостоятельности или осуществленія болѣе широкихъ политическихъ задачъ. Такимъ образомъ всѣ эти отношенія, исходившія изъ этнографическаго положенія Угріи — серединнаго въ западно-славянскомъ мірѣ, — не могли не служить естественной опорой славизма въ жизни угорскаго государства.

Этническій моментъ имѣетъ своимъ ближайшимъ результатомъ— *культурно-бытовой*. Насколько понятно и натурально значеніе перваго, настолько была законна, неминуема и обязательна первостепенная роль этого послѣдняго момента въ развитіи угорскаго славизма. Иначе конечно не могло и быть при культурномъ превосходствѣ Славянъ надъ Мадьярами. Мы уже говорили выше о послѣдствіяхъ этого факта въ развитіи мадьярской народности и въ процессѣ созданія и сложенія угорскаго государства, и не имѣемъ возможности вновь на нихъ останавливаться. Значеніе этихъ славянскихъ основъ сказывалось непрерывно во всѣ эпохи многовѣковой исторіи какъ самостоятельной, такъ уже и покоренной Угріи. Дѣйствительно, на чемъ болѣе законно и увѣренно могъ основывать славизмъ въ Угріи свои права на руководящую роль и значеніе, какъ не на культурномъ перевѣсѣ славянской стихіи и славянскихъ бытовыхъ началахъ, которыя пронизывали сверху до низу весь политическій строй Угріи, ставшій, какъ мы сказали, ея главной жизненной силой!

системой безпощадной мадьяризаціи и гнетомъ другихъ народностей стараются пополнить рѣдѣющіе ряды свои—инородческой стихіей, главнымъ образомъ славянскою (мадьяронство).

Отъ этого культурно-бытового момента всего естественнѣе перейти къ *вѣроисповѣдному*. Мы разумѣемъ здѣсь то сближеніе и общеніе, которое существовало нѣкогда у Мадьяръ и Славянъ въ сферѣ религіи и церкви, и благодаря которому славянская стихія не могла не оказывать и этимъ путемъ своего вліянія на внутренюю жизнь и характеръ Угріи. Правда, религіозный моментъ въ Угріи совпадалъ всецѣло сравнительно лишь не долгій періодъ времени съ моментомъ національно-славянскимъ, ибо греко-восточная вѣра и славянскій обрядъ — начала, въ формѣ коихъ Мадьяры впервые пріобщились къ христіанству, стали рано и послѣдовательно вытѣсняться изъ Угріи римско-папскими притязаніями и латинствомъ, въ концѣ концовъ восторжествовавшими, но тѣмъ не менѣе этотъ столь долго и упорно державшійся греко-славянскій обрядъ или „старая вѣра“, какъ ее называли Мадьяры (между которыми, кстати сказать, она также и впослѣдствіи имѣла не мало приверженцевъ), играла въ старой Угріи роль немаловажнаго фактора въ вѣковой борьбѣ ея съ западомъ за самобытность и въ удержаніи за нею славянскаго характера. Чрезвычайно важнымъ является самый фактъ первоначальнаго просвѣщенія Мадьяръ — христіанствомъ восточной церкви—отъ Славянъ и Грековъ, по славянскому обряду. Великая Моравія оставила Угріи въ наслѣдство крупные результаты кирилло меѳодіевской дѣятельности и народную славянскую церковь, въ которую вступили и новые пришельцы — побѣдители Славянъ, и именно черезъ которую славянская народность на первыхъ же порахъ успѣла на нихъ оказать могущественное культурное воздѣйствіе. Не смотря на всѣ усилія запада и Рима (начавшіяся приблизительно съ конца X-го вѣка) въ лицѣ нѣмецкихъ миссіонеровъ и представителей сосѣднихъ западныхъ церквей и разныхъ ревнителей латинства,—старая угорская церковь съ славянскимъ обрядомъ удерживала выдающуюся роль и твердую позицію до второй половины или до конца XII-го вѣка, когда замѣчается сильный поворотъ въ сторону окатоличенія и олатиненія Угріи, а главное — потери ею извѣстной церковной независимости, и слѣдовательно порабощенія Риму. Процессъ этотъ еще ускоряется по прекращеніи династіи Арпадовичей, при итальянскихъ Анжуйцахъ, а затѣмъ такихъ преданныхъ Риму корояхъ, какими были напр. Сигизмундъ и польско-чешскіе Ягайловичи. Но и въ послѣдующіе вѣка (съ XII-го в.) вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, славянскій

обрядъ продолжаетъ держаться въ Угріи, особенно въ восточныхъ и южныхъ ея предѣлахъ, а отчасти среди самихъ Мадьяръ. Если онъ наконецъ постепенно уступаетъ въ подчиненныхъ Риму епархіяхъ безпощадному натиску воинствующаго католицизма, между тѣмъ какъ съ другой стороны распространяются въ Угріи всякія западныя реформаціонныя вѣроученія (гуситство и чешско-братская секта, лютеранство и особенно кальвинизмъ), то зато начавшееся съ XIV—XV вв. колонизаціонное движеніе съ востока и особенно съ юга — приноситъ ему на смѣну новыя массы „схизматическаго“, т. е. православнаго населенія (преимущественно Сербовъ), готоваго постоять за свою вѣру и духовную свободу, и эти новые поселенцы Угріи принимаютъ видное участіе въ дальнѣйшихъ судьбахъ и политическихъ дѣлахъ Угріи — какъ въ послѣднюю эпоху ея самостоятельности, такъ и въ вѣка турецко-габсбургскаго владычества, причемъ ихъ вѣроисповѣдные интересы въ тѣсной связи съ національно-славянскими играютъ первенствующую роль. По отношенію къ новымъ врагамъ свободы, самобытности и автономіи Угріи,—къ Габсбургамъ ихъ значеніе аналогично съ тѣмъ, какое имѣли нѣкогда ревностные приверженцы „старой вѣры“ и славянскаго обряда въ борьбѣ средневѣковой Угріи съ властолюбивымъ западомъ. Въ этихъ послѣднихъ можно сказать консервативныхъ (въ религіозномъ и бытовомъ отношеніяхъ) элементахъ лучшіе короли угорскіе находили надёжнѣйшую опору въ своей самостоятельной политикѣ и государственныхъ задачахъ (напр. объединеніи западныхъ Славянъ), всегда совпадавшихъ съ интересами угорскаго славянства. Къ сожалѣнію раннее вѣроисповѣдное раздвоеніе въ этомъ послѣднемъ и переходъ значительной его части къ римскому католицизму (а позже нѣкоторой части къ реформаціи) разъединили въ Угріи интересы религіозные и народно-славянскіе; вслѣдствіе этого и Мадьяры скорѣе и легче были оторваны отъ той почвы, на которой выросли ихъ христіанство и первоначальная культура. Какъ бы то ни было, отрицать значеніе религіознаго момента въ историческомъ развитіи мадьяро-славянской взаимности—никакъ нельзя. Какъ бы ни старались умалить современные мадьярскіе историки и вообще западные историки-католики размѣры, силу и значеніе греко-восточнаго или православно-славянскаго теченія въ церковной исторіи старой Угріи, наука располагаетъ уже достаточными и довольно убѣдительными свидѣтельствами, указаніями и данными, чтобы соста-

вить себѣ общее положительное сужденіе объ истинныхъ его размѣрахъ и живучести, хотя конечно интересный вопросъ этотъ ждетъ еще тщательнаго и подробнаго обслѣдованія — всего естественнѣе со стороны нашихъ церковныхъ историковъ [1]).

Слѣдующій важный факторъ въ историческомъ развитіи угорскаго славизма или—если угодно—мадьяро-славянской взаимности мы назвали *династическимъ*. Мы разумѣемъ славизмъ на угорскомъ престолѣ, въ крови и настроеніи угорскихъ государей. Онъ обусловливался или значительнымъ ославяненьемъ однихъ угорскихъ династіи - мадьярской и иноплеменныхъ, — или просто славянствомъ другихъ. Ославяненье же первыхъ объясняется какъ общими культурно-бытовыми условіями, дѣйствовавшими въ Угріи и отъ которыхъ не были застрахованы конечно и государи, ихъ семья и дворъ, такъ и слѣдствіемъ внѣшнихъ воздѣйствій и отношеній при частыхъ родственныхъ династическихъ узахъ съ славянскими сосѣдями Угріи: Чехіей, Польшей, Русью, Сербіей и проч. Не надо при этомъ упускать изъ виду, что въ старину личныя семейныя отношенія и родственные интересы государей имѣли вообще въ политикѣ больше вѣса и силы, чѣмъ нынѣ, а потому и въ политической жизни Угріи всѣ подобные династическіе союзы и связи имѣли существенное значеніе. Эти родственныя отношенія не только отражались на личныхъ симпатіяхъ, взглядахъ и политическомъ настроеніи государей, но и пролагали путь представителямъ этого родства къ власти и вліянію у престола и въ правительственныхъ сферахъ. Примѣровъ тому можно бы привести не мало, начиная данными изъ исторіи династіи Арпадовичей (вспомнимъ хоть палатина и бана серба

---

[1]) Болѣе обстоятельно касались этого вопроса слѣдующіе авторы, у которыхъ встрѣчаются часто весьма дѣльныя замѣчанія: *Sasinek* въ своей исторіи (Dejiny kráľovstva uhorského, 1870, D. I); *Архим. Арсеній* „Церк. и полит. бытъ правосл. Сербовъ и Волоховъ въ австр. земл. съ IX в.“ Ж. М. Н. Пр. 1870; *Ничъ* въ „Abstamm. der Rumänen, 1880 (стр. 206 и сл.); *Будиловичъ* въ „Очеркахъ изъ церк. ист. зап. Славянъ (о легендѣ о еп. Войтѣхѣ), Варш. 1880, и въ соч. „Общеслав. языкъ“ etc., В. 1892, т. II, стр. 71 и сл. *Первольфъ*, Словѣнск. яз. и его судьбы (Мео. Сборн.), В. 1885. Срв. также и Рѣчь въ день празд. св. Димитрія въ Вѣнѣ (А. Добрянскаго). Изв. Спб. Сл. Общ. 1887, № 2, стр. 69 и сл.

Бѣлуша при Гейзѣ II.). Но не отвлекаясь въ сторону, мы приведемъ теперь нѣкоторыя историческія справки относительно славянской стихіи на престолѣ угорскаго государства, конечно лишь въ эпоху его независимости, ибо съ окончательной утратой ея угорская корона переходитъ къ династіи нѣмецкихъ Габсбурговъ, этихъ завзятыхъ враговъ Славянъ и всего славянскаго.

Арпадовичи, первоначальная и единственная національно-мадьярская династія Угріи, царствовали до нач. XIV в. (1301), т. е. почти двѣ трети всего періода политической самостоятельности Угріи. Что и въ государяхъ этой національной династіи, четыре вѣка управлявшихъ судьбами Угріи, текла значительная доля славянской крови (особ. съ XI—XII в.), что многіе изъ нихъ были въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ разными славянскими династіями Чехіи, Польши, Руси, Сербіи и Болгаріи, а это замѣтно отражалось на ихъ настроеніи и политикѣ — въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, изъ которыхъ достаточно привести хоть нѣкоторые. Многіе государи - Арпадовичи были женаты на славянкахъ. Еще отецъ Стефана Св. воевода Гейза породнился съ польскими Пястовичами, женившись (во второй разъ) на Адельгейдѣ, сестрѣ кн. Мечислава I. Андрей I († 1061) жившій довольно долго на Руси, былъ женатъ на русской княжнѣ Анастасіи Ярославовнѣ и былъ приверженцемъ восточной церкви и славянскаго обряда. Его братъ Бела I былъ женатъ на дочери Мечислава II польскаго. Король Коломанъ (1095 — 1114) женился на русской княжнѣ Евѳиміи Владиміровнѣ (доч. Мономаха), которую впрочемъ скоро отвергъ по злымъ навѣтамъ, но отъ этого брака родился на Руси знаменитый Борисъ, долгое время претендентъ на угорскій престолъ, игравшій видную роль въ угорскихъ дѣлахъ въ первой половинѣ XII в. — Бела II (1131 — 1141) былъ женатъ на Еленѣ, кн. сербской (доч. Уроша Великаго), а сынъ его Гейза II (—1161) — на извѣстной своимъ умомъ и характеромъ русской княжнѣ Евфросиньѣ Мстиславовнѣ, такъ что этотъ король, самъ полу-славянинъ, былъ окруженъ своимъ славянскимъ родствомъ, въ которомъ особенно вліятельную роль игралъ его дядя вышеупомянутый Бѣлушъ. Были и еще Арпадовичи и позже — женатые на славянкахъ, но достаточно и перечисленныхъ крупныхъ примѣровъ. Еще чаще роднились угорскіе короли изъ дома Арпада — съ славянскими царствующими родами, выдавая за членовъ ихъ своихъ

дочерей. Перечисленіе всѣхъ такихъ браковъ, не остававшихся обыкновенно безъ послѣдствій политическихъ, заняло бы слишкомъ много мѣста. Ограничимся нѣсколькими болѣе выдающимися примѣрами. Дочь Белы I и сестра Ладислава Св., Елена, была замужемъ за хорватскимъ королемъ Звонимиромъ. Какъ извѣстно, это было поводомъ вмѣшательства Угріи въ дѣла Хорватіи и распространенія сюда ея власти. Сестра Белы II Адельгейда была за Собѣславомъ I чешскимъ; дочери Гейзы II (Елизавета и Одола) были замужемъ за сыновьями короля чешскаго Владислава II — князьями Фридрихомъ и Святополкомъ. Дочь Белы III Констанція была второю женою короля чешскаго Премысла Оттокара I. Дочь короля Андрея II Марія была женою Іоанна Асѣня II, царя болгарскаго,—обстоятельство, оказавшее вліяніе на послѣдующія угро-болгарскія отношенія, въ которыхъ играетъ видную роль и выдача дочери Белы IV, Анны, за извѣстнаго бана Мачвы, русск. кн. Ростислава Михайловича; другія дочери Белы IV были тоже за славянскими князьями: Елена—за Болеславомъ (V) польскимъ, а Констанція—за галицкимъ княземъ Львомъ Даниловичемъ, наконецъ дочери Стефана V (Екатерина и Елизавета) были за сербскими кралями — Драгутиномъ и Милутиномъ. Всѣхъ этихъ фактовъ кажется намъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оправдать нашъ взглядъ, что и въ эпоху мадьярской династіи славянская стихія въ Угріи находила себѣ извѣстную поддержку и въ самой этой династіи, до нѣкоторой степени ославяненной. Многіе короли угорскіе изъ этого рода, заявившіе себя въ исторіи энергическимъ отстаиваніемъ старыхъ основъ и самобытности Угріи во внутреннемъ устройствѣ, религіи, культурѣ и внѣшней политикѣ—несомнѣнно дѣйствовали такъ отчасти подъ вліяніемъ славянскихъ кровныхъ влеченій—сознательныхъ или инстинктивныхъ.

Въ теченіе слѣдующихъ 225 лѣтъ (1301—1526) независимости Угріи на престолѣ ея перебывалъ цѣлый рядъ династій — большею частью чужеземныхъ. Но прослѣдивъ ихъ дѣятельность и характеръ, мы убѣдимся, что всѣ онѣ, особенно въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей, влекомыхъ къ тому или происхожденіемъ и личными сочувствіями или силою обстоятельствъ и мѣстными условіями, болѣе или менѣе шли по стопамъ Арпадовичей, а не рѣдко и превосходили ихъ въ роли фактора—благопріятствующаго славизму въ Угріи.

Мы уже не будемъ говорить объ угорскихъ государяхъ — природ-

ныхъ славянахъ, въ общемъ около полувѣка властвовавшихъ въ Угріи (Премысловичъ Вацлавъ III, Ягайловичи Владиславъ III (1439—1444), а потомъ Владиславъ V Казимір. и Людовикъ II). Ихъ роль въ данномъ случаѣ слишкомъ понятна. Скажемъ лишь о династіяхъ неславянскихъ. Анжуйцы (1303—1382), несмотря на свое отдаленное родство съ Арпадовичами, первоначально совершенно чуждые Угріи и Славянству, силою неодолимыхъ обстоятельствъ и условій внутренней и внѣшней политической жизни своего новаго отечества, очень быстро подпали вліянію окружающей славянской стихіи. Мадьярскій элементъ — какъ еще мало культурный и въ свою очередь испытывавшій воздѣйствіе послѣдней, не имѣлъ для нихъ конечно никакой притягательной силы. Политическій же тактъ, ихъ отличавшій, подсказывалъ имъ именно такое отношеніе къ славянскому элементу — безусловно преобладавшему надъ другими въ Угріи—въ видахъ укрѣпленія своей династіи. Это замѣтно уже на первомъ Анжуйцѣ Карлѣ Робертѣ, женившемся на Елизаветѣ, дочери Владислава Локотка польскаго (первая жена Карла —сестра чешскаго короля Яна Люксемб.) и постепенно втянувшемся въ политическіе интересы славянства. Но уже совершенно сталъ на этотъ путь его преемникъ и сынъ отъ брака съ Елизаветой польской, славнѣйшій король угорскій Людовикъ Великій (1342—1382). Всѣми своими великими дѣлами и политическими пріобрѣтеніями, поднявшими Угрію на вершину могущества и славы и сдѣлавшими изъ нея большую славянскую державу — объединительницу западнаго славянства между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ, — полуславянинъ Людовикъ блестяще доказалъ свое вѣрное пониманіе истиннаго призванія, такъ сказать, raison d'être Угріи, ея политическихъ задачъ, опредѣляемыхъ этническимъ ея составомъ и мѣстомъ въ славянскомъ мірѣ и Европѣ. Если того же нельзя сказать о ближайшемъ преемникѣ Людовика — женатомъ на его дочери Маріи Сигизмундѣ (Люксемб.) чешскомъ († 1437), вообще по личнымъ качествамъ и характеру не стоявшемъ на высотѣ своего положенія и оставшемся до конца чужимъ въ Угріи, то всеже для славянскихъ интересовъ имѣли свое значеніе усилившіяся при Сигизмундѣ ея связи съ Чехіей. Зато дѣла и настроеніе слѣдующей знаменитой династіи народно-угорской (хотя по происхожденію не мадьярской и не славянской) вновь свидѣтельствуютъ о — можно сказать—поглощающей мощи славянской стихіи въ Угріи, развивавшейся

все шире по прекращеніи рода Арпадовичей — съ постепеннымъ удаленіемъ на задній планъ элемента мадьярскаго. Гуніады (—1490), правда, опять нѣсколько выдвинули этотъ элементъ, хотя и были собственно румынскаго происхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они невольно и рѣшительно подпали славянскимъ вліяніямъ, и это было конечно въ связи съ тѣми крупными политическими задачами, которыя они себѣ ставили. Историческій образъ знаменитаго Матвѣя Корвина является передъ нами съ значительной славянской окраской; не говоря уже о томъ, что онъ, какъ извѣстно, издавалъ славянскія (сербскія и чешскія) грамоты, современники свидѣтельствуютъ о немъ также, что онъ зналъ нѣсколько славянскихъ языковъ и безъ переводчика бесѣдовалъ съ разными славянами [1]). Таковы были Гуніады; ихъ смѣнили на престолѣ угорскомъ чешско-польскіе Ягайловичи— послѣдняя и вмѣстѣ чисто-славянская династія самостоятельной Угріи (не считая княж. династій Семиградья). Изъ всего этого, полагаемъ, достаточно видно, какую опору находилъ угорскій славизмъ со стороны престола.

Намъ остается сказать еще объ одномъ факторѣ, который на равнѣ съ этническимъ и бытовымъ наиболѣе содѣйствовалъ установленію и упроченію мадьяро-славянскаго единенія и согласія, а тѣмъ самымъ естественному и законному развитію славянскаго элемента въ Угріи. Этотъ факторъ заключается въ *политическихъ* условіяхъ и положеніи Угріи въ отношеніи къ ея сосѣдямъ, и прежде всего къ тѣмъ, которые искони и упорно посягали на ея политическую независимость и внутренную самобытность, т. е. къ латино-германскому западу, и въ частности къ германской имперіи. Какъ мы выше разъяснили, угорское государство создалось и окрѣпло на почвѣ общности политическихъ интересовъ и задачъ Мадьяръ и Славянъ по отношенію къ міру германскому и дружественнаго соединенія силъ въ отстаиваніи этихъ интересовъ. Исторія Угріи свидѣтельствуетъ намъ цѣлымъ длиннымъ рядомъ краснорѣчивыхъ явленій, что на той же самой почвѣ всегда наиболѣе разцвѣтало, достигало наибольшихъ внутреннихъ и

---

[1]) Въ сочин. италіанца М. Галеота (Galeotus): Commentarius de Mathiae Corvini dictis et factis (Schwandtner, Scriptores rer. hung. I). Срв. *Первольфъ*, „Славяне, ихъ взаимн. отн. и связи“, т. III, ч. I, стр. 114.

внѣшнихъ успѣховъ и самаго широкаго и блестящаго политическаго развитія это своеобразное мадьяро-славянское государственное зданіе. На этихъ-то явленіяхъ намъ и слѣдуетъ нѣсколько остановиться для окончательнаго выполненія нашей задачи.

Событіями конца IX и первой половины X в., т. е. поселеніемъ Мадьяръ на Дунаѣ, ихъ неистовыми набѣгами на западную Европу и основаніемъ новаго политическаго организма было лишь на долго отсрочено, но отнюдь не оставлено осуществленіе задачъ запада, германизма и латинства на Дунаѣ, — и вотъ съ умиротвореніемъ средней Европы послѣ побѣды Нѣмцевъ 955 г. и съ установленіемъ взаимныхъ мирныхъ политическихъ и культурныхъ отношеній между Угріей и западными сосѣдями—возобновляется дѣятельность послѣднихъ, направленная къ достиженію старыхъ завѣтныхъ цѣлей — распространенія и водворенія на востокѣ своей культуры и церкви, а затѣмъ своего политическаго вліянія и господства, однимъ словомъ возобновляется съ новою силой историческій „Drang nach Osten“. Новое государство угорское стало отнынѣ и на долгіе вѣка предметомъ властолюбивыхъ стремленій и всяческихъ притязаній запада, прежде всего конечно Нѣмцевъ и папской куріи. Перетянуть на свою сторону новое некультурное еще племя пришлыхъ завоевателей, создать себѣ твердую позицію въ новомъ государствѣ, и такимъ путемъ повести постепенно дѣло окатоличенія и онѣмеченья Угріи, водворенія въ ней западныхъ соціальныхъ началъ и феодальныхъ порядковъ, а разъ ставъ въ ней твердою ногою, обезпечить себѣ дальнѣйшія мирныя завоеванія въ греко-славянскомъ мірѣ—вотъ главныя задачи, которыя поставили себѣ и дѣйствительно упорно и неустанно преслѣдовали съ конца X в. и до позднѣйшаго времени — представители запада въ лицѣ германскихъ (позже австрійскихъ) государей и римскихъ папъ. Если въ концѣ концовъ ихъ многовѣковыя усилія и увѣнчались успѣхомъ, то въ первыя времена и въ теченіе многихъ столѣтій они встрѣчали на своемъ пути самыя серіозныя и существенныя препятствія и должны были вынести упорную борьбу, часто безуспѣшную и очень дорого имъ обходившуюся... Это послѣднее вполнѣ понятно и естественно, и къ его разъясненію можетъ служить все то, что уже сказано выше о внутреннемъ характерѣ и составѣ населенія старой Угріи, объ отношеніяхъ другъ къ другу ея коренныхъ элементовъ. Численно и культурно господствовавшіе въ Угріи Славяне, уже иску-

шенные историческимъ опытомъ, должны были конечно живѣе сознавать всю необходимость энергическаго отпора наступающему западу и германизму. Они же должны были нести на своихъ плечахъ и главную тяготу и такъ сказать всѣ моральныя трудности этой борьбы. Но и свободолюбивые Мадьяры, рано, если не вполнѣ сознательно, то по инстинкту поняли историческую необходимость для себя и своего будущаго отождествить свои интересы съ славянскими, даже при условіи подчиненія впрочемъ естественному культурному перевѣсу и отчасти руководительству славянской стихіи, съ которой ихъ на первыхъ же шагахъ ихъ историческаго поприща такъ крѣпко связала судьба, чтобы совокупными усиліями отстаивать свою независимость и самобытность [1]). Такимъ образомъ не было розни и вражды между тѣми и другими: они составляли въ политическомъ смыслѣ—одно; у нихъ были одни общеугорскіе интересы и патріотизмъ, но понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти интересы — въ силу историческаго значенія славянскаго элемента (не въ одной только Угріи) и въ силу этнической одинокости и малой культурности Мадьяръ — были по преимуществу *славянскіе,* а они давали окраску и всей политической жизни Угріи. Можно сказать, что славизмъ съ его интересами проходитъ красною нитью черезъ всю внѣшнеполитическую исторію Угріи, а въ иныя эпохи онъ сказывается особенно сильно, поглощая всѣ остальные элементы...

Здѣсь мы задались цѣлью показать, что въ развитіи угорскаго славизма особенно большое значеніе имѣлъ именно факторъ политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ — что политическій ростъ и успѣхи угорскаго государства обусловливались ролью славянской въ немъ стихіи. Стоитъ бросить хоть бѣглый взглядъ на важнѣйшія страницы угорской исторіи; онѣ должны убѣдить всякаго непредвзятаго наблюдателя въ справедливости этого заключенія. Оказывается, что славянскій элементъ,

---

[1]) Не можемъ не сослаться здѣсь на глубоко справедливыя слова знатока угорской исторіи проф. В. И. Ламанскаго, что „въ службѣ Мадьяръ славизму, надъ которымъ они безсильны господствовать, содержится ...тайна всѣхъ ихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Романо-Германскимъ западомъ, какъ при Людовикѣ Великомъ и Матвѣѣ Корвинѣ, такъ и въ новѣйшія времена съ Вѣною и Габсбургами, начиная съ Яна Заполи и Фердинанда I“. (Объ ист. изуч. Греко-Слав. міра, стр. 32).

его интересы и политическія задачи всегда выдвигаются впередъ особенно въ эпохи отстаиванія Угріей отъ внѣшнихъ посягательствъ своей политической свободы, своего внутренняго строя и самобытной организаціи, и даже послѣ потери политической самостоятельности въ эпохи отстаиванія религіозной свободы и конституціи; оказывается далѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ эпохи наибольшей политической силы и развитія Угріи совпадаютъ съ эпохами ея выступленія въ роли славянской державы — объединительницы и представительницы интересовъ западнаго славянства и вообще славянскаго міра—въ отношеніи къ западу. Мы не можемъ вдаваться въ подробности, а выдвинемъ лишь наиболѣе крупныя явленія угорской исторіи, подтверждающія наше положеніе, и попутно отмѣтимъ всѣ главнѣйшіе моменты и фазисы развитія славизма въ Угріи.

Уже эпоха Арпадовичей представляетъ рядъ выдающихся въ интересующемъ насъ отношеніи фактовъ. Мы уже говорили о значеніи законодательной дѣятельности короля Стефана Св. для развитія угорскаго славизма. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что огромную важность въ томъ же смыслѣ имѣли территоріальныя его пріобрѣтенія, особенно сѣверо-угорской, словацкой земли, бывшей существенною частью Велико-моравской державы, отъ которой Угрія столь многое унаслѣдовала [1]). Наиболѣе послѣ того славною и важною эпохою въ смыслѣ государственнаго роста и внутренняго устроенія было конечно правленіе двухъ могущественныхъ государей Угріи Владислава Св. и Коломана въ концѣ XI и началѣ XII в. (1077 — 1114), высоко поднявшихъ ея политическое значеніе и главное — упрочившихъ ея внутреннее благоустройство своею законодательною дѣятельностью, — и вотъ тутъ мы имѣемъ новое вѣское подтвержденіе нашего взгляда. Оба короля энергически отстаивали государственную и духовную самобытность своего отечества, твердо держались исконныхъ народныхъ началъ и интересовъ, а уже тѣмъ самымъ естественно давали особенный просторъ развитію и всестороннему проявленію славянской стихіи, а въ этомъ главнѣйше и заключается причина успѣшности и плодотворности ихъ дѣятельности.

---

[1]) Остригомская епархія (въ обл. словацк.), какъ бы преемница моравской архіепископіи св. Меѳодія, становится первенствующей въ Угріи; архіепископъ Остригомскій—примасомъ Уг. ц.

При нихъ же славянскій элементъ Угріи получилъ крупное и сильное подкрѣпленіе въ присоединеніи къ угорской коронѣ Хорватіи съ Славоніей и Далмаціей, такъ называемаго позже Тріединаго королевства.

XII-ый вѣкъ, особенно нѣкоторые его періоды и моменты, ознаменовался также немаловажными успѣхами славизма въ Угріи, хотя уже въ это время и въ особенности къ концу вѣка обнаруживаются явные симптомы постепеннаго вовлеченія Угріи въ сферу западно-европейскихъ, преимущественно германо-латинскихъ вліяній и интересовъ, чему способствовали съ одной стороны отсутствіе сильныхъ и самостоятельныхъ личностей на престолѣ, съ другой — международныя и политическія отношенія и главнымъ образомъ завоевательныя относительно Угріи притязанія Византіи, заставившія ее искать опоры на западѣ.

Однакожъ что касается успѣховъ славизма — нельзя не отмѣтить въ эту эпоху такихъ явленіи и фактовъ, какъ напр. тѣсное сближеніе Угріи съ Сербіей и ея династіей при Белѣ II (жен. на Еленѣ серб.) и его преемникахъ, весьма обильное послѣдствіями для Угріи, и новое увеличеніе ея славянскаго элемента присоединеніемъ Босны (Рамы), далѣе особенное оживленіе связей Угріи съ сосѣднимъ славянствомъ (Чехіей, Русью, южными Славянами) въ эпоху 40-хъ — 70-хъ годовъ при Гейзѣ II и преемникахъ, естественнымъ слѣдствіемъ котораго было возрастаніе силъ и вліянія угорскаго славянства [1]), наконецъ въ концѣ XII-го и нач. XIII-го в. при Белѣ III, Эмерикѣ и Андреѣ II политика Угріи, связанная съ притязаніями на сосѣднія славянскія земли, именно Галичъ (временно даже присоединенный), а на югѣ — Сербію и проч., — притязаніями, свидѣтельствующими уже о нѣкоторыхъ объединительныхъ поползновеніяхъ Угріи относительно западнаго славянства. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе возрасталъ и развивался въ ней славянскій элементъ, тѣмъ далѣе простирались ея политическіе виды на окружавшихъ соплеменниковъ его. Такую же политику продолжаетъ вести Угрія и во второй половинѣ XIII-го в. при Белѣ IV и слѣдующихъ государяхъ, — напр. относительно Болгаріи, на которую она изъявляла притязанія вслѣдствіе породненія Белы съ династіей Асѣней и пользуясь

---

[1]) О XII-мъ вѣкѣ и тогдашней роли славизма въ У. см. нашъ трудъ: „Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в.“, Варш. 1889.

смутнымъ въ ней временемъ и междоусобіями. Насколько угорское славянство окрѣпло при Арпадовичахъ, а отдѣльныя его группы сохранили свое племенное сознаніе и готовы были обнаружить свою силу и вліяніе — видно изъ событій царствованія послѣднихъ Арпадовичей, своею слабостью и политическими ошибками (особенно Ладиславъ Куманъ) расшатавшими Угрію въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и происшествіями первыхъ смутныхъ лѣтъ по прекращеніи народной мадьярской династіи. Достаточно напомнить при этомъ хоть о роли Словачины (еще при Ладиславѣ Кум.) съ ея знаменитымъ вождемъ Матвѣемъ Тренчанскимъ, о которомъ еще будетъ рѣчь.

Прекращеніе династіи Арпада имѣло большое значеніе въ исторіи угорскаго славизма. Хотя Арпадовичи и давали полный просторъ развитію славянскаго элемента, и постепеннымъ его усиленіемъ — между прочимъ путемъ расширенія границъ Угріи—приготовили ему ту роль, которая выпала на его долю въ XIV и XV вв., всеже они, какъ народная мадьярская династія, являлись воплощеніемъ хотя-бы только въ идеѣ политическаго главенства мадьярскаго элемента...

Послѣ нихъ при чужеземныхъ династіяхъ послѣдній все болѣе стушевывается и отступаетъ на задній планъ, и лишь при Гуніадахъ вновь нѣсколько выдвигается впередъ. Главную руководящую роль теперь уже рѣшительно берётъ на себя элементъ славянскій, опредѣляя собою въ лучшія и славнѣйшія эпохи угорской исторіи направленіе и смыслъ внѣшней политики Угріи, особенно когда она, объединивъ собою значительную часть западнаго славянства (какъ при Людовикѣ Вел.), становится большою славянской державой.

Мы уже говорили выше объ отношеніи къ славизму слѣдующихъ чужеземныхъ династій Угріи: что ихъ укрѣпленіе и всѣ ихъ успѣхи обусловлены главнымъ образомъ вѣрнымъ пониманіемъ истиннаго значенія и роли славянской стихіи Угріи, равно какъ и политическихъ отношеній и задачъ послѣдней. Первому Анжуйцу не такъ легко было утвердить свой престолъ, ибо упадокъ королевской власти при послѣднихъ Арпадовичахъ и прекращеніе ихъ рода вызвали нѣкоторыя сепаратическія тенденціи въ иныхъ славянскихъ областяхъ и племенныхъ группахъ Угріи, имѣвшихъ свои политическіе идеалы и недовѣрчиво относившихся къ переходу престола въ совершенно чуждыя руки. Особенно видную роль играла въ этотъ переходный періодъ сѣверная, сло-

вацкая земля съ вышеупомянутымъ Матвѣемъ Тренчанскимъ во главѣ, который рѣшительно не хотѣлъ признавать Карла Анжуйскаго, стоялъ за Вацлава II чешскаго (уступившаго предложенную угорскую корону своему сыну Вацлаву III), какъ представителя ближайшей родственной земли, и даже по утвержденіи Карла на престолѣ долго не хотѣлъ покориться. Также и другія группы славянскаго населенія Угріи принимали дѣятельное участіе, какъ теперь, такъ и позже въ соперничествѣ разныхъ претендентовъ на корону угорскую. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о политическомъ развитіи и силѣ славянской стихіи и о ея стремленіяхъ къ активной и руководящей роли, ими обусловленныхъ. Анжуйцы, какъ и послѣдующія неславянскія династіи, не могли не считаться съ этимъ и не понять прямыхъ интересовъ своихъ и государственныхъ. Людовикъ Великій, въ жилахъ котораго текла славянская кровь, является самымъ могущественнымъ королемъ Угріи именно въ качествѣ самаго даровитаго и проницательнаго представителя и воплотителя такой широкой славянской политики. При немъ съ Угріей соединяются Польша и Галичъ, на югѣ она овладѣваетъ Бдынской Болгаріей, утверждаетъ свое вліяніе въ Сербіи и Босніи, — свою власть въ утраченной было Далмаціи; наконецъ на востокѣ принимаетъ въ свои предѣлы массы русскихъ переселенцевъ съ княземъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ изъ Подоліи. Однимъ словомъ въ эту эпоху славянскій элементъ Угріи достигаетъ апогея своего роста: онъ естественно подавляетъ всѣ прочіе и политически господствуетъ. И конечно въ это именно время западъ со своими властолюбивыми притязаніями оказывался безсиленъ относительно Угріи.

Зять Людовика король Сигизмундъ, не отличавшійся, какъ мы уже говорили, достоинствами необходимыми для выполненія предстоявшихъ ему задачъ, лишь какъ правитель сосѣдняго славянскаго государства нашелъ при своемъ избраніи поддержку въ Угріи (именно въ Словачинѣ), и благодаря опять-таки этому обстоятельству при немъ оживляются связи съ Чехіей и чешскія вліянія проникаютъ въ Угрію разумѣется черезъ землю словацкую, значеніе которой снова возрастаетъ. Но самъ Сигизмундъ является новымъ подтвержденіемъ нашего взгляда на значеніе славизма въ Угріи, именно въ отрицательномъ смыслѣ. При немъ выступила на очередь новая историческая задача—борьба съ надвигавшимся врагомъ христіанства и Европы, Турками. Но Сигизмундъ

не оказался на ея высотѣ, ибо и въ самой Угріи не пріобрѣлъ довѣрія и уваженія подданныхъ. А это, какъ и всѣ его неудачи, объясняется тѣмъ, что онъ былъ явнымъ представителемъ совершенно чуждыхъ Угріи и ея славизму началъ и интересовъ... Жесточайшій врагъ гуситовъ, народныхъ стремленій и идеаловъ чешской земли, нѣмецъ въ душѣ не могъ пользоваться авторитетомъ и сочувствіемъ въ славянствѣ, а слѣдовательно не могъ имѣть успѣха и въ Угріи. Наступившія по смерти Сигизмунда новыя смуты и борьба за престолъ ознаменовались повтореніемъ прежнихъ явленій. Съ одной стороны видимъ выступленіе и избраніе на престолъ славянина — польскаго кандидата короля Владислава († 1444), съ другой видимъ опять—какъ выдающійся политическій факторъ Словачину съ вождемъ чехомъ Іоанномъ Искрой во главѣ, опирающуюся на гуситскую Чехію, и это тѣсное политическое сближеніе родственныхъ земель и народовъ оказываетъ сильное вліяніе на послѣдующее направленіе угорской политики. Въ это время въ Угріи удается выдвинуться своими способностями и доблестями роду Гуніадовъ, который по смерти Владислава Альбрехтовича (т. н. Постума) и достигаетъ престола. Гуніады не были славянскаго происхожденія, но и не мадьярскаго; они принадлежали по крови къ третьей значительной народности Угріи — румынской; однакожъ политическій ихъ тактъ и дальновидность помогли энергическому и просвященному ихъ представителю — Матвѣю Корвину стать именно на ту почву, которая одна могла ему дать силу и авторитетъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Мы уже сказали выше объ отношеніи Гуніадовъ къ славянской стихіи, въ русло которой они не замедлили вступить, и о ихъ значительномъ ославяненіи. Правда, въ борьбѣ своей съ Юріемъ Подѣбрадомъ Матвѣй Корвинъ является нѣкоторымъ образомъ орудіемъ западной интриги (папства), но самъ онъ, завоевывая часть Чехіи и принимая титулъ чешскаго короля, руководился прежде всего широкими патріотическими задачами и стремленіями, исходившими изъ вліятельныхъ племенныхъ группъ въ самой Угріи и подкрѣпляемыхъ исторической традиціей (Вацлавъ II и III, Людовикъ Вел., Сигизмундъ). Вообще славянскій элементъ сохраняетъ и въ это время свою руководящую роль. Къ тому же внутри государства онъ все усиливался новыми поселенцами. Массы Сербовъ—еще при Сигизмундѣ началось это движеніе—тянулись изъ-за Дуная, спасаясь отъ Турокъ, и заселяли

южно-угорскія области (Банатъ, Срѣмъ). Матвѣй Корвинъ умѣлъ пользоваться этимъ воинственнымъ элементомъ, особенно въ борьбѣ съ Турками: эти Сербы, какъ извѣстно, составляли главную силу его пресловутаго „чернаго легіона“.

Гуніадовъ смѣнили на угорскомъ престолѣ Ягайловичи (1490 — 1526) въ лицѣ Владислава Казиміровича и его сына Людовика II, этихъ послѣднихъ королей независимой Угріи. Роль славянской стихіи въ этотъ періодъ опредѣляется самимъ фактомъ водворенія на престолѣ славянской династіи, которая притомъ не только объединила Угрію съ Чехіей, но и сблизила ее съ Польшей, а потому особенно распространяться объ этомъ было бы излишне. Угрія теперь еще замѣтнѣе выступаетъ въ качествѣ славянской державы. Однакожъ приходится отмѣтить тотъ прискорбный фактъ, что слабость и податливость этихъ Ягайловичей, этихъ польскихъ — преданныхъ Риму и латинскому западу представителей славянскихъ интересовъ въ Угріи, оказались для послѣдней роковыми — въ виду все болѣе рѣшительнаго наступленія на нее старыхъ и новыхъ враговъ, Нѣмцевъ и Турокъ съ ихъ завоевательными цѣлями. При Владиславѣ пресловутымъ соглашеніемъ его съ имп. Максимиліаномъ и Сигизмундомъ I польскимъ (1515) былъ съ помощью Польши окончательно проложенъ путь къ коронѣ угорской — нѣмецкому сосѣду, Габсбургскому дому, давно стремившемуся опутать Угрію своими сѣтями (съ помощью родственныхъ узъ) и умѣвшему искусно воспользоваться той почвой, которую для него постепенно приготовили западныя латино-нѣмецкія вліянія и папство. Разрушительное дѣло запада и Габсбурговъ раздѣлили съ ними Турки, противъ которыхъ Угрія Ягайловичей также оказалась безсильною. Въ самый критическій моментъ она не имѣла достойнаго вождя, который бы, опираясь на самые стойкіе и патріотическіе элементы Угріи (и Чехіи), на вѣрную своимъ народнымъ интересамъ и самобытности стихію славянскую, былъ еще въ состояніи быть можетъ отстоять Угрію не только отъ погрома турецкаго, но и отъ настойчивыхъ притязаній Нѣмцевъ.

Катастрофа 1526 года (при Могачѣ) положила конецъ самостоятельному существованію Угріи и раздробила ее. Соперники подѣлили ее между собой: Габсбургамъ (Фердинанду I) досталась западная и сѣверозападная (словацкая) часть, Туркамъ — вся средняя, и лишь въ восточной (Затисской и Трансильваніи) удержался еще представитель

угорской независимости — бывшій претендентъ на корону угорскую, Іоаннъ Запольскій, которому пришлось опереться на Турокъ, чтобы отстоять отъ Фердинанда остатокъ свободы своего отечества. Съ тѣхъ поръ Семиградіе вопреки всѣмъ завоевательнымъ усиліямъ Австріи оставалось очагомъ угорской политической независимости до конца XVII-го в. І. Запольскій, этотъ отъявленный противникъ Габсбурговъ и Нѣмцевъ, былъ происхожденія южно-славянскаго, слѣдовательно и тутъ въ самое критическое время славизмъ выступаетъ въ дѣятельной роли.

Овладѣвъ значительной частью Угріи, Австрія напрягала отнынѣ всѣ силы, пускала въ ходъ всѣ средства, всѣ пружины своего политическаго искусства для утвержденія своей власти въ присоединенныхъ угорскихъ земляхъ, а главными ея средствами были — разрушеніе стараго автономнаго строя угорскихъ земель и проведеніе католической реакціи, т. е. искорененіе реформаціи. Тяжела и мучительна была для Угровъ турецкая неволя, но по сущности своей и по своимъ послѣдствіямъ она была несравненно сноснѣе разлагающаго владычества нѣмецкаго запада и Габсбурговъ. Турецкій погромъ отсрочилъ нѣсколько это худшее изъ бѣдствій для центральной и восточной Угріи — и въ этомъ его историческое значеніе, — но въ концѣ концовъ онъ не помѣшалъ роковому ходу событій. Владычество Турокъ на среднемъ Дунаѣ не было прочно и долговѣчно: черезъ полтора вѣка турецкое ярмо было сброшено, — но Угрія освободилась слишкомъ дорогою цѣною: она вышла изъ неволи искалѣченной, и главное—по рукамъ и по ногамъ связанною и окончательно закрѣпленною за Австріей и Габсбургскимъ домомъ... Но надо отдать полную справедливость свободолюбивымъ народамъ Угріи—Славянамъ и Мадьярамъ, оставшимся вѣрными своимъ національнымъ интересамъ и завѣтамъ прошлаго: они умѣли отстаивать и послѣ паденія Угріи свои народныя права, свои вольности, свою свободу совѣсти.

Вся эпоха Габсбургскаго владычества съ XVI-го и до конца XVIII-го вѣка ознаменована борьбой угорскихъ народовъ не только за интересы христіанства противъ Турокъ, но и противъ посягательствъ австрійскаго правительства на ихъ конституціонную и религіозную свободу, и тутъ-то мы снова встрѣчаемся съ фактами, подтверждающими мысль о роли славизма въ Угріи и о неразрывной связи истинныхъ ея инте-

ресовъ съ единственнымъ условіемъ — мадьяро-славянскою солидарностью. Дѣйствительно исторія этой вѣковой борьбы на два фронта рядомъ яркихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о выдающемся, а по большей части и руководящемъ участіи въ ней славянской стихіи въ лицѣ — то тѣхъ, то другихъ ея представителей, разныхъ угро-славянскихъ народностей, — то Словаковъ и Угро-Руссовъ, то Хорватовъ, то Сербовъ. Мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь обстоятельно остановиться на этихъ фактахъ, но для подтвержденія нашей мысли достаточно будетъ напомнить хоть нѣкоторые изъ нихъ.

Слишкомъ извѣстно, какую первенствующую роль играли Славяне Австро-Угріи, именно сербо-хорватскія войска въ борьбѣ съ Турками въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ, прославленной такими эпизодами, какъ напр. геройская защита крѣпости Сигета хорватомъ Николаемъ Зринскимъ при Максимильянѣ II. Хорватія стала настоящимъ оплотомъ Австріи и Европы противъ Турокъ. Наконецъ нечего и распространяться объ участіи славянскаго элемента въ освободительной войнѣ въ самой Угріи, завершившейся изгнаніемъ изъ нея Турокъ въ к. XVII-го в. Съ другой стороны успѣхи Семиградья въ XVII в. и отстаиваніе имъ политической и вѣроисповѣдной независимости отъ притязаній Габсбурговъ приходятся также въ значительной мѣрѣ на долю славянской его стихіи (Запольскій, Раковскіе etc.). Но еще знаменательнѣе фактъ смѣлаго и энергическаго выступленія угорскихъ Славянъ, часто какъ руководителей, въ общей борьбѣ народовъ Угріи съ Габсбургами и ихъ реакціонной и централизующей политикой въ защиту политической автономіи, конституціонной и религіозной свободы. Вспомнимъ выдающійся примѣръ изъ половины XVII-го вѣка — сильное движеніе и обширный патріотическій заговоръ въ Угріи противъ австрійскаго правительства и Габсбурговъ съ представителями Хорватовъ во главѣ: знаменитымъ Петромъ Зринскимъ и Фр. Франкопаномъ. Неудача заговора и казнь виновныхъ, сопровождавшіяся еще болѣе крутой реакціей со стороны правительства, вызвали общее возстаніе въ Угріи (Текели), въ которомъ разумѣется славянскому элементу принадлежитъ опять видная роль. Между нимъ и мадьярской народностью продолжали существовать полное согласіе и общность въ задачахъ. Нельзя не упомянуть здѣсь о новомъ значительномъ приростѣ славянскаго населенія Угріи при Леопольдѣ I вслѣдствіе переселенія въ концѣ XVII-го вѣка (1690—94) по

приглашенію правительства массы Сербовъ (до 40 т. семействъ) изъ Старой Сербіи съ патріархомъ Арсеніемъ III Черноевичемъ—въ южные предѣлы Угріи (Банатъ, Бачка, Военная Граница и друг. комит.), получившихъ привилегіи, самоуправленіе и религіозную свободу. Переселеніе небольшихъ группъ изъ-за Дуная продолжалось и позже (въ XVIII-мъ вѣкѣ). Начало XVIII-го вѣка ознаменовалось возобновленіемъ борьбы угорскихъ народовъ съ австрійскимъ режимомъ и династіей. Новое движеніе, вызванное религіозными притѣсненіями и новыми посягательствами на конституціонную и гражданскую свободу, началось въ сѣверной Угріи въ землѣ словацкой, и оттуда распространилось въ другія ея части, ставъ общенароднымъ. Во главѣ его стоялъ, какъ извѣстно, Фр. Ракоци (Раковскій) II, предъявившій свои права на Семиградіе. Онъ памятенъ для насъ своими сношеніями съ Петромъ Вел.[1]). Опять мадьярскій и славянскій элементы идутъ рука объ руку противъ общаго врага—германскаго запада, не обнаруживая несогласій или соперничества и одушевленные однимъ общимъ угорскимъ патріотизмомъ. Но увы! близился уже конецъ такимъ отношеніямъ... Они не могли быть въ интересахъ австрійскаго правительства, которое не упускало случая проводить въ Угріи свою политику и котораго задача была — сколь возможно ослабить Угрію внутри, а для того разрушить ея народное единство, пользуясь вѣрнымъ въ этомъ отношеніи іезуитскимъ лозунгомъ: divide et impera. Уже съ половины XVIII-го вѣка обнаруживаются небезуспѣшныя старанія Габсбурговъ неодинакимъ отношеніемъ къ народностямъ Угріи, покровительствомъ то одной, то другой — возбуждать жежду ними рознь и соперничество, что́ и удавалось, особенно благодаря пробужденію національнаго чувства и политическаго властолюбія у Мадьяръ относительно своихъ славянскихъ и прочихъ согражданъ. Результатомъ было то, что въ это время автономія областей чисто славянскихъ стала постепенно сокращаться. Хорватія все болѣе низводится на степень простой угорской провинціи; у Сербовъ стараются урѣзать первоначальныя привилегіи. Быстрый

---

[1]) Срв. *Первольфъ* „Славяне“, II, 410. Любопытны слова Петра В. о Мадьярахъ, сказанныя однажды Ракоци,—что „они де собственно *его подданные*, бѣжавшіе изъ Югры“. Это сообщаетъ словакъ М. Белъ акад. Байеру (Belii Adparatus ad historiam Hungariae 1735 p. 413).

ростъ и развитіе національной идеи, начавшіеся съ конца XVIII вѣка— повсемѣстно у всѣхъ европейскихъ народовъ — дали рѣшительный толчокъ быстрому и сильному развитію племеннаго самосознанія и у Мадьяръ. Этимъ движеніемъ поспѣшило воспользоваться для своихъ цѣлей австрійское правительство, стараясь возбуждать и поддерживать въ Угріи не существовавшій до тѣхъ поръ національный вопросъ, а тѣмъ самымъ племенное соперничество и борьбу. Всегда особенно недовѣрчиво и враждебно относясь къ славянству, игравшему такую выдающуюся роль въ Угріи, оно — съ цѣлью его ослабленія и подавленія рѣшительно приняло сторону мадьяризма и окончательно усвоило себѣ политику особенно благопріятствующую Мадьярамъ — на сколько оно вообще тогда допускало угорскую автономію. Давнишняя завѣтная цѣль Нѣмцевъ была, какъ мы знаемъ, — воспользоваться Мадьярами, какъ пригоднымъ орудіемъ для своихъ завоевательныхъ національныхъ задачъ относительно угорскаго и вообще западнаго славянства. Одинокое и всѣмъ чуждое въ Европѣ племя Мадьяръ — само по себѣ и особенно въ антагонизмѣ съ Славянами не внушало и не внушаетъ имъ опасеній, а потому мадьяризаціи и угнетенію Славянъ они не только не противились, но напротивъ готовы были всячески ихъ поощрять—конечно въ видахъ облегченія будущей германизаціи... Такимъ образомъ уже очень давно опредѣлилась и установилась благопріятная мадьярству политика австрійскаго правительства. Успѣхи мадьяризма возросли особенно, когда удалось возбудить въ Мадьярахъ слѣпой страхъ передъ славянствомъ, передъ страшилищемъ „панславизма“ и боязнь поглощенія имъ. Дѣло въ томъ, что не у однихъ Мадьяръ, разумѣется, стало быстро развиваться національное самосознаніе—подъ общимъ вліяніемъ идей времени. То же явленіе замѣчается съ конца прошлаго вѣка и во всемъ западномъ славянствѣ, а въ первой половинѣ нынѣшняго оно достигаетъ въ немъ мощнаго развитія и—что замѣчательно — проявляется съ особеннымъ одушевленіемъ и страстностью именно у одной изъ славянскихъ народностей Угріи, у Словаковъ. Но у Славянъ вообще — если это возставшее съ новой силой чувство племеннаго самосознанія, связанное съ стремленіемъ къ самозащитѣ, и было съ самаго начала направлено остріемъ своимъ въ чью-либо сторону, то конечно лишь въ сторону исконнаго своего врага германизма, а къ Мадьярамъ угорскіе Славяне не могли питать какой-либо инстинктивной или сознательной

вражды, для которой не было и серіознаго повода въ ихъ 900-лѣтнемъ историческомъ сожительствѣ. Мадьяры же, какъ только пробудилось въ нихъ чувство народности, подстрекаемые извнѣ въ своемъ раздутомъ самомнѣніи и властолюбіи, безъ оглядки бросились на встрѣчу Австріи и Нѣмцамъ, усвоили себѣ ихъ точку зрѣнія на Славянъ, въ развитіи и ростѣ которыхъ имъ почудилась великая опасность и угроза для ихъ національнаго существованія. Они стали стремиться къ исключительному политическому господству въ Угріи и постепенно, опираясь на Австрію, посредствомъ подавленія прочихъ и прежде всего славянскихъ народностей, всяческаго ихъ угнетенія и мадьяризаціи — стали достигать своей цѣли... Попирая основное начало всей прошлой исторіи своего государства, они теперь отказывали своимъ славянскимъ и другимъ иноплеменнымъ согражданамъ въ прежней политической равноправности и конституціонной свободѣ,—словомъ въ томъ, чего они сами такъ упорно и страстно добивались и требовали для себя отъ Австріи. Такой системой Мадьяры не только возстановили противъ себя всѣ прочія народности, но и вызвали сильное сопротивленіе, особенно со стороны южно-славянскихъ племенъ. Въ Угріи возгорѣлась ожесточенная національная борьба, питаемая взаимной враждой и нетерпимостью. А главный результатъ внутренней политики Мадьяръ былъ тотъ, что они въ своей борьбѣ съ Австріей за конституціонныя права потеряли въ Славянахъ Угріи прежнихъ вѣрныхъ союзниковъ, а пріобрѣли въ то же время сильныхъ противниковъ, всегда готовыхъ дѣятельно выступить противъ нихъ. Въ критическій моментъ, въ 1848 году, Славяне (Хорваты) первые подняли оружіе противъ Мадьяръ и помогли Австріи ихъ подавить и унизить. Но Мадьяры не воспользовались этимъ урокомъ: они не только остались въ той роли, въ которую ихъ завлекла Австрія, но еще удвоили свои усилія къ безраздѣльному національно-политическому господству въ Угріи, которыя въ 1867 г. увѣнчались знаменитымъ австрійскимъ дуализмомъ, отдавшимъ всѣ народности Угріи въ полное распоряженіе Мадьяръ т. е. на жертву мадьяризму. Съ тѣхъ поръ благодаря этому все болѣе и болѣе увеличивается пропасть, образовавшаяся между обѣими коренными стихіями Угріи, столь связанными историческимъ преданіемъ и истинными жизненными интересами, столь долго и мирно шедшими рука объ руку по пути государственнаго развитія и преуспѣянія. О томъ, что нынѣ происходитъ въ

Угріи, до чего довели Мадьяръ ихъ слѣпой національный фанатизмъ и исключительность — мы не станемъ распространяться. Все это слишкомъ хорошо извѣстно, то и дѣло иллюстрируясь на нашихъ глазахъ новыми вопіющими фактами...

Мы исполнили, Мм. Гг., нашу задачу: мы охарактеризовали отношенія Мадьяръ и Славянъ въ прошломъ, отношенія, какъ видите, до половины прошлаго вѣка добрыя и союзническія, въ существѣ которыхъ заключалась вся сила и живучесть угорскаго государства. Мы показали, какъ неразрывно связана историческая судьба Мадьяръ съ славянскимъ міромъ, какую важную роль сыграли Мадьяры, явившись въ IX-мъ вѣкѣ на Дунай и соединивши въ критическій моментъ свои силы съ силами дунайскаго и вообще западнаго славянства противъ наступавшаго германскаго міра и служа часто и позже, въ теченіе вѣковъ—въ своихъ собственныхъ интересахъ—задачамъ объединенія славянства противъ все того-же общаго врага. Мы разсмотрѣли далѣе, какими существенными услугами отплатили Славяне Мадьярамъ во всѣхъ областяхъ культурной жизни, а главное—помогши имъ сохранить свою народность и индивидуальность вопреки всѣмъ поглотительнымъ стремленіямъ нѣмецкаго запада, и — надѣемся — доказали, что вслѣдствіе тѣснаго народно-политическаго союза съ славянствомъ и предоставленія славизму подобающей ему роли и значенія они не только ничего не потеряли, но напротивъ сохранили и пріобрѣли многое такое, что обезпечиваетъ имъ нынѣ національное существованіе и мѣсто среди другихъ культурныхъ народовъ Европы... Однимъ словомъ изъ фактовъ исторіи мы извлекаемъ убѣжденіе, что единственно въ такомъ союзѣ или взаимности, въ этомъ отождествленіи интересовъ Мадьяръ и угорскихъ Славянъ заключается первое и непремѣнное условіе успѣшнаго историческаго развитія обѣихъ главныхъ народностей Угріи, какъ и ея самой.

Но современные Мадьяры не хотятъ понимать поучительныхъ уроковъ своей исторіи... Забывъ совершенно свое прошлое, они рѣзко и легкомысленно порвали съ своими историческими связями и отношеніями и избрали себѣ новый, но рискованный путь, на который ихъ направили Австрія и Нѣмцы, — эти исконные враги какъ ихъ самихъ и ихъ старой свободы, такъ и всего того міра, съ которымъ ихъ неразрывно связала исторія.

Но куда ведетъ ихъ этотъ путь? На кого они работаютъ, без-

смысленно угнетая и мадьяризуя Славянъ? Какую участь сами себѣ готовятъ? Вотъ вопросы, которыхъ они кажется серіозно не задаютъ себѣ, но надъ которыми однакожъ имъ стоило бы подумать — хотя бы передъ вступленіемъ въ новое 1000-лѣтіе своей исторической жизни, трезво и безпристрастно прислушавшись къ голосу исторіи и своихъ истинныхъ доброжелателей... Хотѣлось бы надѣяться, что ослѣпленные вожаки ихъ еще во́ время прозрѣютъ!

Константинъ Гротъ.

Приложеніе 2

КЪ ИСТОРІИ

ДАВНИХЪ УГРОСЛАВЯНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Славянскія изученія были до сихъ поръ мало распространены и мало популярны у Мадьяръ, несмотря на благопріятныя условія, которыми послѣдніе въ этомъ отношеніи пользуются, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи со всѣми почти вѣтвями славянскаго племени.

Вотъ почему всякое явленіе изъ этой области обращаетъ на себя вниманіе и возбуждаетъ интересъ. Заинтересовались и мы, прочитавъ въ оглавленіи X-ой декабрьской книжки журнала „*Ungarische Revue*“ заглавіе „*Moritz Wertner*, Glossen zur bulgarischen Zaren-Genealogie. Beitrag zur Kenntniss der ungarisch-bulgarischen Beziehungen“ (продолженіе въ двухъ перв. книжкахъ 1891 г.).

Названный трудъ представляетъ нѣмецкую редакцію одной части (посвященной Болгаріи) цѣлаго сочиненія г. Вертнера на мадьярскомъ языкѣ по генеалогіи старыхъ южнославянскихъ династій (A középkori délszláv uralkodók genealogiai története, т. е. Генеалогическая исторія средневѣковыхъ южно-славянскихъ государей, Temesvár, 1891, 262 стр. текста со множествомъ генеалогическихъ таблицъ), вышедшаго почти одновременно съ нѣмецкимъ извлеченіемъ.

Г. Моритъ Вертнеръ, д-ръ мед. въ Пресбургѣ (по происхожденію не мадьяринъ и не славянинъ), имя котораго едва ли не впервые появляется въ научной литературѣ по славянской исторіи, не пользуется и въ Венгріи большою извѣстностью — какъ ученый, и занимается исто-

ріей и въ частности генеалогіей—по всему видно—какъ любитель этого предмета, самому себѣ обязанный пріобрѣтенными познаніями и пріемами ученой работы. Именно вслѣдствіе этого ему, повидимому, недостаетъ надлежащей разносторонней ученой подготовки для самостоятельныхъ изысканій по первоисточникамъ и для изученія литературы предмета по подлиннымъ изслѣдованіямъ (на славянскихъ языкахъ), въ чемъ онъ впрочемъ отчасти и сознается въ своемъ предисловіи, выражаясь о себѣ и своей работѣ довольно скромно. Вотъ почему ученая критика пожалуй могла бы и не предъявлять къ нему очень строгихъ требованій.

Нельзя однакожъ не замѣтить, что слабыя стороны даннаго труда обусловлены не одною лишь степенью подготовки и личными обстоятельствами занятій его автора, что есть тутъ черты, къ сожалѣнію характерныя вообще для мадьярской исторической науки и отъ которыхъ не свободны труды и патентованныхъ мадьярскихъ ученыхъ, пользующихся у себя на родинѣ громкою извѣстностью и славою. Послѣдніе нерѣдко также-берутся за рѣшеніе вопросовъ, требующихъ гораздо болѣе широкаго научнаго кругозора, чѣмъ какимъ они располагаютъ, не зная славянскихъ и особенно русскаго языковъ и не имѣя часто возможности пользоваться цѣлымъ обширнымъ разрядомъ важныхъ источниковъ и пособій. Конечно къ этому очень часто присоединяется національная тенденція и преднамѣренное оставленіе безъ вниманія почему-либо неудобныхъ и непригодныхъ къ цѣли фактовъ и данныхъ. А увлеченіе узко-національными и политическими идеями и задачами было до сихъ поръ преобладающею слабостью мадьярской исторіографіи. Эти мотивы являются опредѣляющими и выборъ самыхъ эпохъ и темъ для историческихъ изысканій... Съ подобнымъ мотивомъ мы, увы! встрѣчаемся и въ данномъ случаѣ. Г. Вертнеръ спѣшитъ замѣтить въ своемъ предисловіи, что „разработка (die Kultivirung) славянской генеалогіи, и именно южнославянскихъ династій представляетъ... въ наши дни самый живой интересъ *въ виду извѣстныхъ политическихъ и культурныхъ теченій* (in Anbetracht gewisser politischer und kultureller Strömungen)“... Авторъ очевидно боялся, чтобъ его не заподозрили въ симпатіяхъ къ славянству, а теперь послѣ его оговорки каждому понятно, что имъ руководитъ не что иное, какъ извѣстныя патріотическія идеи или побужденія.

Между тѣмъ изысканія мадьярскихъ ученыхъ въ области исторіи славянъ, особенно южныхъ, но только при строго-научномъ отношеніи

къ дѣлу, — весьма желательны и могутъ принести не мало пользы въ виду давнихъ, постоянныхъ и многообразныхъ историческихъ связей полуславянской Угріи съ сосѣднимъ славянствомъ и вслѣдствіе того важности собственно венгерскихъ источниковъ для разработки исторіи послѣдняго. Изслѣдователь прошлой политической и культурной жизни Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ и другихъ сосѣднихъ съ Угріей славянскихъ народностей не можетъ миновать историческихъ источниковъ венгерскихъ, способныхъ ему многое разъяснить и освѣтить, и тутъ-то сотрудничество мадьярскаго историка-слависта можетъ оказаться весьма полезнымъ [1]). Вотъ съ этой-то точки зрѣнія—разъясненія *угославянскихъ отношеній* изъ источниковъ венгерскихъ, никому столь не доступныхъ, конечно, какъ мадьярину, слѣдуетъ разсматривать и оцѣнивать настоящую работу г. Вертнера, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ видно изъ заглавія, имѣлъ особенно въ виду эту сторону дѣла.

И дѣйствительно, этотъ трудъ, вообще правда компилятивный и мало самостоятельный, хотя конечно и не безполезный, какъ въ своемъ родѣ единственный систематическій и довольно полный сводъ данныхъ по генеалогіи южнославянскихъ династій (если брать его въ цѣломъ, для чего желательно появленіе и остального на нѣмецкомъ языкѣ), имѣетъ бо́льшую научную цѣну именно въ извѣстныхъ отдѣлахъ, т. е. тамъ, гдѣ автору даютъ болѣе обильный и важный матеріалъ свои, венгерскіе источники, которые одни ему вполнѣ доступны, и гдѣ онъ, благодаря этому, представляетъ самостоятельное изложеніе и разборъ свидѣтельствъ, вдаваясь иногда и въ критическое изслѣдованіе существующихъ мнѣній.

Къ сожалѣнію и эти болѣе цѣнныя части труда страдаютъ все отъ того же недостатка, т. е. отъ важныхъ, существенныхъ пробѣловъ въ знакомствѣ съ источниками (славянскими) и съ литературой предмета. Будь у г. Вертнера болѣе основательная подготовка (знаніе славянскихъ языковъ), а слѣдовательно болѣе широкій кругозоръ и знакомство съ

---

[1]) Это начинаютъ повидимому понимать и сами мадьяры, какъ свидѣтельствуетъ и данный трудъ, и недавно вышедшая работа г. *Ходинки* по сербской исторіографіи и древнимъ источникамъ: A szerb történet. Forrásai és első kora (Сербская исторія. Источники и древняя эпоха) *Hodinka Antal.* Budapest, 1891.

новѣйшими работами особенно русскихъ ученыхъ (по славянской исторіи), его трудъ могъ бы быть весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку — и въ общей своей задачѣ, не говоря уже о спеціальной сторонѣ, такъ какъ ему нельзя отказать въ научности пріемовъ, въ умѣніи разобраться въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ, а равно и въ извѣстномъ критическомъ дарѣ.

Разсматриваемая нами часть его труда посвящена Болгаріи. Какъ извѣстно, дѣлу разработки исторіи болгарскаго народа—конечно подъ вліяніемъ политическихъ событій—особенно посчастливилось въ послѣднее время. Кромѣ замѣчательнаго и перваго въ своемъ родѣ труда К. Иречка (продолжающаго и теперь въ отдѣльныхъ изысканіяхъ и статьяхъ разрабатывать вопросы болгарской древности, старины и современности), появилось съ тѣхъ поръ довольно много спеціальныхъ изслѣдованій, монографій и статей по исторіи Болгаръ, или ея такъ или иначе касающихся, и безъ сомнѣнія большинство ихъ принадлежитъ русской исторической литературѣ, а именно русскимъ славистамъ, византинистамъ и даже оріенталистамъ. Между этими трудами есть капитальные и чрезвычайно важные. Относящіяся сюда изслѣдованія гг. Соколова, Макушева, Дринова, Бруна, Успенскаго, Васильевскаго, бар. Розена, Сырку и другихъ пользуются заслуженною извѣстностью не только въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ. Не имѣть о нихъ понятія, не исчерпать ихъ для своей цѣли или игнорировать ихъ, имѣя въ виду обогатить науку новымъ изысканіемъ и разрабатывая такую общую тему по болгарской исторіи, какъ родословную болгарскихъ царей, значитъ пренебречь важнѣйшею частью современной литературы своего предмета. Положимъ, разумѣемыя нами изысканія не имѣютъ прямого отношенія къ генеалогіи болгарскихъ династій, но вѣдь—вслѣдствіе скудости, сбивчивости, неопредѣленности и разбросанности прямыхъ данныхъ — авторъ принужденъ строить свои соображенія и выводы на совокупности всего доступнаго ему матеріала по внутренней и внѣшней исторіи Болгаріи, на подробномъ анализѣ связи и послѣдовательности извѣстныхъ событій или взаимныхъ отношеній лицъ, а потому для него должна быть важна всякая новая работа, проливающая новый свѣтъ на эти событія и отношенія.

Между тѣмъ нашъ авторъ основалъ свое изложеніе фактовъ и данныхъ болгарской исторіи и разборъ ихъ почти исключительно на трудѣ

г. К. Иречка (нѣм. изд.), ссылаясь иногда еще на его давнихъ предшественниковъ (напр. Энгеля), да на очень немногія изданія югославянскія (напр. Любича). Вышеупомянутыя изслѣдованія русскихъ ученыхъ, равно какъ рядъ новѣйшихъ, какъ и прежнихъ, работъ южнославянскихъ авторовъ (болгарскихъ, сербскихъ, хорватскихъ) остаются у него, такъ сказать, за бортомъ, ему совершенно неизвѣстными [1]).

По справедливости приходится такимъ образомъ сдѣлать тяжелый упрекъ г. Вертнеру въ столь серіозномъ упущеніи. Выше отмѣченнымъ признаніемъ своимъ въ предисловіи ограниченности своихъ средствъ (или подготовки) онъ правда старался обезоружить критику, но признаніе это имѣетъ главнымъ образомъ въ виду недоступность первыхъ источниковъ (па славянскихъ языкахъ). Такъ что можно подумать, что авторъ и не сознаетъ или не подозрѣваетъ своего не менѣе важнаго упущенія относительно литературы рѣшаемыхъ имъ вопросовъ. Если же онъ зналъ о ея существованіи, но сознательно пренебрегъ ею, то—тѣмъ хуже!

Мы не имѣемъ въ виду послѣдовательно разбирать шагъ за шагомъ работу г. Вертнера. Наша цѣль — дать ей общую оцѣнку и отмѣтить то, что́ въ ней заслуживаетъ вниманія и представляетъ научный интересъ. А потому послѣ уже нами сказаннаго намъ остается еще познакомить читателей съ характеромъ и системой его изложенія, съ сущностью болѣе самостоятельныхъ изысканій автора (въ области угро-болгарскихъ отношеній), и наконецъ представить примѣры, на которыхъ особенно отразились вышесказанныя упущенія и недостатокъ подготовки и свѣдѣній у автора.

Въ своемъ трудѣ авторъ въ послѣдовательномъ и систематическомъ порядкѣ дѣлаетъ сводъ всѣхъ собранныхъ имъ извѣстій и данныхъ о царствовавшихъ въ Болгаріи родахъ и династіахъ, начиная съ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ и до послѣднихъ Шишмановичей (XIV в.), и разъясняетъ ихъ генеалогію, ихъ отношенія и связи съ иноземными династіями. Каждый родъ или вѣтвь рода представляетъ особый отдѣлъ, въ которомъ каждый членъ рода или семьи занимаетъ свое мѣсто: о немъ собщаются біографическія свѣдѣнія, характеризуется его исто-

---

[1]) Даже такіе первостепенные спеціальные труды по болгарской исторіи, какъ изслѣдованія *Палаузова*, извѣстны нашему автору развѣ только по имени.

рическая роль, а въ случаѣ спорности разбирается и посильно опредѣляется его происхожденіе и мѣсто въ родословной. Царственнымъ лицамъ и особенно виднымъ изъ нихъ дѣятелямъ посвящается соотвѣтственно конечно наиболѣе вниманія, иногда цѣлыя небольшія изслѣдованія, а другимъ, второстепеннымъ гораздо менѣе, но каждому упоминаемому въ источникахъ лицу во всякомъ случаѣ — хоть нѣсколько строкъ. Для наглядности присоединены кое-гдѣ къ тексту генеалогическія таблички. Противъ такой системы и способа изложенія нельзя ничего возразить. Ими достигаются—ясность, отчетливость и порядокъ въ группировкѣ фактовъ и свидѣтельствъ. Правда, иногда автору приходится повторять кое-что, говоря о разныхъ лицахъ, или ссылаться на послѣдующіе отдѣлы, но это — малѣйшее неудобство, съ которымъ легко примириться. Вообще нельзя не отмѣтить достоинствъ изложенія, представляющаго удобства и для послѣдовательнаго чтенія и изученія матеріала и для справокъ.

Въ первыхъ отдѣлахъ о *древнѣйшихъ династіяхъ* перваго болгарскаго царства (до старыхъ Шишмановичей включительно) авторъ компилируетъ свое изложеніе почти исключительно по исторіи Иречка и лишь генеалогію Шишманидовъ разрабатываетъ нѣсколько подробнѣе и самостоятельнѣе, пользуясь и другими источниками, напр. относительно изгнанной изъ Болгаріи и водворившейся въ Хорватіи вѣтви этого рода. Слѣдуя въ остальномъ слѣпо за Иречкомъ, онъ разумѣется повторяетъ всѣ его заблужденія и ошибки, уже указанныя критикой (Макушевымъ, Дриновымъ), а послѣдующія важныя работы остаются ему неизвѣстными. Напр. въ вопросѣ о самостоятельномъ существованіи западнаго болгарскаго царства (рядомъ съ восточнымъ), о началѣ державы Самуила и объ элементахъ болгарскаго движенія онъ прямо держится Иречка (принявшаго гипотезу Дринова), по всей вѣроятности и не подозрѣвая о новомъ (насколько вѣрномъ — это другой вопросъ) освѣщеніи этихъ вопросовъ арабскимъ источникомъ (лѣтопись Яхъи антіох.), обнародованнымъ бар. В. Г. Розеномъ (въ книгѣ „Имп. Василій Болгаробойца“, Спб. 1883), и объ основанныхъ на послѣднемъ взглядахъ и соображеніяхъ. А между тѣмъ новый источникъ и имѣющаяся уже въ литературѣ его оцѣнка по отношенію къ даннымъ вопросамъ разумѣется пригодились бы автору въ его главѣ о родословной Шишманидовъ.

Съ возникновенія *второго* болгарскаго царства, съ династіи *Асѣней* трудъ г. Вертнера становится нѣсколько самостоятельнѣе и содер-

жательнѣе — именно вслѣдствіе сближенія (съ конца XII в.) Угріи съ Болгаріей, постепеннаго оживленія этихъ отношеній и усиливающагося освѣщенія болгарскихъ событій современными венгерскими источниками. Можно сказать, что эти положительныя свойства работы и вообще ея научная цѣнность прямо опредѣляются послѣднимъ обстоятельствомъ, т. е. относительнымъ обиліемъ наиболѣе близкихъ, домашнихъ для автора источниковъ, т. е. венгерскихъ.

Само собой разумѣется послѣ сказаннаго, что и въ этой части труда на каждомъ шагу приходится отмѣчать незнакомство автора съ новѣйшей литературой. Напр. донынѣ открытый и спорный вопросъ о происхожденіи Асѣней онъ считаетъ *рѣшеннымъ* на основаніи „документальныхъ данныхъ“ (т. е. извѣстныхъ писемъ папы Иннокентія III) въ смыслѣ признанія ихъ „потомками старыхъ болгарскихъ царей, родомъ изъ Тырнова, колыбели старѣйшихъ Шишмановичей,“ нисколько не углубляясь критически въ этотъ вопросъ (вѣдь не безразличный же для него!) и очевидно ничего не вѣдая о его критическомъ и разностороннемъ обсужденіи въ новѣйшей ученой литературѣ (напр. у Успенскаго, Васильевскаго), а въ добавокъ еще повторяя неосновательное мнѣніе (вычитанное у Иречка) о происхожденіи Шишмановичей изъ Тырнова, котораго въ X в. еще и не существовало... О первыхъ Асѣняхъ (Петрѣ, Асѣнѣ и Калоянѣ, Борилѣ и другихъ выдающихся дѣятеляхъ этого періода: Иванкѣ, Стрѣзѣ и Славѣ) г. Вертнеръ разсказываетъ, держась преимущественно тоже Иречка, иногда провѣряя его впрочемъ доступными ему источниками. Отсталость, ошибки, а иногда и собственныя измышленія встрѣчаются и здѣсь. Первому Асѣню онъ безъ достаточнаго основанія придаетъ имя Іоанна; царя Петра ставитъ на второе мѣсто, тогда какъ онъ былъ старшій и съ самаго начала принялъ царскій титулъ (а Асѣнь позже); онъ сидѣлъ въ старой Прѣславѣ, а Овечь (Провадъ), который авторъ приписываетъ ему же, былъ удѣломъ младшаго брата — Іоанна (Калояна). Иванко, убійца Асѣня, выступаетъ какъ близкій родственникъ Асѣней, а объ общественномъ его положеніи (принадлежности къ боярству) не говорится ни слова, тогда какъ именно очевидное стояніе его, какъ орудія византійской интриги, во главѣ цѣлой боярской партіи, является наиболѣе характернымъ; родство же его съ Асѣнями (конечно интересное для нашего автора) представляется нѣсколько проблематичнымъ. Неясными и послѣ разясненій автора остаются и родственныя от-

ношенія извѣстнаго вельможи Стрѣза (Хриза) и деспота Слава съ Асѣнями.

Болѣе обстоятельно и съ большей критикой разобраны родственныя отношенія царя Іоанна Асѣня II и его семейства, причемъ тутъ впервые обнаруживается болѣе сильная сторона работы автора—въ привлеченіи къ дѣлу венгерскихъ источниковъ,—именно по поводу семейныхъ связей Асѣня II съ угорскимъ королевскимъ домомъ. Здѣсь посвящено такимъ образомъ особенное вниманіе личности угорской жены Асѣня Маріи и ея дѣтямъ, а также царю Михаилу Асѣневичу и его родству съ Арпадовичами—черезъ извѣстнаго бана Мачвы Ростислава Михайловича. Въ отдѣлѣ о дѣтяхъ Іоанна Асѣня II отъ угорской жены Маріи заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе о дочери ихъ Тамарѣ, которую Иречекъ и другіе, на основаніи показанія Акрополиты, считаютъ женой Михаила Комнина (см. Иречекъ, рус. изд. стр. 357, генеал. табл.). Авторъ, доказывая, что подъ этимъ послѣднимъ нельзя разумѣть никого болѣе, какъ будущаго императора Михаила VIII Палеолога, на основаніи положительныхъ о немъ извѣстій рѣшительно отрицаетъ возможность этого брака и дѣлаетъ о брачныхъ узахъ Тамары свои предположенія, дѣльности и правдоподобія которыхъ нельзя не признать. Ссылаясь именно на извѣстную договорную грамоту Дубровника съ царемъ Михаиломъ Асѣнемъ (1253 года), въ которой играетъ роль и зять послѣдняго Петръ Севастократоръ, авторъ справедливо полагаетъ возможнымъ въ этомъ зятѣ видѣть мужа михаиловой сестры, и именно всего вѣроятнѣе Тамары. Иречекъ ошибочно принималъ здѣсь зятя, какъ мужа дочери (Schwiegersohn) Михаила, въ чемъ и покаялся въ частномъ письмѣ къ г. Вертнеру, предлагая замѣнить Schwiegersohn'a — Schwager'омъ. Нашъ авторъ, имѣя въ виду двоякое значеніе этого нѣмецкаго слова (для брата жены и сестрина мужа) толкуетъ еще, почему онъ принимаетъ его во второмъ значеніи—для него подходящемъ, не подозрѣвая по своему незнанію славянскаго языка, что въ данномъ случаѣ Schwager есть переводъ второго значенія *зятя* упомянутой грамоты, т. е. мужа сестры, что слѣдовательно о шуринѣ не можетъ быть рѣчи, и Петръ Севастократоръ только и могъ быть мужемъ одной изъ михаиловыхъ сестеръ. Такимъ образомъ на дѣлѣ предположеніе г. Вертнера (относительно Тамары) является даже болѣе обоснованнымъ, чѣмъ о томъ полагаетъ онъ самъ.

Въ вопросѣ о тестѣ царя Михаила А., о пресловутомъ Ῥῶσος Οὖρος'ѣ Г. Акрополиты, т. е. вопросѣ, прямо касающемся угорскихъ отношеній, нашъ авторъ опять не слѣдуетъ за К. Иречкомъ, повторившимъ заблужденіе Палацкаго, и за другими (напр. въ русск. литературѣ—Бруномъ [1]), видѣвшими въ этомъ лицѣ сербскаго краля Стефана Уроша I, а правильно принимаетъ другое единственное возможное рѣшеніе, т. е. признаніе въ этомъ Ῥῶσος Οὖρος извѣстнаго бана Мачвы Ростислава Михайловича, зятя угорскаго короля Бѣлы IV, слѣдуя такимъ образомъ за Фесслеромъ, Палаузовымъ и ихъ послѣдователями.

Между послѣдними автору, правда, неизвѣстны такіе авторитеты, какъ напр. В. В. Макушевъ (въ критикѣ исторіи Иречка), но онъ въ данномъ случаѣ руководствуется взглядомъ служащаго ему авторитетомъ своего отечественнаго историка Венцеля (въ его статьѣ о Ростиславѣ) и приводитъ при этомъ всѣ его доводы, присоединяя кое-какія свои соображенія. Не станемъ повторять всѣхъ этихъ вполнѣ убѣдительныхъ доводовъ: они достаточно извѣстны спеціалистамъ. Замѣтимъ только, что г. Вертнеръ видитъ, едва-ли однако справедливо, въ первой части имени (Ῥῶσος) не обозначеніе народности (русской) этого лица, а первый слогъ или сокращеніе имени Ростислава. Что брачные узы болгарскаго царя съ Арпадовичами (черезъ зятя Бѣлы IV) сравнительно съ предполагаемыми связями съ сербскими Нѣманичами, гораздо болѣе оправдываются политическими расчетами,—въ этомъ мы вполнѣ согласны съ авторомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, касающемся дѣятелей смутнаго времени въ Болгаріи, ознаменовавшемся и вмѣшательствомъ Угровъ въ ея дѣла, авторъ продолжаетъ обнаруживать извѣстную самостоятельность, не держится Иречка, а напротивъ оспариваетъ его иногда, но къ сожалѣнію все по той же причинѣ — своему отношенію къ славянскимъ ис-

---

[1]) *Брунъ*, Объ участіи русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи XIII и XIV в. Ж. М. Н. Пр., 1878, дек. Г. Брунъ очевидно слишкомъ рѣшительно и поспѣшно отвергаетъ возможность видѣть въ Ῥῶσος Οὖρος — Ростислава Мих., не умѣя, какъ видно, объяснить себѣ вторую часть имени. Между тѣмъ она легко объясняется мад. словомъ *úr*, означающимъ *господина* (проникшимъ въ этомъ значеніи и къ болгарамъ), также *воеводу*, герцога, и соотвѣтствующимъ лат. dominus, какъ въ грамотахъ титулуется и Ростиславъ (Dominus de Machou).

точникамъ и недостатку начитанности — не проникаетъ въ должной мѣрѣ въ суть спорныхъ вопросовъ, не исчерпываетъ ихъ содержанія, а потому не можетъ давать прочное обоснованіе своимъ выводамъ. Таковъ напр. спорной вопросъ о пресловутомъ Мичѣ, преемникѣ Коломана II.

Авторъ отвергаетъ мнѣніе К. Иречка, слѣдовавшаго Г. Акрополитѣ и видѣвшаго въ разсказѣ о Мичѣ (уменьшительномъ имени Михаила) лишь преданіе о царѣ Михаилѣ А. Онъ напротивъ на основаніи свидѣтельствъ Пахимера и Григоры признаетъ не только существованіе Мичи, какъ политическаго дѣятеля, но и то, что эта личность занимала нѣкоторое время престолъ болгарскій, будучи возведена на него Ростиславомъ Михайловичемъ, но тѣмъ не менѣе къ удивленію читателя онъ, обнаруживая странную непослѣдовательность, исключаетъ почему-то Мичу изъ ряда самостоятельныхъ царей болгарскихъ . . . Самая личность Мичи остается у него невыясненною, а потому этому дѣйствительно загадочному лицу не отведено опредѣленное мѣсто въ генеалогіи Асѣнидовъ.

Притомъ у г. Вертнера замѣчается даже нѣкоторая путаница, именно въ разсказѣ о борьбѣ Мичи съ царемъ Константиномъ Тихомъ (стр. 27): смерть императора Ѳеодора II Ласкаря, союзника и тестя Константина (женатаго на его дочери), оказывается по его словамъ „ущербомъ“ для Мичи (ein grosser Nachteil für Mytzes), принужденнаго защищаться отнынѣ лишь съ угорскою помощью, тогда какъ тутъ-же передъ тѣмъ говорится, что войска имп. Ѳеодора помогали Константину.

Что касается самаго появленія Мичи на сцену, то у нашего автора онъ является претендентомъ и садится на престолъ лишь какъ родственникъ Михаила Асѣня по женѣ своей (свид. Пахимера и Григоры), ибо онъ былъ женатъ на Маріи, дочери Іоанна Асѣня II, т. е. сестрѣ Михаила (и сестрѣ жены Ѳеодора Ласкаря). Авторъ какъ будто ничего не знаетъ о существованіи нынѣ даже общепринятаго мнѣнія, что Мича былъ старшій сынъ бана Ростислава М. (Михаилъ Ростиславичъ, уменьшительно Мича), какъ это впервые предположилъ мадьярскій же историкъ Феслеръ и какъ утверждали затѣмъ Палаузовъ въ своей извѣстной автору статьѣ о Ростиславѣ Михайлов. и въ послѣднее время В. В. Макушевъ. Такое незнаніе было бы непростительно. Если же онъ знаетъ о немъ, но его не раздѣляетъ, то это конечно не избавляло его отъ обязанности высказаться о немъ, т. е. разобрать и опровергнуть.

Если это мнѣніе и не можетъ быть утверждено на прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ, то въ пользу него приводятся все-же довольно убѣдительные доводы, съ которыми нельзя не считаться. Назвать его неопровержимымъ не можемъ и мы съ своей стороны, особенно въ виду одного уже однажды высказаннаго (Голубинскимъ) возраженія, которое устранить, по нашему мнѣнію, не такъ легко. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Ас. былъ женатъ на дочери Ростислава Михайловича, слѣдовательно сынъ послѣдняго Михаилъ былъ его шуринъ: могъ ли онъ въ то же время быть женатъ на сестрѣ Михаила Ас., т. е. сестрѣ своего зятя? Не слишкомъ ли ужъ близко родство? Мича былъ бы одновременно и братъ жены и мужъ сестры болгарскаго царя! Нарушеніе церковныхъ правилъ допускалось тогда, правда, нерѣдко въ бракахъ царствующихъ особъ, но всетаки нужны были для того особенно важные мотивы, а къ тому же Мича, по всему видно, уже былъ женатъ на сестрѣ Михаила Ас., когда вступилъ на престолъ.

Въ отдѣлѣ о Мичѣ мы находимъ свѣдѣнія о его дѣтяхъ, изъ которыхъ игралъ извѣстную политическую роль его сынъ (а слѣдовательно внукъ Іоанна Ас. II), неудачно искавшій престола болгарскаго подъ именемъ Іоанна Асѣня III, и о другихъ позднѣйшихъ потомкахъ Асѣневичахъ, состоявшихъ на византійской службѣ.

Столь-же не полны и столь-же недостаточно исчерпываютъ вопросъ сообщенія и разъясненія автора относительно преемника Мичи— царя *Константина Тиха*. Къ существующимъ взглядамъ о происхожденіи Константина онъ не только не прибавилъ ничего новаго, но и тутъ выказалъ свое полное незнакомство съ литературой этого также довольно темнаго вопроса. На основаніи извѣстныхъ болгарскихъ грамотъ авторъ признаетъ Константина внукомъ Стефана Нѣмани, получившимъ имя Тиха по имени своего отца, стефанова сына, но думаетъ при этомъ, что высказываетъ тутъ нѣчто новое, не подозрѣвая, что мнѣніе это давно уже высказано и общеизвѣстно. Ему очевидно осталось совершенно недоступнымъ все то, что по этому вопросу написано въ сербской исторіографіи, начиная съ болѣе старыхъ изслѣдованій и до новѣйшей, впрочемъ неудачной попытки г. П. Сретьковича разъяснить личность Константина Тиха и его историческую роль отождествленіемъ его съ сыномъ Стефана Первовѣнчаннаго (=Тихъ) Владиславомъ [1]).

[1]) См. Расправа о Константину Теху, написао *П. С. Срећковић*

А между тѣмъ г. Вертнеру, спеціально посвященному въ генеалогическіе вопросы, всѣ эти работы были бы драгоцѣнны и дали бы возможность углубиться въ предметъ и притти къ дѣйствительно самостоятельному рѣшенію. Мы, слѣдовательно, снова видимъ, какъ рѣзко-неблагопріятно сказывается въ несомнѣнно старательной работѣ г. В. недостаточность его подготовки.

Авантюриста-узурпатора Бердоквенника нашъ авторъ вмѣстѣ съ К. Иречкомъ ошибочно называетъ *Ивайлой*, тогда какъ уже В. В. Макушевъ достаточно убѣдительно объяснилъ въ разборѣ книги Иречка, что подъ Ивайлой [1]) („вь дни црѣ Иваила“ въ записи Сверлижскаго четвероевангелія отъ 1279 г.) слѣдуетъ разумѣть вступившаго было подъ покровительствомъ Грековъ на болгарскій престолъ въ 1279 сына Мичи—царя Іоанна Асѣня III, а никакъ не свинопаса Бердоквенника.

Гораздо болѣе пытливаго вниманія и самостоятельнаго углубленія въ предметъ,—впрочемъ по естественнымъ причинамъ, о которыхъ уже говорено выше, — г. Вертнеръ посвятилъ вопросу объ извѣстномъ деспотѣ *Яковъ Святославъ* для разъясненія его отношеній къ Угріи и угорскому королю. Эпизодъ, касающійся этого лица, оставался до сихъ поръ мало выясненнымъ, да и, сколько намъ извѣстно, почти не затронутымъ исторической критикой. Палаузовъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Юговостокъ Европы въ XIV в.“, посвященномъ также смутному времени въ Болгаріи, удѣляетъ ему лишь одно примѣчаніе (см. Ж. М. Н. Пр. 1857, 96, стр. 40). К. Иречекъ въ своей исторіи говоритъ о немъ немногимъ болѣе [2]).

Остановившись на этомъ эпизодѣ, авторъ предпринялъ ради него разсмотрѣть болѣе подробно и обстоятельно угроболгарскія отношенія и военныя дѣйствія Угровъ въ Болгаріи въ этотъ любопытный періодъ болгарскихъ смутъ конца 50-хъ и 60-хъ годовъ XIII в., и въ этомъ от-

---

Беогр. 1888 (и въ его Исторіи сербскаго народа), о которой см. справедливыя замѣтки *Т. Д. Флоринскаго*, въ Кіевскихъ Унив. Извѣст. 1888 г.

[1]) *Г. Брунъ* въ вышесказанной статьѣ (Ж. М. Н. Пр. 1878) безъ основанія скептически отнесся и къ этой поправкѣ Макушева.

[2]) Даже и г. *Брунъ*, спеціально писавшій объ участіи Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV ст. (въ указанной статьѣ въ. Ж. М. Н. Пр.) не остановился подробнѣе на личности Святослава и его судьбѣ.

рывкѣ своего труда онъ несомнѣнно далъ намъ болѣе полный или цѣльный образчикъ своихъ самостоятельныхъ разысканій, представляющій поэтому бо́льшую цѣну и научный интересъ. Его разборъ угорскихъ историческихъ свидѣтельствъ этого времени, касающихся какъ вообще болгарскихъ отношеній, такъ въ особенности деспота Якова Святослава съ собственными его соображеніями и домыслами, существенно дополняютъ прежнія изложенія предмета у Палаузова, Иречка и др. и во всякомъ случаѣ представляютъ шагъ впередъ, освѣщая вопросъ съ новой стороны, если и не исчерпываютъ и не рѣшаютъ его вполнѣ удовлетворительно.

Извѣстно, что со времени заключенія родственныхъ узъ Арпадовичей съ болгарскими царями и особенно породненія Михаила Асѣня съ Бѣлой IV черезъ бана Ростислава Михаиловича угорскіе короли обнаруживали все болѣе притязаній на Болгарію, а Бѣла IV и по преимуществу его сынъ Стефанъ титуловались „rex Bulgariae“. По смерти царя Михаила Ас. Ростиславъ Михаиловичъ сажаетъ на болгарскій престолъ его зятя (и своего сына?) Мичу, и послѣдующія войны Угровъ въ Болгаріи ведутся съ соперникомъ Мичи и его византійскими покровителями—какъ за него, такъ вообще за интересы и преобладаніе угорскаго короля въ Болгаріи. По устраненіи Мичи, какъ претендента, дѣла Угровъ тамъ всетаки не прекращаются. Имъ нуженъ былъ поводъ къ вмѣшательству, и вотъ въ связи съ этимъ-то и обращаетъ на себя вниманіе эпизодъ съ Яковомъ Святославомъ, почти независимымъ деспотомъ въ Болгаріи, который нашъ авторъ и пытается освѣтить съ точки зрѣнія отношеній этого лица къ Угріи.

Яковъ Святославъ—русскій по происхожденію (см. его извѣстное письмо къ Кіевскому митрополиту Кириллу 1262) былъ полунезависимымъ (особенно благодаря смутному времени) деспотомъ въ Болгаріи, въ Балканахъ (по Иречку „на западѣ“). К. Иречекъ сообщаетъ о немъ еще, что онъ принималъ участіе въ мирномъ договорѣ Стефана V съ Оттокаромъ чешскимъ (1271) и въ этомъ документѣ названъ Sventislaus imperator Bulgarorum, что Михаилъ Палеологъ далъ ему въ жены дочь Ѳеодора Ласкаря, такъ что онъ сталъ своякомъ царя Константина, и затѣмъ разсказываетъ, съ какимъ коварствомъ Марія, вторая жена Константина, избавилась отъ этого соперника своего сына, торжественно усыновивъ его сперва, а затѣмъ тайно изведя его. Вмѣстѣ съ тѣмъ чешскій

ученый дѣлаетъ предположеніе, что Яковъ Святославъ могъ быть обязанъ своею властью Уграмъ, которые имѣли и въ Мачвѣ вассальнаго русскаго князя Ростислава. Ничего болѣе объ отношеніяхъ этого лица къ Уграмъ Иречекъ не сообщаетъ.

Вотъ этотъ-то пунктъ и старается разъяснить г. Вертнеръ на основаніи главнымъ образомъ венгерскихъ источниковъ.

Исходной для него точкой служитъ свидѣтельство одной грамоты 1270 г., которое онъ и пытается истолковать. Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что король угорскій Стефанъ V даритъ нѣкаго бана Понюха за его заслуги въ войнѣ болгарской, именно за взятіе крѣпости Pleun (Плевна?) — когда угорскія владѣнія (Северин. Банатъ) опустошалъ „Святославъ Болгарскій Императоръ, нашъ дорогой зять, намъ тогда враждебный...“ („Porro cum Zuentizlaus Bulgarorum Imperator, karissimus gener noster, tunc nostre Maiestati oppositus terram nostram de Zeurino miserabiliter devastasset, nos injuriam nostram huiusmodi propulsantes, eum ad Bulgariam congregato exercitu venissemus, dictus Ponych Banus... castrum Pleun Bulgarorum optinuit expugnando“)[1]).

Перечисливъ и разсмотрѣвъ хронологически всѣ извѣстія объ ургоболгарскихъ войнахъ и столкновеніяхъ этого періода, о побѣдоносныхъ походахъ Стефана и его полководцевъ въ защиту Мичи, оставленнаго подъ конецъ—какъ полагаютъ—лишь вслѣдствіе возникшаго столкновенія между Стефаномъ и его отцемъ, авторъ намѣчаетъ время событій, упоминаемыхъ въ данной грамотѣ: онъ относитъ эти новыя враждебныя дѣйствія уже къ слѣдующему періоду (по удаленіи со сцены Мичи), т. е. къ 1267—1269 г., когда, какъ оказывается, врагомъ Угровъ выступаетъ уже не царь Константинъ, а деспотъ Яковъ Святославъ („Imperator Bulgarorum“), который однакожъ въ документѣ 1270 г., т. е. въ моментъ составленія грамоты былъ уже не только въ мирѣ съ Уграми, но и зятемъ (gener) Стефана. Вотъ эту-то родственную связь и вообще отношенія Якова Святослава къ Утрамъ и требуется разъяснить.

По мнѣнію автора Святославъ воспользовался вѣроятно смутами 1260—1270 гг., чтобъ пріобрѣсти область, въ которой и правилъ самостоятельно, какъ соправитель царя болгарскаго. На мѣстоположеніе

---

[1]) Wenzel, Cod. Dipl. Arp. contin., XII (Monum. Hung. Hist. Dipl. XXII), Budapest, 1874, p. 8.

этой области указываетъ де точнѣе упоминаемый въ грамотѣ „Pleun“— Плевна (?). Еще болѣе вѣсу и значенія придала ему женитьба (по иниціативѣ Михаила Палеолога) на дочери покойнаго имп. Ѳеодора II Ласкаря и вступленіе этимъ путемъ въ свойство съ царемъ Константиномъ. Возгордившись де этими успѣхами, Святославъ, недовольный притязаніями Стефана угорскаго, опустошилъ Северин. Банатъ (1267—69 г.), но разбитый Уграми и не ожидая поддержки и сочувствія со стороны болгарскаго царя Константина и греческаго двора, онъ предпочелъ совершенно предаться Уграмъ, и вотъ де откуда проистекаютъ его поименованія „gener“ и „Imperator Bulgarorum“. Правда, авторъ признаетъ, что изъ данной грамоты нельзя съ увѣренностью заключить, что Святославъ сталъ зятемъ Стефана уже послѣ упомянутаго тамъ столкновенія, а не былъ имъ раньше, но онъ тѣмъ не менѣе считаетъ это (т. е. первое) „неопровержимымъ“, ибо *такъ* де очевидно *разумѣлъ* Стефанъ... Для допущенія такого породненія надо де признать, что первой жены Святослава (дочери Ѳеодора Ласкаря) уже не было тогда въ живыхъ, или она была просто устранена, какъ случалось нерѣдко у Болгаръ. Что касается самого названія *gener*, то, хоть въ документахъ Арпадовичей иногда этимъ словомъ обозначается не именно зять, а вообще мужъ какой-либо принцессы Арпадовны, въ данномъ случаѣ надо всеже разумѣть дочь Стефана, пока нельзя доказать, что тутъ разумѣется другая принцесса. Но къ сожалѣнію опредѣлить, которая изъ дочерей кор. Стефана была выдана за мужъ или помолвлена только (ибо и это авторъ допускаетъ) за Святослава, не представляется возможности, да и изъ извѣстныхъ дочерей Стефана ни одна не подходитъ въ данномъ случаѣ, такъ что автору приходится предположить *еще* дочь между извѣстными Маріей и Елизаветой. Дѣло затемняется еще и тѣмъ, что уже въ 1271 г. (а бракъ пріурочивается г. Вертнеромъ къ концу 1270 г.), т. е. менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ брака (или помолвки), въ мирномъ договорѣ Стефана съ Оттокаромъ чешскимъ рядомъ съ родственниками (обозначенными „gener“) короля Стефаномъ Драгутиномъ сербскимъ, Андроникомъ Палеологомъ и др. Святославъ названъ уже только Imperator Bulgarorum, но *безъ прибавки* „gener noster“. Это заставляетъ предположить автора, что угорская жена (или невѣста) Святослава умерла между концомъ 1270 и іюлемъ 1271 г., что́ однакожъ не нарушило дружескихъ отношеній Стефана и Святослава.

Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ авторъ приводитъ свидѣтельство изъ одного письма оломуцкаго епископа Брунона къ папѣ Григорію X (1272) о сестрѣ молодого королевича угорскаго, выданной за „противника церкви Ватація“ („Soror juvenis hujus Regis Vathatio est tradita, Ecclesiae inimico“). Г. Вертнеръ думаетъ видѣть здѣсь дочь Стефана (сестру молодого Людовика IV), именно Анну, которая въ то время была уже за мужемъ за византійскимъ наслѣдникомъ престола Андроникомъ, сыномъ императора Михаила Палеолога, быть можетъ, носившимъ имя Ватація (если тутъ не спуталъ чего-либо Брунонъ), ибо онъ, авторъ, не знаетъ другого Ватація, кромѣ Никейскаго Императора Іоанна III. Еслибъ это было не такъ, то пришлось бы предположить еще дочь у Стефана, „которую пожалуй можно-бы поставить въ связь и съ деспотомъ Святославомъ“, т. е. надо думать—авторъ допускаетъ возможность подъ Ватаціемъ разумѣть деспота Святослава; такъ-ли? Въ заключеніе авторъ приводитъ разсказъ Пахимера о трагическомъ концѣ Святослава, павшаго жертвой коварства жены царя Константина Маріи.

Таковы соображенія г. Вертнера объ отношеніяхъ Святослава къ угорскому королевскому дому, о которомъ сохранилось столь интересное, но къ сожалѣнію неясное свидѣтельство грамоты 1270 г.

Скажемъ прямо, что по нашему мнѣнію, съ которымъ вѣрно многіе читатели согласятся, въ соображеніяхъ и заключеніяхъ нашего автора не мало произвольнаго и натянутаго. Вотъ отчего мы, признавая заслугу автора въ указаніи любопытнаго свидѣтельства, возбужденіи важнаго вопроса и попыткѣ его рѣшенія, вообще во внесеніи кое-чего новаго въ изслѣдованія о смутныхъ годахъ въ Болгаріи въ правленіе царя Константина, объ угро-болгарскихъ отношеніяхъ и о деспотѣ Святославѣ, тѣмъ не менѣе не можемъ признать его выводовъ удовлетворительно разрѣшающими рядъ выдвинутыхъ имъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ всѣ представленныя имъ данныя и документальныя свидѣтельства приводятъ насъ лично къ нѣсколько инымъ и кажется болѣе естественнымъ и правдоподобнымъ заключеніямъ, которыя мы считаемъ не лишнимъ здѣсь высказать, не претендуя однако на окончательное разъясненіе вопроса.

Данная грамота оправдываетъ несомнѣнно предположеніе о существованіи въ теченіе извѣстнаго времени политическаго сближенія (отчасти на родственныхъ связяхъ основаннаго) между Святославомъ

и угорскимъ королевскимъ домомъ, которому предшествовали враждебныя отношенія и которое въ концѣ концовъ очевидно разстроилось, что доказываетъ усыновленіе Святослава царицей Маріей. Но сдѣлать прямое заключеніе о бракѣ (или помолвкѣ) Святослава, и именно въ 1270 году на дочери короля Стефана (которая должна была умереть по автору еще до іюля 1271 г.) этотъ документъ отнюдь не даетъ намъ права.

Когда Святославъ сталъ „gener“ Стефана — изъ грамоты рѣшительно не видно. Родственныя отношенія могли быть уже ранѣе и не помѣшать столкновенію. Далѣе неизвѣстно, на какомъ основаніи авторъ относитъ это опустошеніе Святославомъ Северин. Баната (t. de Zeurina) и походъ Стефана къ 1267—69 г. Есть, напротивъ, основаніе думать, что дружеское сближеніе угорскаго короля съ Святославомъ началось значительно ранѣе. Самъ авторъ упоминаетъ о другой грамотѣ Стефана отъ того-же 1270 г., гдѣ онъ даритъ отличившихся въ походѣ, имъ предпринятомъ *„для поддержки Святослава противъ Грековъ“*. Значитъ уже до 1270 г. (т. е. до предполагаемаго родственнаго сближенія) Святославъ былъ союзникомъ Угровъ противъ Грековъ. Мы поэтому считаемъ болѣе вѣроятнымъ пріурочивать упомянутый въ грамотѣ походъ Святослава и мщеніе Угровъ къ извѣстнымъ событіямъ 1260 г., когда Болгаре во время войны Угровъ съ Оттокаромъ чешскимъ опустошили Северин. Банатъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грамота Бѣлы IV 1264 г. Тогда Угры еще поддерживали притязанія Мичи, соперника царя Константина, еще не совсѣмъ побѣжденнаго, и Святославъ уже женатый на дочери Ѳеодора II Ласкаря († 1258) и будучи своякомъ царя Константина (женатаго на ея сестрѣ Иринѣ) естественно былъ его союзникомъ противъ Угровъ. Послѣдніе еще нѣсколько лѣтъ воевали за права Мичи. Но вскорѣ обстоятельства измѣнились, и по всей вѣроятности по окончательномъ устраненіи Мичи въ 1265 г. (Михаиломъ Палеологомъ) Уграмъ удалось привлечь на свою сторону Святослава, обѣщавъ ему поддержку. Къ этому-то времени относится походъ Стефана противъ Михаила Палеолога (contra Paleologum Imperatorem Graecorum) и опустошеніе греческихъ областей, о которыхъ говорятъ нѣкоторые грамоты этого времени (1266, 1268, 1270), въ томъ числѣ вышеупомянутая отъ 1270 г. о *помощи, оказанной Святославу противъ Грековъ* (Hazai okmánytár, VI, 166). Походы эти были слѣдовательно уже въ интересахъ Святослава. Сбли-

женіе угорскаго короля съ нимъ продолжалось, какъ видно изъ нашихъ документовъ, и въ 1270 и 1271 г. (договоръ Стефана съ Оттокаромъ чешскимъ), а можетъ быть и долѣе, причемъ Святославъ — очень можетъ быть — питалъ въ началѣ даже серіозныя надежды на полученіе престола болгарскаго,—ему давали титулъ Imperator Bulgarorum,— что́ однакожъ вскорѣ стало мало осуществимымъ, именно по смерти жены царя Константина Ирины (1270) и послѣ женитьбы Константина на племянницѣ Михаила Палеолога Маріи, а также послѣ состоявшагося въ 1271 году брака дочери Стефана угорскаго съ сыномъ Михаила Палеолога, наслѣдникомъ византійскаго престола. Еще менѣе могъ надѣяться на что-либо Святославъ—когда у Константина отъ Маріи родился сынъ Михаилъ. На Угровъ и вообще на какую-либо внѣшнюю помощь нечего было болѣе разсчитывать. Только этимъ можемъ объяснить то, что Святославъ, видя свое дѣло проиграннымъ, но не потерявъ жажды власти, такъ легко попался въ сѣти болгарской царицы. Коварная Марія для обезпеченія престола за сыномъ считала нужнымъ отдѣлаться отъ Святослава и усыновивъ его, извела, а этотъ легкомысленно соблазнился предложенною ему ролью второго послѣ наслѣдника лица.

Что касается факта родственныхъ отношеній между Святославомъ и Стефаномъ, которыя дали основаніе послѣднему называть перваго *gener*, то при имѣющихся данныхъ окончательно разъяснить эти отношенія представляется намъ едва-ли возможнымъ. Заключеніе автора о бракѣ (въ концѣ 1270 г.) Святослава съ дочерью Стефана, какъ уже выше сказано, является слишкомъ поспѣшнымъ, не обоснованнымъ. Быть можетъ сближеніе или союзъ Святослава съ Уграми около 1265 г. и ознаменовался вторичнымъ бракомъ болгарскаго деспота (послѣ смерти первой жены?) съ какой-нибудь угорской княжной, хотя странно, что въ 1271 г. Святославъ уже не названъ gener, а удержанію этого наименованія не могла бы помѣшать даже смерть жены (развѣ была только помолвка, потомъ разстроившаяся), но во всякомъ случаѣ на личность этой особы у насъ нѣтъ ровно никакихъ указаній.

Намъ однакоже напрашивается вопросъ, нужно-ли предполагать, во что-бы то ни стало, такое вступленіе въ ближайшее родство Святослава съ Арпадовичами, съ цѣлью скрѣпленія политическаго союза—для объясненія слова *gener*. Авторъ самъ допускаетъ, что это обозначеніе

нерѣдко прилагалось Арпадовичами къ лицамъ, женатымъ на княжнахъ изъ ихъ дома, а можетъ—прибавимъ мы—и вообще на ихъ родственницахъ. Особенно это было натурально тогда, когда это родственное отношеніе требовалось выдвинуть по той или другой причинѣ. Между тѣмъ нельзя же забывать, что Святославъ былъ женатъ на внучкѣ Іоанна Асѣня II и *угорской жены его Маріи*, тетки Стефана Угорскаго, т. е. на дочери ея дочери (выданной за Ѳеодора Ласкаря), слѣдовательно на двоюродной племянницѣ кор. Стефана. Не могло ли уже это родство давать право послѣднему называть Святослава gener'омъ? Думается—могло. Но почему, спрашивается, употребленное въ 1270 г. это опредѣленіе не повторяется въ слѣдующимъ (1271 г.), въ договорѣ Стефана съ Оттокаромъ? Не потому-ли, отвѣтимъ мы, что въ 1270 г. на Святослава еще имѣлись въ Угріи нѣкоторые виды, а въ слѣдующемъ политическія отношенія круто измѣнились, когда дочь короля Стефана выдана была за мужъ за наслѣдника византійскаго престола Андроника и послѣдовало сближеніе съ Михаиломъ Палеологомъ, который поддерживалъ теперь въ Болгаріи царя Константина, женатаго на его племянницѣ Маріи?

Быть можетъ разрывъ съ Святославомъ произошелъ и не сразу, но во всякомъ случаѣ дѣло этимъ кончилось. Кто знаетъ—Марія, усыновляя и коварно устраняя Святослава (около 1277 г.), не дѣйствовала ли отчасти въ угоду, если и не по наущенію императора Михаила и Угровъ? Она при этомъ имѣла, конечно, въ виду интересы своего сына (Михаила), но, какъ извѣстно, ему судьба не улыбнулась, а у имп. Михаила былъ на готовѣ другой кандидатъ, любезный конечно и Уграмъ, т. е. сынъ Мичи Іоаннъ Асѣнь (III), котораго императоръ Михаилъ женилъ на своей дочери и тѣмъ сроднилъ еще разъ съ угорскимъ королемъ.

Не вполнѣ-ли объясняется всѣмъ этимъ и сущность отношеній Святослава къ Уграмъ, и непрочность этого сближенія, и трагическая судьба Святослава? Повторяемъ, мы высказываемъ всѣ эти соображенія, считая ихъ болѣе естественными и вѣрными, но признать ихъ окончательно разрѣшающими всѣ вопросы и недоумѣнія мы пока воздерживаемся, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ, быть можетъ съ новыми данными въ рукахъ, произнести окончательный приговоръ надъ ними.

Родословная *Тертерьевичей*, этой популярной, сильной боярской фамиліи, достигшей болгарскаго престола въ смутное время по смерти царя Константина—благодаря тому, что на нее думалъ опереться канди-

датъ императора Михаила Палеолога, сынъ Мичи Іоаннъ Асѣнь III,— прослѣжена авторомъ достаточно полно и обстоятельно.

Странно только, что говоря съ самаго начала о возвышеніи Георгія Тертерія, благодаря сказанному обстоятельству (т. е. необходимости дать поддержку этому претенденту), авторъ ни словомъ не упоминаетъ о выдачѣ за мужъ за Тертерія сестры Іоанна Асѣня, т. е. о самомъ главномъ фактѣ, выдвинувшемъ этого боярина. И только позже въ числѣ женъ Тертерія онъ называетъ эту сестру Іоанна III и упоминаетъ о мотивѣ этого брака. Второго сына Георгія Тертерія и брата Ѳеодора Святослава г. Вертнеръ называетъ неправильно *Войславомъ*, вм. Войсилъ (Βοϊσίλας у Кантакузена, см. К. Иречекъ, стр. 382, пр.), повторяя потомъ эту ошибку и относительно брата Смильца. Зато авторъ справедливо исправляетъ мнѣніе Иречка и другихъ о женѣ извѣстнаго боярина и царя Смильца, которую они считаютъ дочерью севастократора Константина и внучкою имп. Андроника II, и доказываетъ, что послѣдняя по возрасту никакъ сюда не подходила (была слишкомъ молода), а что женою Смильца была дочь Константина, сына императора Михаила VIII, т. е. внучка послѣдняго.

Заключительный отдѣлъ этой (болгарской) части труда г. Вертнера посвященъ послѣдней династіи царей болгарскихъ *младшимъ Шишмановичамъ*. И къ этому отдѣлу примѣняется то, что нами говорено о всѣхъ тѣхъ частяхъ труда, гдѣ авторъ, не имѣя подспорья и опоры въ своихъ венгерскихъ источникахъ, не пытается самостоятельно углубляться въ предметъ и компилируетъ по доступнымъ ему источникамъ и пособіямъ, не подозрѣвая о многихъ новѣйшихъ изысканіяхъ и предложенныхъ спеціалистами разъясненіяхъ темныхъ вопросовъ.

О *Шишмановичахъ*, ихъ генеалогіи и ихъ судьбѣ онъ разсказываетъ опять по Иречку, распространяя и дополняя его иногда по общеизвѣстнымъ источникамъ и повторяя всѣ имъ и другими сдѣланныя упущенія, промахи и господствующія воззрѣнія.

Такъ напр. объ извѣстномъ царѣ Шишманѣ, сынѣ царя Михаила, авторъ вкратцѣ повторяетъ Иречка, не вѣдая повидимому ничего объ изслѣдованіи критика его, покойнаго В. В. Макушева по дубровницкимъ источникамъ, посвященномъ этой интересной романтической личности и совершенно измѣняющемъ прежнія мнѣнія о странствованіяхъ Шишмана и его матери Анны по изгнаніи изъ Болгаріи. Многое и другое

для себя поучительное могъ бы вычитать г. Вертнеръ у того же Маку шева, да и у другихъ новѣйшихъ славянскихъ историковъ, касавшихся послѣдняго періода политическаго существованія Болгаріи въ правленіе Бдинской династіи.

Что касается собственно *генеалогіи* Шишмановичей, то и тутъ г. Вертнеръ не представляетъ ничего новаго для выясненія нѣкоторыхъ тёмныхъ пунктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тутъ кое-что оказалось ему неизвѣстнымъ. Такъ свѣдѣнія его о семействѣ (дѣтяхъ) царя I. Александра и его родствѣ съ сербскимъ домомъ (Ст. Душана) могли бы быть полнѣе и точнѣе, еслибъ авторъ могъ воспользоваться какъ нѣкоторыми прежними славянскими изслѣдованіями (напр. Николаевича — о сербскихъ Комнинахъ), подлинными сербскими и болгарскими памятниками, особенно поменниками (также работой о нихъ Новаковича), такъ и болѣе новыми публикаціями, напр. статьей г. Успенскаго о лондонскихъ славянскихъ рукописяхъ (Британскаго Музея) времени царя Александра и нашими къ ней дополненіями въ статьѣ „Лондонскія замѣтки“ (Р. Ф. Вѣст., 1887, кн. 1) по поводу тѣхъ же рукописей. Эти послѣднія замѣтки пригодились бы автору для его сообщенія о дочеряхъ Іоанна Александра и дали бы возможность дополнить ихъ свѣдѣніями о *зятѣ царя Александра*, „господинѣ“ и деспотѣ Константинѣ (Дѣяновичѣ) „болгарскомъ князѣ“—извѣстномъ героѣ сербскаго и болгарскаго эпоса, о которомъ авторъ очевидно ничего не знаетъ.

Этими бѣглыми замѣчаніями мы и покончимъ разборъ не безъинтересной и всеже полезной монографіи г. Вертнера. По разсмотрѣнной части можно составить себѣ общее понятіе и о цѣломъ трудѣ, отличающемся безъ сомнѣнія тѣми же свойствами и тѣми же несовершенствами. Не можемъ не пожелать, чтобъ и другія его части появились на нѣмецкомъ языкѣ и стали такимъ образомъ общимъ достояніемъ науки [1]). Этотъ трудъ

---

[1]) Уже по окончаніи этой статьи мы узнали, что г. Вертнеръ продолжаетъ помѣщать свой трудъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ томъ же журналѣ и недавно уже появилось начало его изслѣдованія по генеалогіи *сербскихъ* династій. Должны признаться, что просмотръ этой статьи, посвященной древнѣйшей, самой тёмной эпохѣ сербской исторіи (до нач. XIII в.) привелъ насъ, къ сожалѣнію, къ еще менѣе выгодному для автора мнѣнію о цѣломъ его трудѣ. Эта часть въ гораздо еще бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ

во всякомъ случаѣ можетъ оживить интересъ къ предмету и подстрекнуть другихъ болѣе подготовленныхъ къ дѣлу ученыхъ, спеціалистовъ— къ его разработкѣ, а надеждой именно на это и мотивировалъ авторъ (см. предисловіе) свой посильный опытъ.

болгарская, обнаруживаетъ всѣ существенные пробѣлы и недочеты въ подготовкѣ автора. Старая исторія Сербіи въ новѣйшее время усердно разрабатывается какъ самими сербами, такъ и вообще славянскими учеными (особенно русскими), и вся эта литература остается недоступною г. Вертнеру. А съ устарѣвшими трудами въ родѣ Энгеля и Пеячевича и съ одними иноземными и латинскими источниками въ сербской исторіи далеко не уйдешь! Вотъ почему и работа нашего автора выходитъ изъ подъ пера его уже *устарѣвшею* и совершенно не выдерживающею критики — даже въ отдѣлѣ угросербскихъ отношеній. Трудно поэтому ожидать чего-либо болѣе удовлетворительнаго и отъ послѣдующихъ частей. Жаль, очень жаль столь мало производительно потраченнаго труда!